

Константинополь.

Хроники IV Крестового похода

в рукописях очевидцев и участников

Дмитрий Алексеев

**Константинополь. Хроники
IV Крестового похода**

«Автор»

2026

Алексеев Д.

Константинополь. Хроники IV Крестового похода / Д. Алексеев —
«Автор», 2026

В начале XIII века рыцари Западной Европы отправляются в новый крестовый поход, намереваясь достичь Святой земли. Но долги перед Венецией, политические интриги и борьба за византийский престол меняют их путь. Через осаду Зары, расколы внутри войска и переговоры с изгнанным византийским принцем крестоносцы оказываются у стен величайшего города христианского Востока — Константинополя. Эта книга представляет собой сборник рукописей и объединяет свидетельства участников и современников Четвёртого крестового похода, сохраняя взгляд людей XIII века на события, которые навсегда изменили судьбу Византии и Средиземноморья. Здесь дипломатия соседствует с рыцарскими походами, религиозный порыв — с борьбой за власть и богатство, а великая история предстаёт глазами тех, кто видел её собственными глазами. Рукописи переведены с французского языка на русский максимально близко по смыслу и позволяют читателю ознакомиться с событиями тех лет в полном соответствии с представлениями современников.

© Алексеев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
МЕМУАРЫ	10
АНАЛИТИЧЕСКОЕ УКАЗАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ДОКУМЕНТОВ.	135
МЕМУАРЫ АНРИ ДЕ ВАЛАНСЬЕННА.	136
МЕМУАРЫ СИРА ДЕ ЖУАНВИЛЯ.	161
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Дмитрий Алексеев

Константинополь. Хроники

IV Крестового похода

Константинополь
Хроники Четвёртого крестового похода
КОЛЛЕКЦИЯ МЕМУАРОВ,
СЛУЖАЩИХ
ИСТОРИИ ФРАНЦИИ,
ОТ XIII ВЕКА ДО КОНЦА XVIII;

Предваренная
ОЧЕРКАМИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМИ КАЖДОГО АВТОРА МЕМУАРОВ И ЕГО
ЭПОХУ,
с последующим анализом относящихся к ним исторических документов;
ГГ. МИШО, ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ, И ПУЖУЛА.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНА	7
АНАЛИТИЧЕСКОЕ УКАЗАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ДОКУМЕНТОВ.	246
МЕМУАРЫ АНРИ ДЕ ВАЛАНСЬЕННА.	247
МЕМУАРЫ СИРА ДЕ ЖУАНВИЛЯ.	295
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.	321
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.	339
АНАЛИТИЧЕСКОЕ УКАЗАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ЦАРСТВОВАНИЯ СВЯТОГО ЛЮДОВИКА.	550
ДЕЯНИЯ ЛЮДОВИКА IX,	555
БОЛЬШАЯ ХРОНИКА СЕН-ДЕНИ.	563
ЖИЗНЬ СВЯТОГО ЛЮДОВИКА,	565
ЖИЗНЬ И СВЯТАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДОВИКА IX,	572
ХРОНИКА МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО.	575
УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯТОГО ЛЮДОВИКА.	580
ПИСЬМА, НАПИСАННЫЕ С ВОСТОКА	589
ПИСЬМО ЖАНА ПЬЕРА САРАЗЕНА,	618
ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ АРАБСКИХ ИСТОРИКОВ,	668
МЕМУАРЫ XIV ВЕКА,	726
СТАРИННЫЕ МЕМУАРЫ XIV ВЕКА	739
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	740
ГЛАВА II.	748
ГЛАВА III.	750
ГЛАВА IV.	752
ГЛАВА VI.	757
ГЛАВА V.	770
ГЛАВА VII.	777
ГЛАВА VIII.	783
ГЛАВА IX.	804
ГЛАВА X.	818
ГЛАВА XI.	834
ГЛАВА XII.	839
ГЛАВА XIV.	864
ГЛАВА XV.	868
ГЛАВА XVI.	873
ГЛАВА XIII.	896
ГЛАВА XVII.	924
ГЛАВА XVIII.	933
ГЛАВА XIX.	950
ГЛАВА XX.	958
ГЛАВА XXI.	962
ГЛАВА XXII.	967
ГЛАВА XXIII.	974
ГЛАВА XXIV.	983
ГЛАВА XXV.	989
ГЛАВА XXVI.	996
ГЛАВА XXVII.	1011

ГЛАВА XXVIII. 1020

ГЛАВА XXIX. 1030

ГЛАВА XXX. 1039

ГЛАВА XXXI. 1055

ГЛАВА XXXII. 1070

ГЛАВА XXXIII. 1084

ГЛАВА XXXIV. 1091

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЮГЕКЛЕНУ ИЛИ К ЕГО ИСТОРИИ. 1102

КНИГА ДЕЯНИЙ 1139

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ КНИГИ О ДЕЯНИЯХ И ДОБРЫХ НРАВАХ 1140

ГЛАВА II. Здесь говорится, какова была причина и по чьему повелению была создана эта книга. 1141

ГЛАВА II, где говорится, по какому случаю и по чьему повелению была создана эта книга. 1143

ГЛАВА III. Здесь говорится о причине, по которой настоящий том будет изложен в трёх различных частях. 1144

ГЛАВА III, где объясняется, почему настоящее произведение разделено на три отдельные части. 1145

ГЛАВА IV. Здесь говорится, что такое благородство духа. 1145

ГЛАВА IV, где говорится о том, что такое благородство сердца. 1146

ГЛАВА V, где говорится, из какого места, от каких народов и в какое время произошли первые короли Франции и французы. 1148

ГЛАВА V, где говорится, откуда, от каких народов и в какое время произошли первые короли Франции и французы. 1149

ГЛАВА VI. Здесь говорится о рождении короля Карла. 1151

ГЛАВА VI, где говорится о рождении короля Карла. 1151

ГЛАВА VII. Здесь говорится о юности короля Карла и о том, какая великая опасность бывает, когда детям государей не даётся руководство доброго учения. 1154

ГЛАВА VII, где говорится о юности короля Карла и об опасности не давать хороших наставлений детям государей. 1154

ГЛАВА VIII. Здесь говорится о коронации короля Карла и о том, как вскоре после неё он начал следовать правилу добродетели. 1158

ГЛАВА VIII, где рассказывается о коронации короля Карла и о том, как вскоре после неё он начал вести добродетельную жизнь. 1159

ГЛАВА IX. Здесь говорится о юности и её свойствах. 1160

ГЛАВА IX, где говорится о юности и её склонностях. 1161

ГЛАВА X. Здесь ещё говорится о том же самом. 1163

ГЛАВА X. Продолжение того же предмета. 1164

ГЛАВА XI. Здесь ещё говорится о юности. 1167

ГЛАВА XI, где ещё говорится о юности. 1167

ГЛАВА XII. Здесь говорится о времени рассудительности и совершенного возраста. 1170

ГЛАВА XII, где говорится о возрасте рассудительности и о совершенном возрасте. 1172

ГЛАВА XIII. Здесь ещё говорится о зрелом возрасте. 1175

ГЛАВА XIII, где ещё говорится о зрелом возрасте. 1175

ГЛАВА XIV. Здесь приводятся доказательства, посредством доводов и примеров, благородства духа мудрого короля Карла. 1179

ГЛАВА XIV, где посредством доводов и примеров доказывается благородство сердца короля Карла Мудрого. 1180

ГЛАВА XV. Как король Карл при жизни устроил государство в прекрасном порядке. 1183

ГЛАВА XV. Как король Карл установил прекраснейший порядок в государственных делах. 1183

ГЛАВА XVI. Здесь приводятся примеры добродетельных государей, ведших хорошо устроенную жизнь, и, возвращаясь к королю Карлу, говорится, как он во всём был хорошо упорядочен. 1186

ГЛАВА XVI, где приводятся разные примеры добродетельных государей и хорошо устроенной жизни и напоминается, в связи с королём Карлом, как он сам был во всём точен и размерен. 1187

ГЛАВА XVII. Здесь говорится о наружности и телосложении короля Карла. 1194

ГЛАВА XVII, где говорится о наружности и телосложении короля Карла. 1194

ГЛАВА XVIII. Здесь говорится, как король Карл держал себя в своих замках и какой порядок соблюдал в верховой езде. 1195

ГЛАВА XVIII, где говорится, как король Карл управлял собой в своих замках и какой порядок соблюдал во время поездок верхом. 1196

ГЛАВА XIX. Здесь говорится о порядке, который король Карл соблюдал при распределении доходов своего королевства. 1198

ГЛАВА XIX, где говорится, какого правила держался король Карл при распределении доходов своего королевства. 1199

ГЛАВА XX. Здесь говорится о правиле, которое король Карл соблюдал в устройстве состояния королевы. 1200

ГЛАВА XX, где говорится, как король Карл содержал в порядке дом королевы. 1201

ГЛАВА XXI. Здесь говорится о порядке, который король Карл установил в воспитании и обучении своих детей. 1205

ГЛАВА XXII. Здесь начинается речь о добродетелях короля Карла, и прежде всего о его благоразумии и мудрости. 1206

ГЛАВА XXI, где говорится, как король Карл устроил воспитание своих детей. 1206

ГЛАВА XXII, где начинают говорить о добродетелях короля Карла и прежде всего о его благоразумии и мудрости. 1207

ГЛАВА XXIII. Здесь говорится о добродетели справедливости короля Карла. 1207

ГЛАВА XXIII, где говорится о добродетелях короля Карла в том, что касается справедливости. 1209

ГЛАВА XXIV. Здесь говорится о благодати и милосердии короля Карла. 1211

ГЛАВА XXIV, где говорится о благодати и милосердии короля Карла. 1213

ГЛАВА XXV. Здесь ещё говорится о том же и приводятся другие достоверные истории. 1216

ГЛАВА XXV, где говорится о том же предмете и о других достоверных историях. 1218

ГЛАВА XXVI. Здесь говорится, как смирение подобает высокому государю и достойно похвалы в нём. 1222

ГЛАВА XXVI, где говорится о том, как смирение подобает великому государю и как оно делает ему честь. 1223

ГЛАВА XXVII. Здесь говорится о порицании гордых и приводится много примеров. 1224

ГЛАВА XXVII, где говорится о презрении, преследующем гордых, и приводится много примеров. 1225

ГЛАВА XXVIII. Здесь говорится о щедрости и мудрой великодушной щедрости короля Карла. 1230

ГЛАВА XXVIII, где говорится о щедрости и мудром великодушии короля Карла. 1231

ГЛАВА XXIX. Здесь говорится о добродетели целомудрия в лице короля Карла. 1233

ГЛАВА XXIX, где говорится о добродетели целомудрия в лице короля Карла. 1234

ГЛАВА XXX. Здесь говорится о воздержности, достойной похвалы в лице короля Карла. 1237

ГЛАВА XXXI. Здесь говорится о добродетели правдивости в лице короля Карла. 1237

ГЛАВА XXX, где говорится о воздержности короля Карла. 1238

ГЛАВА XXXI, где говорится о добродетели правдивости в лице короля Карла. 1238

ГЛАВА XXXII. Здесь говорится о добродетели любви в лице короля Карла. 1242

ГЛАВА XXXII, где говорится о добродетели любви в лице короля Карла. 1243

ГЛАВА XXXIII. Здесь говорится о благочестии короля Карла. 1247

ГЛАВА XXXIII, где говорится о благочестии короля Карла. 1248

ГЛАВА XXXIV. Ещё о благочестии короля Карла и другие примеры. 1251

ГЛАВА XXXIV, где ещё говорится о благочестии короля Карла и приводятся другие примеры. 1253

ГЛАВА XXXV. Здесь говорится о том, что при раздаче даров следует соблюдать меру и что безрассудная щедрость есть порок. 1254

ГЛАВА XXXV, где говорится, что при раздаче даров следует хранить меру и что безумная щедрость есть порок. 1255

ГЛАВА XXXVI. Здесь заключение первой части. 1258

ГЛАВА XXXVI. Здесь находится заключение первой части. 1259

МЕМУАРЫ

ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНА.

ОЧЕРК

О ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНЕ,

МАРШАЛЕ ШАМПАНИ И РОМАНИИ.

Следующий очерк не будет историей заморского похода французов и венецианцев в первые годы XIII века; мы намерены начертать здесь биографию Жоффруа де Виллардуэна, а не рассказ о далеких событиях, в которых он нередко принимал благородное участие; история — произведение слишком важное, слишком возвышенное, чтобы заключать ее в тесные рамки очерка; кроме того, лучший способ выделить личность состоит не в том, чтобы нагромождать вокруг нее множество событий, способных заставить о ней забыть. Очерки, которые будут помещены во главе Мемуаров этой новой коллекции, станут чистым и простым выражением облика тех, кто их написал или вдохновил; если угодно, их можно сравнить с портретами авторов, помещаемыми в начале книг. Следуя по жизни за человеком, которому мы будем обязаны теми или иными мемуарами, совершенно очевидно, что для нас будет невозможно не указывать факты, с которыми связано его имя; такого рода указания совершенно естественно принадлежат биографу. Наша задача состоит не в том, чтобы писать историю рядом со старыми повествователями, которых мы издаем, а в том, чтобы сделать так, чтобы все эти свидетели прошлого были хорошо поняты публикой. Предыдущие замечания непременно должны были найти место в начале нашей работы.

Известно, что род Виллардуэнов был шампанским. Замок, в котором родился наш маршал, находился в одной лье от реки Об, на левом берегу, в одной лье к востоку от местечка Пине и в шести лье к востоку от Труа; на месте замка ныне находится деревня, носящая имя Виллардуэн; у подножия этой деревни еще можно различить старые рвы. Селение, унаследовавшее место и, без сомнения, также камни старого замка, расположено на южном склоне возвышенности, принадлежащей к небольшой цепи холмов. Мы не станем излагать историю дома Виллардуэнов, одного из самых знаменитых домов Франции; мы ничего не скажем здесь о Жоффруа де Виллардуэне, племяннике маршала, и о Гийоме де Виллардуэне, другом его племяннике, обоих завоевателях и князьях Пелопоннеса, чье государство держалось лучше, чем французские государства Византии и Фессалоники; здесь речь пойдет только о Виллардуэне, авторе Мемуаров.

Неизвестно, в какое именно время Жоффруа был облечен достоинством маршала Шампани и сколько ему было лет, когда он принял крест; ученые полагают возможным назвать 1191 год¹ вероятной датой, когда Жоффруа сменил своего отца Гийома в должности маршала, и предполагают, что ему было по меньшей мере сорок пять лет, когда евангельская труба призвала народы к крестовому походу. У Жоффруа было два брата и три сестры; его братьями были Жан де Виллардуэн и Ги де Виллардуэн, которых воодушевление святых походов не смогло

¹ Г-н Пти-то указывает 1180 год; свидетельство ученого Дюканжа позволяет нам принять противоположное мнение: акты, которые он видел, начинают именовать Жоффруа маршалом лишь с 1191 года, при графе Генрихе II.

вырвать из спокойствия родного края; его сестрами были Эммелина, принявшая монашескую жизнь в аббатстве Фруасси², Эй, также посвятившая себя религии в аббатстве Нотр-Дам в Труа; третья его сестра, имя которой до нас не дошло, вышла замуж за Ансо де Курсель; у нее был сын, который последовал за экспедицией в Константинополь и получил свою долю добычи Греческой империи. У нашего шампанского маршала была жена по имени Жанна, двое сыновей, один из которых звался Эрар, другой Жоффруа, и три дочери, Ализ, Дамерон и Мари; по примеру баронов-паломников Жоффруа готовился к крестовому походу молитвами и благочестивыми пожертвованиями; он отдал церкви Кенси³ землю, которой владел близ Пюи-де-Шассере⁴, и передал всю десятину, причитающуюся ему с владений Лонгвиль⁵, часовне Святого Николая в Брандонвилье⁶.

Князья и рыцари креста могли надеяться, что Иисус Христос воздаст им в заморских странах сторицей за их милостыню; иной барон, который, отправляясь в путь, наделял некоторыми доходами церковь своей провинции, получал взамен на Востоке герцогство или королевство.

Жоффруа де Виллардуэн славился мудростью своих советов и красноречием; он был одним из шести посланников, отправившихся просить у Венецианской республики корабли и помощь для святой экспедиции. Ему поручили говорить в церкви Святого Марка перед дожем и собравшимся народом; маршал умолял господ республики пожалеть Иерусалим, находившийся в рабстве у турок, и сопровождать французских крестоносцев в заморскую страну, чтобы отомстить за поругание Иисуса Христа; он говорил им, что ни один народ на море не обладает такой великой силой, как они; оратор добавлял, что могущественные бароны Франции, пославшие его и его спутников, велели им пасть к их ногам и не подниматься прежде, чем венецианские господа согласятся сжалиться над Святой землей за морем. В тот же миг шесть посланников преклонили колени, много плача, а дож и народ воскликнули в один голос: «Мы даруем это, мы даруем это». Это единодушное решение стало мгновенным плодом красноречия Виллардуэна; на следующий день все договоры были подписаны, а грамоты и патенты составлены. Жоффруа возвращался в Шампань с добрыми вестями; но радость его возвращения вскоре сменилась трауром. Маршал был одним из тех, кого особенно сильно поразила смерть сеньора Тибо, которому едва исполнилось двадцать два года и который двумя годами прежде принял крест среди празднеств турнира, а умер с сожалением о том, что не смог сразиться с врагами Иисуса Христа. Графиня Бланка, вдова Тибо, нашла в Виллардуэне доброго советника и твердого защитника в своих политических переговорах с Филиппом Августом. После смерти молодого предводителя крестового похода, когда герцог Бургундский и граф Бар-ле-Дюк отказались его заменить, именно Жоффруа побудил шампанских баронов предложить командование войском Бонифацию, маркизу Монферратскому.

Советы маршала принимались словно спасительные внушения; Жоффруа был связан дружбой или уважением с главными лицами королевства, а прямота его суждений, соединенная с полным знанием дел, давала ему большое влияние; он был человеком трудных переговоров, посланником для щекотливых увещаний; так, его отправили к Людовику, графу Блуа,

² Фруасси, местечко, расположенное в 4 лье к северо-востоку от Бове (Уаза).

³ Деревня Кенси находится в 2 1/2 лье от Провена (Сена и Марна). Есть другое место под названием Кенси, в 1 1/2 лье от Мо, но здесь речь идет не о нем.

⁴ До сих пор существует деревня Шассере в 8 лье от Труа.

⁵ Две деревни под названием Лонгвиль находятся... в окрестностях Труа, одна в 3 лье от Арси, в 7 лье от Труа; другая в 3 1/2 лье от Эрви, в 4 малых лье от Труа.

⁶ Брандонвилье, в 10 лье от Шалон-сюр-Марн.

который, двигаясь со своим отрядом, избрал иной путь, чем через Венецию, чтобы идти за море. Маршалу удалось вернуть графа Блуа, и это была немалая услуга, оказанная им христианскому войску.

Жоффруа всем сердцем принял это великое предприятие; как же он удручен, когда рассказывает о раздорах, о прискорбных ссорах, вспыхнувших среди паломников в Венеции, Заре и Корфу! Особенно горько он жалуется на крестоносцев, которые хотели раздробить войско и желали ему зла. Поэтому, когда после самых несчастных споров христианский флот наконец покидает Корфу, чтобы плыть к Константинополю, невозможно не волноваться, видя живую радость и воодушевление маршала; именно тогда Жоффруа называет себя автором этой истории: «И хорошо свидетельствует Жоффруа, маршал Шампани, который продиктовал это произведение». Пораженный зрелищем стольких христианских кораблей, бегущих по обширной водной глади, он восклицает, что «никогда не видали столь прекрасного зрелища» и что «сердца людей очень радовались этому».

Занятый исключительно великими делами, о которых рассказывает, Виллардуэн, идущий прямо к цели, как добрый крестоносец первых времен, вовсе не думает о географии земель, которые пересекает; в его рассказе не следует искать описаний берега или острова, воспоминаний, оставленных там древними веками. Так, Виллардуэн, проведя три недели на острове Корфу, ограничивается словами, что этот остров «был очень богат и изобилен»; маршал почти не останавливается ни на каких подробностях, кроме тех, что касаются похода, историком которого он является; поэтому во время морского пути он не забывает сообщить нам, хороши ли дни, благоприятны ли ветры. Когда флот покидает Корфу, его не заботит, какие земли остаются вдаль на горизонте; ему безразлично, называются ли эти земли Левкадой, Кефалонией, Итакой или Закинфом; ему нужна счастливая и быстрая переправа, и потому он восклицает, что «день был прекрасен и ясен, а ветер мягок и приятен». И действительно, был май, когда франкские корабли шли к Константинополю; они имели попутный северо-западный ветер, который является весенним ветром в этих местах; именно этот северо-западный ветер дул в наши паруса, когда в июне 1204 года, несомые по тем же морям, мы искали берега Греции. Христианский флот оставил слева, на востоке, Наварин и Модон, которые мы посетили; Наварин, ныне окруженный свежими развалинами на пустынном берегу; Модон, восстановивший свои стены с французским гарнизоном; маленькие бесплодные островки Сапиенца, никогда не знавшие человеческих жилищ. Виллардуэн не называет ни Корона, ни Каламаты, а лишь мыс Малею, на который моряки не смотрят без страха.

Флот, миновав Чериго, Наполи-ди-Мальвазия, Идру, мыс Суний и Афинский залив, бросает якорь у Негропонта, чтобы держать там совет; затем, снова выйдя в море, он пересекает воды Хиоса, Лесбоса, Тенедоса, входит в Геллеспонт и высаживается в Абидосе; экспедиция останавливается там на восемь дней, чтобы дожидаться маркиза Монферратского и графа Фландрского, которые отклонились к острову Имброс, чтобы там признали молодого принца Алексея. Из всех знаменитых мест, которые мы только что назвали, Негропонт, Имброс и Абидос — единственные, упомянутые маршалом. Мы, прошедшие всеми этими путями, бороздившие все эти воды, объехавшие все эти земли, как хотели бы мы найти в описаниях Виллардуэна образ того, что видели сами; но Виллардуэн занимался местностями не больше, чем все наши старые хронисты-паломники; его великим делом был Константинополь, как великим делом древних крестоносцев был Иерусалим, и доброму маршалу не пришлось укорять себя в том, что он смотрел направо и налево. Нам нет нужды добавлять, что на пути от Абидоса до Святого Стефана Виллардуэн также пренебрег местами: какое дело было ему до полей Трои с их гомеровскими реками, до Лампсака с его богатыми склонами, до Кизика и горы Диндим,

которые не напомнили бы ему ни аргонавтов, ни богиню Кибелу? Для людей, гордившихся незнанием Гомера и презиравших светские искусства Греции, такие места могли представлять лишь весьма умеренный интерес.

При осаде Константинополя Виллардуэн состоял в отряде, которым командовали Матьё де Монморанси и Эд де Шамплит; нет сомнения, что доблестный маршал принял славное участие в осаде и завоевании императорского города, но этот верный рассказчик, с удовольствием заносивший в свои Мемуары блестящие подвиги каждого рыцаря, молчит о собственных поступках. Можно сказать, что Мемуары Виллардуэна — в меньшей степени его собственные мемуары, чем мемуары всех его товарищей по оружию; эта смиренная сдержанность, это забвение себя, которого не встречаешь у воинов древности, является одной из черт нашего христианского рыцарства.

После бегства узурпатора Алексея, когда Исаак вновь взошел на престол Византии, Виллардуэн был одним из четырех послов, отправившихся требовать от императора исполнения договоров; он говорил перед императором и призвал его ратифицировать различные соглашения, которые его сын-принц обязался выполнить; Исаак ратифицировал их присягой и золотыми буллами, и договоры, таким образом признанные, были вручены послам. Позднее, когда принц Алексей забыл свои обещания и договоры с франками, другое посольство, в котором также находился Виллардуэн, гордо потребовало от молодого императора выполнить условия, скрепленные клятвой. Известно, как неблагодарные отказы Алексея привели к войне и как старая Восточная империя стала французской империей.

Если бы Виллардуэн в своей героической и христианской скромности не хранил молчания обо всем, что касается лично его, мы могли бы с интересом следовать за ним, когда он поддерживал своим мечом императора Балдуина в различных военных походах; но напрасно ищем мы маршала в этих первых экспедициях французского императора; вновь мы встречаем его в 1204 году, когда он примиряет Балдуина и Бонифация, маркиза Монферратского. Это примирение, принесшее новой империи больше пользы, чем победы над врагом, составляет славу в жизни Виллардуэна. Бонифаций, которому император уступил Фессалоники и их владения, требовал вступить во владение своим княжеством и хотел отвлечь императора от похода к Фессалоникам со своим войском. «Сир, — сказал он ему, — я прошу тебя, раз я могу завоевать свою землю без тебя, не входи туда; а если ты войдешь, мне не кажется, что ты сделаешь это ради моего блага». Маркиз добавлял, что если, вопреки его просьбе, император войдет в его земли, он отделится от него.

Балдуин остался глух к увещаниям маркиза Монферратского. Тогда увидели, как Бонифаций и император обратили оружие друг против друга и дали латинянам скандальное зрелище жестокого раскола. В следующих Мемуарах будет видно, как по просьбе христианских баронов Виллардуэн сумел вернуть Бонифация, которым он был очень любим, и как благодаря его могущественному посредничеству два соперничающих князя заключили мир. Благородное поведение маршала Шампани, приведшее к этому важнейшему примирению, напоминает нам искусные усилия Нестора или Одиссея в «Илиаде», направленные на примирение Ахилла и Агамемнона. После мудрости Виллардуэна и влиятельного авторитета его речи в рассказе об этих переговорах нас поражает смелая уверенность, с которой бароны обращаются к главе империи, и легкая покорность государя. В те времена на заморской земле сеньоры и рыцари выбирали себе королей из товарищей по оружию; чувство нерушимого братства связывало воинов с коронованным князем; и когда речь шла о спасении войска, всякое величие отступало перед необходимостью увещаний.

Военным событием, в котором Виллардуэн проявил больше всего храбрости и способностей, было отступление французов после губительной битвы при Адрианополе, состоявшейся в четверг пасхальной недели 1205 года. Собрав все остатки разбитого войска, нужно было укрыть их от преследования болгарского короля; Родосто был пунктом, которого следовало достичь, чтобы уйти от опасности, а от Адрианополя до Родосто беглецам предстояло пройти двадцать пять лье. Лагерь сняли среди ночной тьмы...

...и еще до наступления дня несчастный отряд уже находился довольно далеко от врага; но враг пустился по его следам. Жоффруа прикрывал арьергард и сам направлял движение бедных беглецов; шли медленным шагом, чтобы не оставить на дороге, во власти врага, раненых, больных и всех, кто не мог бы выдержать быстрого бегства. Две ночи и один день проходят в утомлении и тревогах, и наконец перед их глазами появляются стены Родосто. Четыре года назад, когда в греческом каике мы следовали вдоль берегов Родосто, Селиврии и Ираклии, мы перечитывали Мемуары Виллардуэна, чтобы наложить воспоминания о героической старой Франции на все эти желтые, обрывистые и пустынные берега Фракии; мы думали об этом славном отступлении нашего средневекового Ксенофонта, о его дарованиях и мужественной самоотверженности, спасших тогда столь многих христиан от железа варваров.

Перед лицом врага, как и в совете князей, ничего важного не происходило без Жоффруа. В 1206 году, когда Генрих, регент империи, выступил против короля болгар, осаждавшего Дидимотику, маршал командовал авангардом; 400 франкских рыцарей собирались предложить битву армии из 40 000 всадников и большого числа пехотинцев. Виллардуэн, двигавшийся во главе христиан, должен был проявить мудрость и храбрость; но маршал ничего не сообщает нам об этом; он ограничивается словами, что «никогда люди не шли с большей опасностью искать битвы»; при приближении крестоносцев враг сжег свои осадные машины и оставил Дидимотику. Некоторое время спустя, в том же 1206 году, миссия, ставшая для маршала приятным отдыхом, призвала его на берега Геллеспонта в город Абидос, именуемый нашими франкскими рыцарями Авис; дочь маркиза Монферратского Агнесса, обрученная с императором Генрихом, была отправлена на галере в Абидос, и Жоффруа де Виллардуэн получил поручение «поехать за дамой, которая была очень добра и прекрасна». Вероятно, принимая благородную невесту своего государя на этом берегу, маршал не думал о поэтической любви Геро и Леандра. Абидос в ту эпоху еще был значительным городом; он разделит судьбу многих других городов Геллеспонта, и его разрушение было почти полным. Место города — треугольный участок земли, сохранивший от древнего Абидоса и средневекового Ависа лишь участок кирпичной стены, стоящий на берегу Нагарской якорной стоянки; на западной оконечности этой местности, у пролива, мы видели турецкую крепость, именуемую Нагара-Бурун, подобную замкам Дарданелл, расположенным в одной лье оттуда к югу.

В 1207 году Жоффруа был среди баронов, сопровождавших императора Генриха в небольшой экспедиции против греков к Кивитоту, называемому в Мемуарах Шивело. В нашей «Переписке с Востока»⁷ можно найти некоторые подробности о Кивитоте, крепости, расположенной на азиатском берегу Пропонтиды, в глубине залива Мудания, недалеко к западу от Асканийского озера; Кивитот, имя которого является искажением латинского слова *civitas* (город), существует и сегодня под турецким названием Гио или Гемлек. В течение того же 1207 года Жоффруа со своим отрядом сел на одну из четырнадцати галер, предназначенных для сражения с флотом Феодора Ласкариса, угрожавшим франкским владениям в Геллеспонте и

⁷ Том III, стр. 168.

Пропонтиде; греческий флот не дождался боя; христиане преследовали его два дня и две ночи и отбросили на сорок миль дальше Абидоса.

Именно в 1207 году Жоффруа получил от маркиза Монферратского город Мосинополь и все его владения; достоинство маршала Романии, которым Балдуин I уже наделил его, давало Виллардуэну высокое положение среди баронов; владение несколькими крепостями в Македонии достойно вознаградило заслуги маршала. Приобретая территориальную власть, Виллардуэн тем лучше мог служить христианскому делу, и история должна считать его среди тех, кто больше всего сделал для Французской империи на Востоке.

На 1207 году заканчиваются Мемуары Виллардуэна; смерть маркиза Монферратского — последнее событие, рассказанное маршалом; он был вассалом и другом Бонифация; он оплакивает его утрату с горькой болью, и можно подумать, что он внезапно перестал писать после того, как рассказал о несчастном конце того, кто был одной из самых твердых опор империи и одним из наиболее любимых им товарищей по оружию. Не существует ничего, что могло бы помочь нам точно определить время смерти Жоффруа; ученые согласились отнести ее к 1213 году. Жоффруа умер не на поле битвы; он окончил в постели жизнь, целиком наполненную славными деяниями; ему было тогда около пятидесяти восьми лет. На этом Востоке, столь богатом великими античными гробницами, Средние века оставили немало славных французских могил; среди этих могил старых мучеников героизма именно могилу Виллардуэна я особенно хотел бы найти; но я не бывал в Мосинополе, да и время и варвары, вероятно, стерли последний след могилы маршала. Ни одна хроника, ни одно свидетельство не говорят нам о последних днях Виллардуэна; без сомнения, с приближением конца, среди чужой и враждебной страны, маршал Шампани думал о земле, которую покинул, о дочерях в монастырях Фруасси и Труа, о своем замке на берегах Оба, о землях Лонгвиля и Шассере.

Читатель, который следовал за нами в этом очерке, поймет удовольствие, испытанное нами, когда мы услышали похвалу нашему маршалу из уст хрониста XIII века; автор «Хроники Романии»⁸ говорит о Жоффруа де Виллардуэне как о наиболее выдающемся человеке в совете христианских баронов и самом мудром в войске; он дает понять, что без Жоффруа де Виллардуэна смерть молодого Тибо, графа Шампани, заставила бы отказаться от замысла крестового похода, результатом которого стали завоевание Византии и основание французской империи на Востоке; рассказав о смерти графа Шампани и о впечатлении, которое она произвела на паломников нового крестового похода, «Хроника Романии» выражается так: «Среди крестоносцев находился искусный рыцарь, благородный и мудрый более всех других; его звали мессир Жоффруа де Виллардуэн; он был великим маршалом Шампани, а кроме того — великим канцлером и первым советником покойного графа Шампани; он был одним из самых деятельных советников этого похода, и когда узнал о смерти графа, взял на себя все заботы о переправе за море; как мудрый человек, он рассудил, что было бы большим несчастьем, если бы из-за смерти одного человека не состоялся поход, который должен был стать спасением христиан; он понял, что было бы злом отказаться от этого замысла. Он взял с собой двух рыцарей из своего совета, покинул Шампань и направился во Фландрию; там он нашел графа Балдуина чрезвычайно опечаленным смертью графа Шампани. Разделив его скорбь, он благоразумно принялся его утешать; он столь хорошо владел даром речи и умел столь искусно внушать свои советы, что ему удалось вновь устроить экспедицию». Мы с готовностью привели этот отрывок из «Хроники Романии», потому что он заключает в себе одновременно весьма интересный исторический факт и дань уважения Жоффруа де Виллардуэну.

⁸ Эта хроника, составленная франко-греческими стихами, впервые опубликована г-ном Бюшоном.

В XI книге «Истории крестовых походов», заканчивая рассказ об экспедиции против Византии, г-н Мишо охарактеризовал повествование маршала Шампани таким образом, что я вынужден его процитировать; он также обрисовал облик двух других хронистов, рассказывавших те же события, — грека Никиты и Гюнтера, монаха ордена Сито; любопытно сопоставить эти три фигуры, каждая из которых выражает особый характер. «Грек Никита, — говорит г-н Мишо, — предается долгим стенаниям о судьбе побежденных; он горько оплакивает утрату памятников, статуй и богатств, поддерживавших роскошь его соотечественников. Его рассказы, наполненные преувеличениями и гиперболами, повсюду усеянные отрывками из Писания и светских авторов, почти всегда удаляются от благородной простоты истории и показывают лишь тщеславное щегольство ученостью. Никита в избытке своего тщеславия колеблется произнести имя франков и думает наказать их, умалчивая об их подвигах; когда он описывает бедствия империи, он только плачет и стонет; но, стеная, он все еще хочет нравиться и кажется более занятым своей книгой, чем родиной.

» Маршал Шампани не претендует на ученость и, кажется, гордится своим невежеством. Говорили, что он не умел писать; сам он признает, что продиктовал свою историю; его повествование, лишенное всякого духа изыска, но живое и одушевленное, повсюду напоминает язык и благородную откровенность доблестного рыцаря. Виллардуэн особенно искусен в том, чтобы заставлять героев говорить, и любит восхвалять храбрость своих товарищей; если он никогда не называет греческих воинов, то потому, что не знает их и не хочет знать. Маршал Шампани не растрогивается бедствиями войны и находит слова лишь для изображения подвигов героизма; только восторг победы способен исторгнуть у него слезы. Когда латиняне терпят великие поражения, он не умеет плакать; он умолкает, и видно, что он оставляет книгу лишь для того, чтобы идти сражаться.

» Есть еще одна современная история, характер которой также может помочь нам судить о веке, в котором жил ее автор, и о событиях, которые он рассказывает. Гюнтер, монах ордена Сито, писавший под диктовку Мартина Лица, пространно говорит о проповеди крестового похода и о добродетелях своего аббата, ставшего во главе крестоносцев Базельской епархии. Когда Венецианская республика увлекает крестоносцев к осаде Зары, он вспоминает приказания папы и умолкает. Мольбы и несчастья сына Исаака, завоевание Восточной империи его не трогают. Всегда поглощенный Святой землей, он не понимает, как христианские рыцари могут иметь иную мысль и давать иное обещание, кроме освобождения гробницы Иисуса Христа. Придавая мало цены светским победам, он ненадолго задерживается на описании осады Константинополя, а когда город взят, среди множества завоевателей великой империи видит лишь аббата своего монастыря, нагруженного благочестивой добычей Греции.

» Читая три современные истории Константинопольской экспедиции, видишь, что первая принадлежит греку, воспитанному при дворе Византии; вторая — французскому рыцарю; третья — монаху. Если первые два историка своей манерой письма и выражаемыми чувствами дают нам верное представление о греческой нации и героях Запада, то последний может также объяснить нам мнения и характер большинства тех крестоносцев, которые беспрестанно говорили о том, чтобы покинуть войско, вышедшее из Венеции, которых угрозы римского двора наполняли страхом и которых горячая набожность, гораздо более, чем любовь к завоеваниям, вела на Восток».

Многие ученые полагали, что Виллардуэн не умел писать, основываясь на том, что маршал говорит нам, будто продиктовал свое произведение; но это доказательство ничего не дока-

зывает. Разве неизвестно, что сеньор Средних веков редко писал сам, но обычно диктовал клирикам? Разве Жуанвиль не говорит, что продиктовал свои рассказы? Неужели думают, что все старинные Мемуары, относящиеся к истории Франции, были написаны собственноручно высокими лицами, чьи имена они носят? Почти все старые исторические страницы, дошедшие до нас, должны были пройти через перо секретарей. Наряду с этим рассуждением мы можем привести факты, доказывающие, что Виллардуэн умел писать; Дюканж говорит о подлинном его акте, хранившемся в аббатстве Нотр-Дам в Труа, которым Виллардуэн «дарует половину десятины Вез церкви Нотр-Дам де Фуасси, а другую половину — церкви Нотр-Дам в Труа, с условием, что его дочь Аликс и его сестра Эммелина будут пользоваться названной половиной до конца жизни, а другая его дочь Дамерон и его сестра Эй — другой половиной, также пожизненно, после чего все должно перейти в полную собственность названных церквей». Этот акт датирован 1207 годом. Еще одним документом в пользу нашего мнения является письмо, написанное Жоффруа графине Бланке, которая спрашивала его о числе фьефов, зависевших от графства Шампань; ничто не указывает, что это письмо не было написано самим Виллардуэном. В заморских странах, где битвы следовали за битвами, как дни за днями, рыцарь беспрестанно держал руку на рукояти меча, и ему не доставало покоя, чтобы пером изложить длинную историю; если бы Виллардуэн вернулся во Францию, быть может, среди досуга он сам написал бы рассказ о великих делах, которые видел; но там, в Византии или Мосинополе, лицом к Феодору Ласкарису или болгарину Иоаннице, доблестный маршал не мог отложить меч, и едва ли в промежутках между сражениями у него оставалось время диктовать какому-нибудь шампанскому писцу.

Мы хотели бы сказать несколько слов о старом языке, на котором написаны Мемуары Виллардуэна; эпохи изображают себя в языке; «стиль — это человек», сказано; «стиль иногда — это народ», добавим мы. Мы не знаем ничего, что лучше представляло бы французскую нацию XIII века, чем язык Виллардуэна. Прочтите рассказ маршала: военные нравы, политические нравы, семейные нравы — все там находится, и их характер передан благородной простотой выражения. Виллардуэн краток в своих повествованиях; он употребляет мало слов, чтобы сказать много вещей; потому что XIII век был веком действия, а эпохи, которые много делают, мало говорят. Как люблю я этот старый язык, воскрешающий для нас целое общество, подобно барельефу или картине, на которой был бы изображен целый век с его главными фигурами, с его чувствами, заботами и еще живыми делами! Не следует из плохо понятого усердия касаться пером слов этого старого языка под предлогом сделать его понятнее для массы читателей; изменить слово Виллардуэна, чтобы омолодить его, значило бы почти изменить первоначальный смысл слова, значило бы увечить историю, ибо слова здесь имеют свой облик, а этот облик нельзя заменить новыми словами; с тем же успехом можно было бы ударить молотом по старой фигуре барельефа и придать ей новую форму под предлогом сделать ее яснее и понятнее для взглядов любителей. Мы знаем, что большинство читателей не может понимать язык Виллардуэна; поэтому мы поместили под старым текстом перевод Дюканжа, но любители старого языка найдут первоначальный текст религиозно сохраненным. Сравнивая версию Дюканжа с первоначальным рассказом, мы сожалели, что переводчик пренебрег наивной простотой Виллардуэна, пикантным оборотом его фраз, живописной краткостью его выражений, всем тем, что придает его языку столько очарования и столь привлекательный облик; Дюканж ограничился тем, что дал читателям смысл Виллардуэна, и только. Мы наугад берем из Мемуаров маршала пример в подтверждение сказанного; Жоффруа рассказывает, что по возвращении из Венеции в Труа ему пришлось оплакивать смерть молодого графа Тибо:

«Столько ехал Жоффруа-маршал по своим дневным переходам, что прибыл в Труа в Шампани и нашел своего сеньора графа Тибо больным и нездоровым, и тот был очень рад

его приезду. И когда тот рассказал ему новость о том, как они исполнили свое дело, он так обрадовался, что сказал, что поедет верхом, чего давно уже не делал, и поднялся и сел на коня. И увы! Какая великая беда, ибо после этого он уже никогда не ездил верхом, кроме того раза. Болезнь его усилилась и стала столь тяжкой, что он составил свое распоряжение и завещание и разделил имущество, которое должен был взять с собой, между своими людьми и товарищами, среди которых было много добрых, и ни у одного человека в тот день не было их больше. Так умер граф, и был он одним из людей мира, которые встретили самую прекрасную кончину. Там собралось великое множество его родни и его людей; нет нужды говорить о скорби, которая там была явлена, ибо никогда большей скорби по человеку не было. И так и должно было быть, ибо никогда человек его возраста не был более любим своими людьми и прочими людьми. Похоронен он был рядом со своим отцом в церкви монсеньора Святого Стефана в Труа».

Отрывок, который только что был прочитан, Дюканж перевел следующим образом: «Маршал, прибыв в Труа в Шампани, нашел там графа Тибо, своего сеньора, больным и в дурном состоянии, и тот был столь рад его прибытию, а еще более тому, что узнал из его уст об удачном исходе его поручения, что сказал, будто хочет выйти на воздух и сесть на коня, чего не делал уже давно...»

«...после чего он встал с постели и сел на коня; но, увы! это было его последнее усилие, ибо болезнь начала усиливаться; так что, видя себя в таком состоянии, он составил завещание и раздал деньги, которые должен был взять в путешествие, своим вассалам и товарищам, все они были доблестными людьми и в таком количестве, что ни у одного сеньора в те времена не было больше. Так граф умер и был человеком мира, который встретил самую прекрасную кончину. После его смерти великое число сеньоров из его родни и вассалов пришло почтить его погребение и похороны, которые были совершены со всей возможной пышностью, подобающей его достоинству; так что можно было сказать, что никогда не было более великолепных. Также ни один князь его возраста не был более любим своими вассалами и вообще всеми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви Святого Стефана в Труа».

Нам кажется, что следующий перевод того же отрывка был бы ближе к стилю Виллардуэна:

«Столько ехал Жоффруа-маршал в течение нескольких дней, что вернулся в Труа в Шампани и нашел своего сеньора графа Тибо больным и нездоровым; тот очень обрадовался его приходу. Когда Жоффруа рассказал ему новость о том, как счастливо они исполнили свое дело, Тибо так обрадовался, что сказал, что поедет верхом, чего уже не делал, и Тибо поднялся с постели и поехал верхом; но, увы! он почувствовал сильную боль, и это был последний раз, когда он ехал верхом. Болезнь его усилилась и ухудшилась до того, что он составил завещание и разделил средства, предназначенные для паломничества, между своими людьми, своими товарищами, многие из которых были доблестными, и ни у кого тогда не было больше доблестных людей, чем у него. Так умер граф, и это был один из людей этого мира, которые встретили самую прекрасную кончину; там собралось великое множество, состоявшее из его рода и вассалов; не будет сказано о скорби, которая там была явлена: никогда не было большей по человеку; так и должно было быть, ибо никогда человек его возраста не был более любим своими вассалами и остальными людьми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви монсеньора Святого Стефана в Труа».

То, что мы только что сделали для короткой цитаты из Мемуаров Виллардуэна, мы хотели бы сделать для Мемуаров целиком; мы осмелились подумать, что при таком переводе повест-

ование маршала Шампани, возможно, сохранило бы часть своего очарования для людей света, которым старый язык мало знаком; нам не хватает времени выполнить эту работу, которая, без сомнения, не принесла бы нам много славы, но могла бы оказаться полезной и приятной.

О РАЗЛИЧНЫХ РУКОПИСЯХ И ИЗДАНИЯХ

ВИЛЛАРДУЭНА.

Рукописи и издания имеют свою историю; эта история — не наименее интересная часть работы, подобной той, которую мы предпринимаем. Блез де Виженер, издавший в 1585 году Мемуары Жоффруа де Виллардуэна, в посвятителном письме Светлейшей Венецианской республике говорит о первой тетради этих Мемуаров, напечатанной двенадцатью годами ранее по распоряжению республики; предисловие к этой тетради приглашало всех, у кого имеется какой-либо экземпляр Виллардуэна, сообщить о нем в Венецию, чтобы можно было более исправно издать повествование маршала Шампани и Романии; поэтому Виженер, получив в руки рукопись этих Мемуаров, поспешил посвятить свое издание благородному городу Энрико Дандоло. Мы не смогли найти никаких точных сведений о первой тетради Виллардуэна, напечатанной в Венеции в 1573 году; вероятно, это издание Мемуаров маршала оставляло желать многого. Поэтому Виженера следует считать первым, кто дал собственно издание истории Виллардуэна; в своей работе он был поддержан Людовиком Гонзага, герцогом Неверским, чьим дворянином он был. Текст, опубликованный Виженером и разделенный на девять книг, содержит полный рассказ Виллардуэна, но старый язык маршала там очень часто искажен. Издатель-дворянин, желая прополоть первоначальное повествование от некоторых излишеств и повторений, способных оскорбить читателей его времени, счел необходимым поместить рядом со старым текстом перевод, который омолодил бы и очистил Виллардуэна. Мы должны сказать, что, несмотря на эти сокращения, версия Виженера гораздо ближе к тону Виллардуэна, чем версия Дюканжа; добавим также, что в переводе последнего заметны частые заимствования из первого перевода; к сожалению, Дюканж не заимствовал того, что было в нем наиболее простого и верно-наивного.

В 1601 году Мемуары Виллардуэна были изданы в Лионе с более правильным и чистым текстом; рукопись, послужившая лионским издателям, происходила из Нидерландов; Франческо Контарини, прокуратор Святого Марка, привез ее в Венецию, возвращаясь в 1551 году из посольства к императору Карлу V, и тот же посол привез ее во Францию, куда прибыл договариваться о союзе против турок. Здесь возникает небольшой вопрос. Те, кто в 1573 году напечатал в Венеции первую тетрадь Виллардуэна, о которой сказано выше, вполне могли знать рукопись Контарини, поскольку эта рукопись была привезена в Венецию в 1551 году; если верно, что эта тетрадь Виллардуэна была неправильной и неполной, это доказывает, что издатели не знали текста Контарини; как же случилось, что они его не знали?

В 1631 году Паоло Рамузио, сын Джованни Баттисты Рамузио, секретаря Совета Десяти, и внук Паоло Рамузио, знаменитого юрисконсульта...

...написал по-латыни, по распоряжению Венецианской республики, историю завоевания Константинополя под названием «De Bello Constantinopolitano, et imperatoribus Comnenis, per Gallos et Venetos, restitutis»; Паоло Рамузио следовал повествованию Виллардуэна, ограничиваясь его пересказом и добавлением фактов, взятых у греческих хронистов; он останавливается там, где заканчивается Виллардуэн. Венецианский автор не всегда хорошо понимал текст своего проводника; многочисленные ошибки, встречающиеся в его истории, свидетельствуют

лишь о весьма неполном знании событий и эпохи, к которой они относятся. Паоло Рамузио пользовался рукописью Виллардуэна, принадлежавшей его отцу; эта рукопись могла быть копией рукописи Контарини. Девять лет спустя отец д'Утреман в сочинении под названием «Constantinopolis Belgica» также вновь вывел на свет старые рассказы маршала Шампани; ученый фламандский иезуит, воспользовавшись Виллардуэном на протяжении всего периода его Мемуаров, продолжает свой труд до взятия Константинополя турками. Обширная и умная эрудиция отца д'Утремана не уберегла его от многих ошибок и пропусков. В 1657 году новое издание Виллардуэна вышло из Королевской типографии в Париже, обогащенное примечаниями и историческими наблюдениями, сделавшими его навсегда достойным памятником; издание Виллардуэна Дюканжем — один из наиболее значительных трудов этого знаменитого ученого, доведшего эрудицию почти до чуда. Мы видели в Королевской библиотеке рукопись, которой пользовался Дюканж; она имеет номер 9644 и относится к середине XIV века. Латинское дополнение, впрочем мало важное, по-видимому принадлежащее перу венецианца, находится в конце рукописи; мы полагаем, что это тот самый текст, который привез Контарини, текст, послуживший лионским издателям в 1601 году; Дюканж, перепечатав его, устранил несколько ошибок.

Г-н Пти-то в первом томе своей коллекции, опубликованном в 1819 году, просто принял издание Дюканжа, то есть текст и перевод. В 1823 году XVIII том «Собрания историков Галлии» воспроизвел текст Виллардуэна; Дом Бриаль, автор этого издания, следовал рукописи, которой Дюканж не знал; эта рукопись, обозначенная № 207 дополнения, почерк которой, кажется, относится к XV веку, не имеет ничего, что делало бы ее для нас более ценной, чем рукопись № 9644; единственное замечательное в ней — продолжение Виллардуэна Анри де Валансьеном; мы даем это продолжение после Мемуаров маршала Шампани. Известно, что г-н Бюшон в своей «Коллекции национальных французских хроник» перепечатал Виллардуэна; эта перепечатка не представляет никакой особой черты.

После этих различных изданий в Королевской библиотеке была обнаружена рукопись Виллардуэна, более красивая, чистая и древняя, чем все уже известные рукописи; мы внимательно прочли ее, сравнивая с другими текстами; в историческом отношении эта рукопись не представляет ничего нового; в ней не встречается ни одного события, ни одного факта, которого мы бы не знали; но в грамматическом и орфографическом отношении этот текст дает многочисленные различия. Почерк относится к концу XIII века; эта дата позволяет думать, что данный текст должен иметь для ученых решающее значение в том, что касается первоначального стиля Виллардуэна. Г-н Полен Пари, ученый, полный критического чутья и вкуса, которому мы обязаны открытием этой рукописи, в настоящее время заканчивает филологическую работу о ней, которая не может не вызвать большого интереса. В той же рукописи Мемуары Виллардуэна непосредственно сопровождаются продолжением Анри де Валансьена, причем переписчик не позаботился это отметить; мы лишь заметили на странице, где начинается продолжатель, большую черту в манере средневековых переписчиков, которая, по-видимому, обозначает конец Мемуаров Виллардуэна. Было видно, что рассказ маршала заканчивается смертью маркиза Монферратского; новая рукопись дает о смерти маркиза следующие строки, которых нет в других текстах: «Так умер маркиз, как вы слышали, и когда император и другие бароны узнали об этом, они были очень опечалены и разгневаны; и это неудивительно»; затем без нового абзаца начинается повествование Анри де Валансьена. Эта рукопись имеет № 687 дополнения. Поскольку этот текст не дает ничего нового в историческом отношении, мы сочли возможным избавить себя от труда его переписывать; мы ограничились текстом Дюканжа, очистив его от многочисленных ошибок. Добавим несколько слов о следующем способе печати Мемуаров Виллардуэна: первая половина страницы дает текст; вторая половина — перевод;

затем следуют примечания; этот способ показался нам лучшим, чтобы избежать всякой путаницы и облегчить понимание текста.

ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН,

О ЗАВОЕВАНИИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Знайте, что в тысяча сто девяносто восьмом году после Воплощения Господа нашего Иисуса Христа, во времена Иннокентия III, папы Римского, Филиппа, короля Франции, и Ричарда, короля Англии, был во Франции святой человек, которого звали Фульк из Нёйи. Этот Нёйи находится между Ланьи-сюр-Марн и Парижем; он был священником и держал приход этого города. И этот Фульк, о котором я вам говорю, начал проповедовать о Боге по Франции и по другим соседним землям, и Господь наш совершил через него много чудес. Знайте, что слава этого святого человека распространилась столь далеко, что дошла до римского папы Иннокентия; и папа послал во Францию и велел этому доброму человеку⁹ проповедовать крестовый поход своей властью, а затем послал туда своего кардинала, магистра Пьера де Капу¹⁰, принявшего крест; и через него объявил отпущение грехов, о котором я вам скажу. Все, кто примет крест и будет служить Богу один год в войске, будут освобождены от всех грехов, которые совершили и в которых исповедались. Поскольку это отпущение было столь великим, сердца людей сильно взволновались, и многие приняли крест, потому что отпущение было столь велико.

2. На следующий год после того, как этот добрый человек Фульк так проповедовал о Боге, был турнир в Шампани, у замка, называемого Экри¹¹; и по милости Божией случилось, что Тибо, граф Шампани и Бри, принял крест, а также граф Людовик Блуаский и Шартрский. Это было в начале Адвента. И знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком и ему было не больше двадцати двух лет, а графу Людовику было не больше двадцати семи лет. Эти два графа были племянниками короля Франции и его двоюродными братьями, а с другой стороны — племянниками короля Англии.

ПЕРЕВОД.

В год Воплощения Господа нашего тысяча сто девяносто восьмой, во времена папы Иннокентия III, Филиппа Августа, короля Франции, и Ричарда, короля Англии, во Франции жил святой человек по имени Фульк, прозванный Нёйиским, потому что он был кюре этого места, деревни между Ланьи-сюр-Марн и Парижем. Этот Фульк принялся возвещать слово Божие по Франции и соседним странам, причем Господь наш совершал через него множество чудес, так что слава о нем распространилась повсюду и дошла до сведения папы, который послал во Францию к этому святому человеку, чтобы поручить ему от своего имени проповедовать крестовый поход. Некоторое время спустя он направил туда кардинала Пьера де Капу, доброго человека, принявшего крест с намерением отправиться в Святую землю, чтобы своим примером побудить других поступить так же, и поручил ему объявить от имени Его Святейшества

⁹ Письмо Иннокентия III к Фульку, датированное 1198 годом, входит в собрание писем этого папы, напечатанное в сборнике Барония.

¹⁰ Пьер де Капуа, кардинал-легат папы Иннокентия III, в рукописях Виллардуэна именуется Перроном де Шаппом, Пьером де Шаппом, а в латинских хрониках и письмах Иннокентия — Petrus de Capua, Petrus Caruanus.

¹¹ Экри, на реке Эна, близ Шато-Порсьена или Порсьена.

прощения и индульгенции, которые даровались тем, кто примет крест и будет служить Богу в заморском войске в течение года, так что они получают полное отпущение грехов, которые совершили и в которых должным образом исповедались. И поскольку эти индульгенции были велики, многие почувствовали трепет в сердцах и, движимые благочестием, приняли крест.

2. На следующий год после того, как Фульк так провозгласил крестовый поход, в Шампани был турнир у замка, называемого Экри, где Тибо, граф Шампани и Бри, принял крест вместе с Людовиком, графом Блуа и Шартра; это произошло в начале Адвента. Граф Тибо был молодым сеньором, едва достигшим двадцати двух лет, а графу Людовику было не больше двадцати семи. Эти два графа были племянниками и двоюродными братьями короля Франции с одной стороны и племянниками короля Англии с другой.

Здесь имеется смысловая ошибка, допущенная Дюканжем по невнимательности и не замеченная последними издателями. Поскольку граф Тибо и граф Блуа были племянниками короля Франции, они не могли быть его двоюродными братьями. Следует сказать: «Эти два графа были племянниками короля Франции, следовательно, двоюродными братьями друг другу и т. д.»

3. Вместе с этими двумя графами приняли крест два очень знатных барона Франции — Симон де Монфор и Рено де Монмирай. Великая слава прошла по землям, когда эти два знатных человека приняли крест.

4. В земле графа Тибо Шампанского приняли крест Гарнье, епископ Труа, граф Готье де Бриенн, Жоффруа де Жуанвиль, бывший сенешалем земли, Робер, его брат¹², Готье де Виньори¹³, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан¹⁴, Ги дю Плесси, его брат, Анри д'Ардильтер, Ожье де Сен-Шерон, Виллен де Нёйи, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нёйи, Готье де Жюлим, Эврар де Монтиньи, Манассе де Л'Иль, Машер де Сент-Мену, Милон Брабанский, Ги де Шапп, Клерембо, его племянник, Реньяр де Дампьер, Жан Фуаснон и многие другие добрые люди, о которых книга не упоминает.

5. Вместе с графом Людовиком приняли крест Жерве дю Шатель¹⁵, Эрве, его сын, Жан де Вирзен, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрёй¹⁶, Пайен Орлеанский, Пьер де Бретей¹⁷, Гюг, его брат, Гийом де Сен, Жан де Фрез, Готье де Гандонвиль, Гюг де Кормеруа¹⁸, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар¹⁹, Робер де Фруавиль²⁰, Пьер, его брат, Орис де Л'Иль, Робер дю Картье и многие другие, о которых книга не упоминает.

¹² Жоффруа и Робер де Жуанвиль были дядьями сира де Жуанвиля, друга, спутника и историка святого Людовика.

¹³ Виньори, ныне местечко Виньори на реке Марна, в 4 лье к югу от Жуанвиля и в 4 лье к северу от Шомона (Верхняя Марна).

¹⁴ Конфлан. Он так назван потому, что этот замок стоял у слияния двух небольших рек, впадающих в Мозель между Мецем и Тионвилем.

¹⁵ Шатель: Шатонёф-ан-Тимере (Эр и Луар), в 5 1/4 лье к северо-западу от Шартра.

¹⁶ Или Монтрёй: Монтрёй-Белле (Мен и Луара), на реке Туэ, в 3 1/2 лье к юго-западу от Сомюра.

¹⁷ Бретей; это имя искажено в различных рукописях Виллардуэна и в письмах пап; здесь речь идет о Пьере де Бретее. Город Бретей расположен в округе Эврё (Эр).

¹⁸ Кормеруа. Дом Бриаль полагает, что это Кормери в Турени; мы скорее считаем, что это Кормере, в 3 лье от Блуа, поскольку сеньор Гюг принял крест вместе с графом Блуаским.

¹⁹ Бовуар. Во Франции имеется двенадцать или тринадцать городов под названием Бовуар; город, о котором здесь идет речь, вероятно, Бовуар, в 3 лье от Буржа (Шер).

²⁰ Фруавиль: Вильнёв-Фрувиль, в 5 лье от Блуа.

6. Во Франции приняли крест Невелон, епископ Суассона, Матьё де Монморанси, Ги, кастелян Куси, его племянник, Робер де Мовуазен, Дрё де Крессонсак²¹, Бернар де Морей, Ангерран де Бов²², Робер, его брат, и многие другие добрые люди, о которых книга теперь умалчивает.

7. В начале следующего Великого поста, в день, когда принимают пепел, в Брюгге принял крест граф Балдуин Фландрский и Эно, а также графиня Мария, его жена, которая была сестрой графа Тибо Шампанского.

3. Вместе с этими двумя графами приняли крест два великих барона Франции — Симон де Монфор и Рено де Монмирай, так что весть об этом широко разнеслась, когда эти два сеньора стали крестоносцами.

4. В земле графа Шампанского также приняли крест Ренье, епископ Труа, Готье, граф де Бриенн, Жоффруа де Жуанвиль, сенешаль Шампани, Робер, его брат, Готье де Виньори, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Ги дю Плесси, его брат, Анри д'Ардильер, Ожье де Сен-Шерон, Вилен де Нёйи, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нёйи, Готье де Жюлим, Эвар де Монтиньи, Манассе де Л'Иль, Машер де Сент-Мену, Милон Брабанский из Провена, Ги де Шапп, Клерембо, его племянник, Рено де Дампьер, Жан Фуаснон и несколько других значительных лиц.

5. Вместе с графом Блуаским приняли крест Жерве дю Шатель, Эрве, его сын, Жан де Вирзен, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрёй, Пайен Орлеанский, Пьер де Бретёй, Гюг, его брат, Гийом де Сен, Жан де Фрез, Готье де Гандонвиль, Гюг де Кормери, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар, Робер де Фруавиль, Пьер, его брат, Орис де Л'Иль, Робер дю Картье и несколько других, чьи имена здесь опущены.

6. Во Франции приняли крест Невелон, епископ Суассона, Матьё де Монморанси, Ги, кастелян Куси, его племянник, Робер де Мовуазен, Дрё де Крессонсак, Бернар де Морей, Ангерран де Бов, Робер, его брат, и множество других знатных лиц, которые здесь не названы.

7. В начале следующего Великого поста, именно в Пепельную среду, Балдуин, граф Фландрии и Эно, и графиня Мария, его жена, сестра Тибо, графа Шампани, приняли крест в городе Брюгге.

После них приняли крест Анри, его брат, Тьерри, его племянник, сын графа Филиппа Фландрского, Гийом, авуэ Бетюна, Конон, его брат, Жан де Неэль, кастелян Брюгге, Ренье де Трит²³, Ренье, его сын, Матьё де Валенкур, Жак д'Авен, Балдуин де Бовуар, Гюг де Белин, Жерар де Машикур, Эд де Ам, Гийом де Коминь²⁴, Дрё де Бёрен²⁵, Роже де Марш²⁶, Эсташ де Самбрюк²⁷, Франсуа де Колиньи²⁸, Готье де Бузьер²⁹, Ренье де Мон, Готье де Стомб³⁰, Бернар де Сомергем³¹ и многие другие добрые люди, о которых книга не говорит.

²¹ Крессонсар: Крессонсак, в 7 лье от Бове (Уаза).

²² Бов или Бу: Бов, в 1 1/2 лье от Амьена (Сомма).

²³ До сих пор существует деревня под названием Трит близ Валансьена.

²⁴ Коминь: местечко Гомминьи, в 10 лье от Дуэ.

²⁵ Бёрен. Существует город Бёрен в 3 1/2 лье от Бар-сюр-Орнен (Мёз).

²⁶ Марш. Деревня Марк в Остреване, в 3 1/2 лье от Дуэ.

²⁷ Самбрюк. Мы не находим этого места в современной географии Франции. Самбрюк, должно быть, находился недалеко от Дуэ.

8. Затем принял крест граф Гюг де Сен-Поль; вместе с ним приняли крест Пьер д'Амьен, его племянник, Эсташ де Кантелё³², Никола де Майи, Ансо де Кайё, Ги де Одэн³³, Готье де Неэль, Пьер, его брат, и многие другие люди, которых мы не знаем.

9. После этого принял крест граф Жоффруа дю Перш, Этьен, его брат, Ротру де Монфор³⁴, Ив де Лаваль³⁵, Эмери де Виллеруа³⁶, Жоффруа де Бомон и многие другие, чьих имен я не знаю.

10. Затем бароны устроили совет в Суассоне, чтобы решить, когда они двинутся и куда направятся. В тот раз они не смогли договориться, потому что им казалось, что крестоносцев еще недостаточно. В течение всего года не проходило двух месяцев без того, чтобы они не собирались на совет в Компьене. Там присутствовали все графы и бароны, принявшие крест. Много советов было там принято и дано. Но в конце концов решили, что пошлют лучших послов, каких смогут найти, и дадут им полную власть делать все так, как могли бы делать сами сеньоры.

11. Из этих послов Тибо, граф Шампани и Бри, назначил двух. Балдуин, граф Фландрский и Эно, — двух. И Людовик, граф Блуаский, — двух.

Следуя их примеру, крест приняли также Анри, его брат, Тьерри, его племянник, сын графа Филиппа Фландрского, Гийом, авуэ Бетюна, Конон, его брат, Жан де Неэль, кастелян Брюгге, Ренье де Трит, Ренье, его сын, Матьё де Валенкур, Жак д'Авен, Балдуин де Бовуар, Гюг де Белин, Жерар де Машикур, Эд де Ам, Гийом де Коминь, Дрё де Бёрен, Роже де Марш, Эсташ де Самбрюк, Франсуа де Колиньи, Готье де Бузьер, Ренье де Мон, Готье де Стомб, Бернар де Сомергем и множество других сеньоров, о которых мы умалчиваем.

8. Затем принял крест Гюг, граф де Сен-Поль, а вместе с ним Пьер д'Амьен, его племянник, Эсташ де Кантелё, Никола де Майи, Ансо де Кайё, Ги де Одэн, Готье де Неэль, Пьер, его брат, и другие, чьи имена до нас не дошли.

9. С другой стороны, то же самое сделали Жоффруа, граф дю Перш, Этьен, его брат, Ротру де Монфор, Ив де Лаваль, Эмери де Виллеруа, Жоффруа де Бомон и некоторые другие.

10. Затем сеньоры и бароны-крестоносцы назначили совет или собрание в Суассоне, чтобы решить, когда им следует отправиться и какой путь избрать; но в этот раз они не смогли прийти к согласию, посчитав, что число крестоносцев еще недостаточно для предприятия, которое могло бы увенчаться успехом. Тем не менее едва проходило два месяца, как они вновь собирались в городе Компьене, где присутствовали все графы и бароны, принявшие крест. Там

²⁸ Колиньи: Колиньи, в 2 1/2 лье от Меца (Мозель).

²⁹ Бузьер: Бузи, в 10 лье от Дуэ.

³⁰ Стомб. Местоположение этого места нам неизвестно.

³¹ Сомергем. Сомергем — город в 3 лье от Гента (Шельда).

³² Кантелё. Во Франции существует пять небольших городов под названием Кантелё; место, о котором здесь идет речь, вероятно, Гран-Кантелё, в 8 лье от Амьена.

³³ Одэн: Уден, в 11 лье от Дуэ.

³⁴ Монфор-ле-Ротру, в 3 1/2 лье от Ле-Мана (Сарта).

³⁵ Лаваль (Майен), в 16 лье от Ле-Мана.

³⁶ Вероятно, Виллеро (Нор), в 9 1/2 лье от Дуэ.

было предложено и обсуждено множество вопросов, и наконец постановили отправить наиболее способных депутатов, каких удастся выбрать, и дать им полную власть вести переговоры и заключать от их имени все, что они сочтут необходимым для исполнения замысла.

11. Из этих депутатов двух назначил Тибо, граф Шампани, двух — Балдуин, граф Фландрии, и двух — Людовик, граф Блуа. Депутатами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский.

Послами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский. Послами графа Балдуина были Конон де Бетюн и Алар Макеро. Послами графа Людовика — Жан де Фрез и Готье де Гандонвиль. На этих шестерых они полностью возложили свое дело так, что должны были выдать им хорошие грамоты с печатями, по которым они обязались твердо соблюдать все, что эти шестеро совершат во всех морских портах, куда бы ни прибыли, и все соглашения, которые они заключат. Так отправились эти шесть послов, как вы слышали, и посоветовались между собой; они согласились, что в Венеции надеются найти больше кораблей, чем в каком-либо другом порту. Они ехали дневными переходами, пока не прибыли туда в первую неделю Великого поста.

12. Дож Венеции по имени Энрико Дандоло, который был очень мудр и доблестен, оказал им большой почет, как и другие люди, и все приняли их очень охотно. Когда они передали письма своих сеньоров, венецианцы сильно удивились, по какому делу они пришли в их землю. Письма были верительными, и графы велели верить этим людям так же, как им самим, и твердо соблюдать все, что эти шестеро сделают. Дож ответил им: «Сеньоры, я видел ваши письма. Мы хорошо знаем, что ваши господа — самые высокие люди из тех, кто не носит короны, и они велят нам верить тому, что вы нам скажете, и твердо соблюдать то, что вы сделаете. Теперь скажите, что вам угодно». Послы ответили: «Сир, мы хотим, чтобы вы созвали свой совет, и перед вашим советом мы скажем вам то, что наши господа велели передать вам, завтра, если вам будет угодно». Дож ответил, что просит у них отсрочки до четвертого дня, а тогда соберет свой совет, и они смогут изложить, чего требуют.

13. Они ждали до четвертого дня, который он им назначил. Они вошли во дворец, который был очень богат и прекрасен, и нашли дожа и его совет в одной комнате, и послы сказали им так: «Сир, мы пришли к тебе от имени высоких баронов Франции, которые приняли знак креста, чтобы отомстить за поругание Иисуса Христа и завоевать Иерусалим, если Бог позволит это; и поскольку они знают, что ни один народ не обладает столь великой силой, как вы и ваш народ, они просят вас ради Бога сжалиться над заморской землей и отомстить за поругание Иисуса Христа, посоветовав, каким образом они смогут получить корабли и флот...»

Депутатами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский; депутатами графа Балдуина были Конон де Бетюн и Алар Макеро, а графа Блуа — Жан де Фрез и Готье де Гандонвиль. Бароны полностью поручили этим шестерым свои дела и постановили выдать им грамоты и патенты, скрепленные печатями, с полной властью действовать от их имени и с обещанием соблюдать все, что они сделают, а также одобрить все договоры, которые они заключат в морских портах и других местах, куда обратятся. Так эти шесть депутатов отправились в путь и, посоветовавшись между собой, решили направиться в Венецию, потому что там, более чем в любом другом порту, они могли встретить большое число кораблей, и поспешили столь усердно, что прибыли туда в первую неделю Великого поста.

12. Энрико Дандоло был тогда дожем Венеции, человеком мудрым и доблестным, который принял их весьма учтиво и оказал им все почести, подобающие их положению; главные граждане и прочий народ также хорошо встретили их и выразили большое удовольствие по случаю их прибытия. Но когда они представили письма своих сеньоров, все удивились, какое дело могло привести их сюда. Письма были верительными и в сущности говорили, что графы просят верить их предъявителям так же, как самим графам, и будут считать хорошо сделанным все, что эти шестеро совершат от их имени. На это дож ответил: «Сеньоры, мы видели ваши письма и вместе с тем поняли, что ваши господа — самые великие и могущественные князья среди тех, кто не носит короны. Они велят нам верить всему, что вы скажете нам от их имени, и считать твердым и неизблемым все, о чем вы с нами договоритесь; итак, говорите, что вам угодно». На это депутаты ответили: «Сир, мы не можем изложить наше посольство иначе как в присутствии вашего совета, перед которым скажем то, что поручили нам наши господа, хоть завтра, если вам будет угодно». Но дож попросил срок до четырех дней и сказал, что тогда соберет совет, где они смогут объяснить свои требования.

13. В назначенный день они вошли во дворец, прекрасный и великолепный, и нашли дожа с советом в одной комнате, где изложили цель своего прибытия такими словами: «Сир, мы пришли к вам, посланные величайшими баронами Франции, которые приняли знак креста, чтобы отомстить за обиду, нанесенную Иисусу Христу, и завоевать Иерусалим, если Бог это позволит; и поскольку они знают, что в мире нет никого, кто мог бы помочь им лучше вас и ваших подданных, они просят вас именем Бога...»

«...сжалиться над Святой землей и вместе с ними решиться отомстить за поругание нашего общего Исккупителя, предоставив им корабли и иные средства для заморского переезда». «Каким образом и на каких условиях?» — спросил дож. «На любых условиях, — ответили послы, — которые вы сочтете возможным предложить или посоветовать им, если только они смогут их выполнить». «Несомненно, — сказал дож, — они потребовали от нас великого дела, и видно, что замышляют великое предприятие. Мы ответим вам через восемь дней; и не удивляйтесь, что срок так долог, ибо столь великое дело требует долгого размышления».

14. В назначенный дожом срок они вернулись во дворец. Я не могу пересказать вам всех слов, которые там были сказаны и повторены, но итог речи был таков: «Сеньоры, — сказал дож, — мы скажем вам, что решили на совете, если только сможем добиться согласия нашего Великого совета и народа страны, а вы рассудите, сможете ли это сделать и исполнить. Мы построим транспортные суда для перевозки четырех тысяч пятисот лошадей и девяти тысяч оруженосцев, а корабли — для четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших сержантов; и для всех этих лошадей и людей условие будет таково, что мы возьмем продовольствие на девять месяцев. По меньшей мере это мы вам сделаем, при том, что за каждую лошадь будет уплачено четыре марки, а за человека — две; и все эти соглашения, о которых мы говорим, мы будем соблюдать один год, начиная с того дня, когда выйдем с вами из Венецианского порта на службу Богу и христианству, куда бы то ни было. Общая сумма этого имущества, о котором здесь сказано, составляет восемьдесят пять тысяч марок. И кроме того, по меньшей мере мы выставим пятьдесят галер из любви к Богу при таком условии, что пока длится наше товарищество, из всех завоеваний, которые мы совершим на море или на суше, половина будет нашей, а другая — вашей. Теперь посоветуйтесь, сможете ли вы это сделать и исполнить».

15. Послы удалились и сказали, что посоветуются между собой и ответят завтра. Всю ночь они совещались и говорили и согласились принять условия, а на следующий день пришли к дожу и сказали: «Сир, мы готовы подтвердить это соглашение». Дождь сказал, что обсудит его

со своим народом и сообщит им, что найдет возможным. На следующий день, третий, дож, который был очень мудр и доблестен, созвал свой Великий совет, а совет состоял из сорока самых мудрых людей страны. Благодаря своему рассудку и уму, которые были очень ясны и хороши, он склонил их к тому, чтобы они похвалили и одобрили это дело.

«...и дать им корабли и другие средства для заморского перехода. Каким образом и на каких условиях?» — спросил дож. «На любых условиях, — ответили они, — которые вы пожелаете предложить или посоветовать им, лишь бы они могли их выполнить». «Конечно, — сказал дож своим, — просьба этих депутатов имеет большое значение, и по их словам видно, что предприятие их велико». Затем, обратившись к ним, сказал: «Мы сообщим вам наше решение через восемь дней, и не удивляйтесь, если мы берем столь долгий срок, ибо дело, которое вы нам предлагаете, заслуживает неторопливого размышления».

14. Когда настал день, назначенный им дожем, они вернулись во дворец, где после многих разговоров, которые я не могу вам пересказать, дож наконец сказал им: «Сеньоры, мы сообщим вам, что постановили между собой по вашему делу, если только сумеем склонить к этому наш Великий совет и остальную республику; после этого вы вместе рассудите, желаете ли это принять. Мы предоставим вам паландрии и плоскодонные суда для перевозки четырех тысяч пятисот лошадей и девяти тысяч оруженосцев, а также корабли для четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших воинов. Для всех этих людей и лошадей мы обязуемся взять продовольствие на девять полных месяцев при условии уплаты нам четырех серебряных марок за каждую лошадь и двух за человека. Все эти соглашения мы будем соблюдать и исполнять в течение года, считая от дня, когда выйдем из Венецианского порта, чтобы служить Богу и христианству, куда бы то ни было. Общая сумма вышеназванного составляет восемьдесят пять тысяч марок. Кроме того, мы обязуемся снарядить по меньшей мере пятьдесят галер, чтобы со своей стороны содействовать столь славному замыслу, с тем условием, что пока будет длиться наше объединение, мы поровну будем делить все завоевания, которые совершим на суше или на море; вам остается решить, хотите ли вы принять эти предложения».

15. Депутаты сказали, что обсудят это между собой и на следующий день сообщат решение; после чего удалились. В следующую ночь они держали совет и решили принять сделанные им предложения. Поэтому уже на следующее утро они пришли к дожу и сказали, что готовы их принять и заключить соглашение. На это дож ответил, что сообщит об этом своим и непременно даст им знать, что те постановят. На следующий, третий день дож собрал Великий совет, состоявший из сорока наиболее способных и мудрых людей всей республики, и своими увещеваниями, как человек здравого смысла и большого ума, добился того, что они одобрили предложенное предприятие.

Затем он привлек сто, потом двести, затем тысячу, пока все не согласилось и не одобрило. После этого он собрал около десяти тысяч человек в часовне Святого Марка, прекраснейшей из всех, и велел им выслушать мессу Святого Духа и молить Бога, чтобы Он наставил их относительно просьбы, с которой обратились послы; и они сделали это очень охотно.

16. Когда месса закончилась, дож послал за послами и велел им смиренно просить весь народ, чтобы тот согласился на это соглашение. Послы пришли в церковь. Многие люди смотрели на них, потому что прежде никогда их не видели. Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, выступил с речью в пользу соглашения и по воле остальных послов сказал им: «Сеньоры, самые высокие и могущественные бароны Франции послали нас к вам и просят вас о милости: пожалейте Иерусалим, находящийся в рабстве у турок, и ради Бога соизвольте присоединиться

к ним, чтобы отомстить за поругание Иисуса Христа; они избрали вас потому, что знают: ни один народ на море не обладает такой силой, как вы и ваш народ; и велели нам пасть к вашим ногам и не подниматься до тех пор, пока вы не согласитесь сжалиться над Святой землей за морем».

17. Тут шесть послов пали к их ногам, много плача, а дож и все прочие в один голос закричали, протянув руки вверх: «Мы даруем это, мы даруем это». Поднялся такой великий крик и шум, что казалось, земля проваливается. Когда этот великий шум и эта великая жалость, какой никто никогда не видел, утихли, добрый дож Венеции, который был очень мудр и доблестен, поднялся на кафедру и обратился к народу: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог, раз лучшие люди мира оставили все другие народы и попросили вашего товарищества, чтобы вместе совершить столь высокое дело, как спасение наследия Господа нашего». Всех добрых и прекрасных слов, сказанных дожем, я не могу вам пересказать. Так дело было решено, и на следующий день постановили составить грамоты; когда они были составлены и условия установлены, стало известно, что поход пойдет на Вавилон³⁷, потому что через Вавилон можно было лучше сокрушить турок, чем через другую землю. Тогда постановили, что ко дню Святого Иоанна через год, то есть в 1202 году после Воплощения Иисуса Христа, бароны и паломники должны быть в Венеции, а корабли приготовлены для них. Когда грамоты были составлены и запечатаны, их принесли к дожу в большой дворец, где находились Большой и Малый советы.

Ему удалось убедить в предложенном предприятии сперва сотню, затем двести, потом тысячу, пока все не одобрили его и не согласились. Наконец он собрал около десяти тысяч человек в часовне Святого Марка, одной из самых прекрасных и великолепных, какие только можно видеть, где велел им выслушать мессу Святого Духа и увещевал молить Бога вдохновить их относительно просьбы депутатов, что они исполнили с большим рвением и выражением доброй воли.

16. После мессы дож послал к депутатам сказать, что им следует смиренно просить весь народ согласиться на договоры. Депутаты затем пришли в церковь, где на них смотрел каждый, и особенно те, кто прежде их не видел. Тогда Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, выступая от имени своих товарищей и с их согласия, сказал: «Сеньоры, величайшие и могущественнейшие бароны Франции послали нас к вам просить вас именем Бога сжалиться над Иерусалимом, стонущим под рабством турок, и пожелать сопровождать их в этом случае и помочь им своими силами и средствами, чтобы единодушно отомстить за обиду, нанесенную Господу нашему Иисусу Христу; они обратились именно к вам как к тем, кого знают наиболее могущественными на море. И они поручили нам пасть к вашим ногам и не подниматься, пока вы не удовлетворите их просьбу и не обещаете помочь им в возвращении Святой земли».

17. После этого шесть депутатов, пав на землю и горячо плача, слышали, как дож и весь народ в один голос, подняв руки вверх, закричали: «Мы согласны, мы согласны». Тогда поднялся такой шум и грохот, что казалось, земля должна разверзнуться. Когда эта радостная и трогательная аккламация утихла, дож, человек большого суждения и здравого смысла, поднялся на кафедру и сказал народу: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог: самые доблестные люди земли оставили все прочие народы и державы, чтобы искать вашего товарищества в исполнении столь похвального и святого предприятия, как возвращение наследия нашего Спасителя из рук неверных». Я не намерен пересказывать всю речь дожа по этому слу-

³⁷ Каир.

чаю и ограничусь тем, что окончательным решением было заключить договоры уже на следующий день и составить необходимые для этого грамоты и патенты.

Когда дож передал им грамоты, он преклонил колени, много плача, и поклялся на святых добросовестно соблюдать условия, содержащиеся в грамотах; то же сделал весь его совет, состоявший из сорока шести человек. Послы поклялись соблюдать свои грамоты и обещали, что их сеньоры и их люди также будут добросовестно их соблюдать. Знайте, что там было пролито много слез от умиления. И сразу они послали часть своих посланников в Рим к папе Иннокентию, чтобы утвердить это соглашение, и он сделал это очень охотно; затем они заняли в городе две тысячи серебряных марок и передали их дожу для начала постройки флота. После этого они простились и отправились обратно в свои земли. Они ехали дневными переходами, пока не прибыли в Пьяченцу в Ломбардии. Там Жоффруа, маршал Шампани, и Алар Макеро отделились и направились прямо во Францию, а другие отправились в Геную и Пизу узнать, какую помощь те окажут заморской земле.

18. Когда Жоффруа, маршал Шампани, переходил Мон-Сени, он встретил графа Готье де Бриенна, который шел в Апулию завоевывать землю своей жены, дочери короля Танкреда, на которой женился после того, как принял крест; с ним шли Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Робер де Жуанвиль и большая часть добрых людей Шампани, принявших крест. Когда он рассказал им новости о том, как исполнили дело, они очень обрадовались и высоко оценили предпринятое, сказав ему: «Мы уже двинулись, и когда вы придете, найдете нас всех готовыми». Но приключения случаются так, как угодно Богу. Они не смогли впоследствии присоединиться к войску. Это было большим несчастьем, потому что они были очень доблестными и отважными. Так они расстались, и каждый пошел своей дорогой.

19. Столько ехал Жоффруа-маршал по своим дневным переходам, что прибыл в Труа в Шампани и нашел своего сеньора графа Тибо больным и нездоровым, и тот был очень рад его приезду. Когда Жоффруа рассказал ему новость о том, как они исполнили дело, он так обрадовался, что сказал, что поедет верхом, чего давно не делал, и поднялся и сел на коня. И увы! Какая великая беда, ибо после этого он уже никогда не ездил верхом, кроме того раза. Болезнь его усилилась и стала столь тяжелой, что он составил свое завещание...

Когда договоры были исполнены, стало известно, что пойдут к Вавилону, в Египет, потому что через это место можно было лучше, чем через какое-либо иное, разбить и уничтожить турок. Было постановлено, что через год, ко дню ближайшего праздника Святого Иоанна, то есть в 1202 году, бароны и паломники должны собраться в Венеции, где их будут ждать полностью готовые корабли. Когда грамоты были запечатаны, их принесли в большой дворец, где Большой совет был собран вместе с Малым в присутствии дожа; вручая их депутатам, дож стал на колени, обильно плача, и поклялся на святых Евангелиях, вместе с советом из сорока шести человек, что добросовестно исполнят со своей стороны все содержащиеся в них договоры. Депутаты принесли такую же клятву от имени своих господ и обещали со своей стороны добросовестно соблюдать все. Там было пролито немало слез умиления, смешанного с радостью. После этого они отправили посланников в Рим к папе Иннокентию, чтобы тот утвердил договоры, что он сделал весьма охотно. Затем французы заняли у нескольких частных лиц города Венеции две тысячи серебряных марок, которые заранее передали дожу на первые расходы по кораблям, и после этого простились, чтобы вернуться в свою страну. Прибыв в Пьяченцу, город Ломбардии, они разделились: Жоффруа, маршал Шампани, и Алар Макеро направились прямой дорогой во Францию, а остальные пошли к Пизе и Генуе, чтобы узнать, какую помощь те пожелают дать этому предприятию.

18. Когда маршал переходил Мон-Сени, он встретил Готье, графа де Бриенн, который направлялся в Апулию, чтобы завоевать страну, принадлежавшую его жене, дочери короля Танкреда, на которой он женился после принятия креста. С ним были Готье де Монбельяр, Эташ де Конфлан и Робер де Жуанвиль, а также значительная часть шампанцев, принявших крест. Когда маршал рассказал им, как прошли все дела их посольства, они выразили большую радость и поздравили его с хорошим успехом переговоров, добавив: «Вы видите, что мы уже выступили, чтобы опередить вас; когда вы прибудете в Венецию, вы найдете нас всех готовыми сопровождать вас». Но приключения случаются так, как угодно Богу; впоследствии они не смогли соединиться с войском, и это было большим несчастьем, потому что они были храбры и доблестны. Так они расстались, каждый направившись своей дорогой.

19. Когда маршал прибыл в Труа в Шампани, он нашел там графа Тибо, своего сеньора, больным и в дурном состоянии; тот был очень рад его прибытию, а еще больше — узнать из его уст об удачном исходе путешествия, так что сказал, что хочет выйти на воздух и сесть на коня, чего не делал уже давно; после этого он встал с постели и сел на коня, но, увы, это было его последнее усилие, ибо болезнь начала усиливаться, так что, видя себя в таком состоянии, он составил завещание и раздал деньги, которые должен был взять в путешествие, своим вассалам и товарищам...

...и разделил имущество, которое должен был взять с собой, между своими людьми и товарищами, среди которых было много добрых, и ни у одного человека в тот день не было их больше. И он приказал, чтобы каждый, получая свое имущество, поклялся на святых явиться к войску в Венеции, как он сам обещал. Многие из них плохо сдержали это и были за то сильно порицаемы.

20. Другую часть своего имущества граф велел сохранить и отвезти в войско, чтобы распределить там, где будет видно, что оно принесет пользу. Так умер граф, и был он одним из людей мира, которые встретили самую прекрасную кончину. Там собралось великое множество его родни и его людей; нет нужды говорить о скорби, которая там была явлена, ибо никогда большей скорби по человеку не было; и так и должно было быть, ибо никогда человек его возраста не был более любим своими людьми и прочими людьми. Похоронен он был рядом со своим отцом в церкви монсеньора Святого Стефана в Труа. После него осталась его жена, графиня по имени Бланка, очень прекрасная и добрая, дочь короля Наварры; у нее уже была от него маленькая дочь, и она была беременна сыном. Когда граф был похоронен, Матё де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффруа де Жуанвиль, бывший сенешалем, и Жоффруа-маршал пошли к герцогу Эду Бургундскому и сказали ему: «Сир, твой кузен умер; ты видишь, какая беда постигла заморскую землю. Ради Бога мы просим тебя принять крест и помочь заморской земле вместо него. Мы передадим тебе все его имущество, поклянемся тебе на святых и заставим других также поклясться, что будем добросовестно служить тебе так же, как служили бы ему». Но он отказался. Знайте, он мог бы поступить лучше. Жоффруа де Жуанвилю поручили посольство, чтобы сделать такое же предложение Тибо, графу Бар-ле-Дюк, двоюродному брату умершего графа, но и тот также отказался. Велико было отчаяние паломников и всех, кто должен был идти на службу Богу, из-за смерти графа Тибо Шампанского; и к концу месяца они назначили собрание в Суассоне, чтобы решить, что можно сделать. Там были граф Балдуин Фландрский и Эно, граф Людовик Блуаский и Шартрский, граф Жоффруа дю Перш, граф Гюг де Сен-Поль и многие другие добрые люди.

21. Жоффруа-маршал рассказал им о предложении, сделанном герцогу Бургундскому и графу Бар-ле-Дюк, и о том, как они отказались.

...которые все были доблестными людьми и в таком количестве, что ни у одного сеньора в те времена не было больше, приказывая каждому из них, получая оставленное ему, поклясться на святых Евангелиях прибыть к войску в Венеции, как они были обязаны. Но некоторые из них плохо соблюдали клятву и дурно исполнили обещания, за что были справедливо порицаемы.

20. Кроме того, он оставил часть этих денег для доставки в войско и употребления там, где это окажется необходимым. Так умер граф и был человеком мира, встретившим самую прекрасную кончину. После его смерти большое число сеньоров из его родни и вассалов пришло почтить его погребение и похороны, совершенные со всей возможной пышностью, подобающей его достоинству; так что можно сказать, что никогда не было более великолепных. Также ни один князь его возраста не был более любим своими вассалами и вообще всеми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви Святого Стефана в Труа, оставив жену, графиню по имени Бланка, дочь короля Наварры, очень прекрасную и мудрую государыню, которая уже родила ему дочь и была беременна посмертным сыном. Когда граф был похоронен, Матьё де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффруа де Жуанвиль, бывший сенешалем, и маршал Жоффруа отправились к герцогу Бургундскому и сказали ему: «Сир, вы видите несчастье, постигшее заморское предприятие из-за смерти нашего господина; поэтому мы пришли просить вас именем Бога принять крест и пожелать помочь Святой земле; мы обещаем передать вам все деньги, которые он собрал для этого предприятия, и поклянемся сами, а также заставим других поклясться на святых Евангелиях повиноваться и добросовестно служить вам, как служили бы ему». Но он решительно отказался, хотя, возможно, мог бы поступить лучше. Затем Жоффруа де Жуанвиль получил от других депутатов поручение отправиться к Тибо, графу Бар-ле-Дюк, двоюродному брату покойного графа Шампани, но и тот также отказался. Это удвоило скорбь паломников и тех, кто принял крест ради службы Богу, и особенно усилило их сожаление о потере графа Тибо, своего сеньора. Поэтому они решили собраться в конце месяца в Суассоне, чтобы обсудить, что им делать. Там присутствовали Балдуин, граф Фландрии, Людовик, граф Блуа, Гюг, граф де Сен-Поль, Жоффруа, граф дю Перш, и множество других сеньоров.

21. Там маршал взял слово, рассказал им о предложении, сделанном герцогу Бургундскому и графу Бар-ле-Дюк, и о том, как оба отказались; затем сказал: «Сеньоры, я предложил бы одну вещь, если вы сочтете ее хорошей...»

«...Сеньоры, — сказал он, — выслушайте: я предложил бы вам одну вещь, если вы согласитесь. Маркиз Бонифаций Монферратский — очень добрый человек и один из самых прославленных из живущих ныне. Если вы пошлете за ним, чтобы он пришел сюда, принял знак креста, занял место графа Шампанского и получил господство над войском, он, вероятно, быстро согласится». Было много речей за и против, но итог был таков, что согласились все — великие и малые; написали письма, избрали послов и послали за ним; и он прибыл в назначенный день через Шампань и Францию, где ему оказали большую честь, в том числе король Франции, чьим кузеном он был. Так он пришел на назначенное собрание в Суассоне, где было множество графов и крестоносцев; когда они услышали, что маркиз приближается, пошли ему навстречу и оказали ему большую честь.

22. Наутро собрание состоялось в саду аббатства госпожи Святой Марии Суассонской. Там они обратились к маркизу, за которым посылали, и просили его ради Бога принять крест, взять власть над войском, занять место графа Тибо Шампанского, принять его имущество и

его людей; они пали к его ногам, много плача, а он также пал к их ногам и сказал, что охотно это сделает. Так маркиз исполнил их просьбу и принял господство над войском. Тогда епископ Суассона, мессир Фульк, добрый человек, и два белых аббата, которых он привез из своей страны, повели его в церковь Нотр-Дам и прикрепили крест к его плечу. Так закончилось это собрание. На следующий день он простился, чтобы вернуться в свою страну и привести дела в порядок, и сказал, чтобы каждый устроил свои дела, а он встретится с ними в Венеции.

Так маркиз отправился на капитул в Сито, который проводится на праздник Святого Креста в сентябре. Там он нашел великое множество аббатов, баронов и других людей, и мессир Фульк пришел туда говорить о крестовом походе. Там приняли крест Эд Шампанец де Шамплит и Гийом, его брат, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, Ги де Пем, Эмон, его брат, Ги де Конфлан и многие добрые люди Бургундии, чьи имена не записаны. Затем принял крест епископ Отёна, Гиг, граф де Форез, Гюг де Колиньи, а ниже, в Провансе, Пьер Бромон и довольно много других людей, чьих имен мы не знаем.

23. Так паломники готовились по всем землям...

«...если вы сочтете это хорошим: маркиз Бонифаций Монферратский, как всем известно, князь весьма великодушный и один из наиболее опытных в военном деле среди ныне живущих; если вы пошлете к нему с просьбой приехать сюда и принять крест и предложите ему управление и руководство войском вместо покойного графа Шампанского, думаю, он согласится». После всестороннего обсуждения было решено и согласовано послать к нему депутатов. Для этого изготовили письма и выбрали тех, кто отправится к нему. После этого он не преминул приехать в назначенный день, направившись через Шампань и Францию, где был хорошо принят, особенно королем Франции, чьим кузеном он был; так он прибыл в Суассон, где было назначено собрание и куда уже приехали несколько графов и баронов с большим числом паломников; когда они узнали, что он приближается, они вышли ему навстречу и оказали ему все почести, какие могли.

22. На следующее утро собрание состоялось в саду аббатства Нотр-Дам в Суассоне, где все единодушно обратились к маркизу, за которым посылали, и просили его именем Бога, пав к его ногам и горячо плача, принять крест, взять руководство войском вместо покойного графа Тибо Шампанского и принять его людей и деньги, предназначенные для предприятия; увидев это, маркиз также опустился на колени и сказал, что охотно это сделает. Так, уступив их просьбам, он принял руководство войском; и тотчас епископ Суассона, мессир Фульк, добрый святой человек, о котором говорилось выше, и два аббата ордена Сито, которых маркиз привез из своей страны, повели его в церковь Нотр-Дам и прикрепили крест к его плечу. Когда собрание закончилось, на следующий день он простился, чтобы вернуться в Монферрат и привести свои дела в порядок, предупредив каждого быть готовым и сказав, что непременно встретится с ними в Венеции.

По дороге он заехал в Сито и присутствовал на капитуле, который проходит на Святой Крест в сентябре, где нашел множество аббатов, баронов и других собравшихся людей; мессир Фульк также пришел туда проповедовать крестовый поход, после чего многие приняли крест, среди них Эд Шампанец де Шамплит и Гийом, его брат, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, Ги де Пем, Эмон, его брат, Ги де Конфлан и многие другие дворяне Бургундии; епископ Отёна также принял крест, как и Гиг, граф де Форез, Гюг де Колиньи, ниже в Провансе Пьер Бромон и многие другие, чьи имена нам неизвестны.

23. Так паломники готовились со всех сторон; но, увы, их постигло большое несчастье...

Мы исправили здесь ошибку Дюканжа, который принял aval за имя собственное. Aval означает «вниз, ниже».

...в следующий Великий пост, прежде чем они должны были выступить: граф Жоффруа дю Перш слег от болезни и составил завещание так, что распорядился передать свое имущество брату Этьену, чтобы тот повел его людей в войско. От такой замены паломники охотно отказались бы, если бы Богу было угодно. Так граф окончил жизнь и умер, и это было большим несчастьем, как и следовало, ибо он был очень знатным, почитаемым и добрым рыцарем. Велика была скорбь по всей его земле.

24. После Пасхи, около Пятидесятницы, паломники начали выступать из своих стран. И знайте, много слез умиления было пролито, когда они прощались со своей землей, своими людьми и друзьями. Так они ехали через Бургундию, через горы Мон-Жу, через Мон-Сени и Ломбардию. И стали собираться в Венеции и разместились на острове в порту, называемом Святого Николая.

25. В это время из Фландрии вышел морем флот с большим числом добрых вооруженных людей. Начальниками этого флота были Жан де Неэль, кастелян Брюгге, Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Никола де Майи. Они обещали графу Балдуину и поклялись на святых, что пройдут через Гибралтарский пролив и присоединятся к венецианскому войску и к нему, где бы ни услышали, что оно находится. Поэтому граф и его брат Анри послали им свои корабли, нагруженные одеждой, продовольствием и другими вещами. Этот флот был очень прекрасен и богат, и граф Фландрский и паломники очень на него надеялись, потому что большая часть их лучших воинов отправилась с этим флотом. Но они плохо сдержали обещание своему сеньору, как и все другие, поскольку эти люди и многие другие испугались великой опасности, которую приняли на себя находившиеся в Венеции.

26. Так подвели их епископ Отёна, Гиг, граф де Форез, Пьер Бромон и многие другие люди, за что были осуждены и мало добились там, куда отправились; а среди французов их подвели Бернар де Морей, Гюг де Шомон, Анри д'Арен, Жан де Виллер, Готье де Сен-Дени, Гюг, его брат, и многие другие, уклонившиеся от венецианского пути из-за великой опасности, которая там была, и отправившиеся в Марсель, за что получили великий позор и были сильно порицаемы, а затем их постигло большое несчастье.

27. Теперь оставим их и расскажем о паломниках, большая часть которых уже прибыла в Венецию. Граф Балдуин Фландрский уже был там...

...несчастье в следующий Великий пост; ибо когда они уже собирались выступить, Жоффруа, граф дю Перш, заболел и составил завещание, по которому завещал своему брату Этьену все, что собрал для путешествия, с обязанностью вести его людей в заморское войско; от такой замены крестоносцы охотно отказались бы, если бы Богу было угодно. Так граф окончил дни к большому огорчению всех, и не без причины, ибо был могущественным и богатым сеньором, пользовался большой славой и, кроме того, был добрым рыцарем; поэтому его сильно оплакивали его люди.

24. После Пасхи, около Пятидесятницы, паломники начали покидать свои страны, и это не обошлось без слез, когда пришло время проститься с родными и друзьями. Они направи-

лись через Бургундию, Мон-Жу, Мон-Сени и Ломбардию и наконец прибыли в Венецию, где разместились на острове близ порта, называемом Святого Николая.

25. В это же время из Фландрии вышел флот кораблей с большим числом воинов и солдат; его начальниками и предводителями были Жан де Неэль, кастелян Брюгге, Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Никола де Майи; они обещали графу Балдуину и поклялись ему на святых Евангелиях пройти через Гибралтарский пролив и присоединиться к венецианскому войску, где бы ни узнали, что оно находится. Для этого граф и его брат Анри отправили им свои корабли, нагруженные продовольствием и другими припасами. Этот морской отряд был поистине великолепен и богато оснащен, поэтому граф Фландрский и остальные паломники возлагали на него большие надежды, так как большинство их лучших людей село на эти корабли; но они плохо исполнили обещанное своему сеньору, как и другие, испугавшись опасности, которой, казалось, подвергались участники венецианского войска.

26. Епископ Отёна, Гиг, граф де Форез, Пьер Бромон и многие другие также нарушили свои обещания, за что были порицаемы и мало добились там, куда отправились. Среди французов также подвели их Бернар де Морёй, Гюг де Шомон, Анри д'Арен, Жан де Виллер, Готье де Сен-Дени, Гюг, его брат, и многие другие, которые уклонились от перехода через Венецию из-за трудностей, которые там предвидели, и отправились в Марсель, за что также подверглись большому порицанию; впоследствии их постигло немало несчастий и бед.

27. Что касается паломников, то многие уже прибыли в Венецию, особенно Балдуин, граф Фландрии, и многие другие. Там они узнали, что большая часть крестоносцев идет другими путями и садится на корабли в других портах...

...и многие другие. Там пришла к ним весть, что многие паломники идут другими дорогами к другим портам, и они очень встревожились, потому что не смогут исполнить соглашение и заплатить деньги, которые были должны венецианцам; они посоветовались между собой и решили послать добрых послов к паломникам и к Людовику, графу Блуа и Шартра, который еще не прибыл, чтобы ободрить их и просить о милости, чтобы они пожалели Святую землю за морем и чтобы никакой другой путь не мог быть столь полезен, как венецианский.

28. Для этого посольства были избраны граф Гюг де Сен-Поль и Жоффруа, маршал Шампани, и они доехали до Павии в Ломбардии. Там нашли графа Людовика с большим числом добрых рыцарей и хороших людей. Благодаря их увещаниям и просьбам многие повернули к Венеции, хотя собирались идти другими дорогами к другим портам. Тем не менее из Пьяченцы отправились очень добрые люди, которые пошли иными путями в Апулию. Среди них были Вилен де Нёйи, один из добрых рыцарей мира, Анри д'Ардильтер, Реньяр де Дампьер, Анри де Лоншан, Жиль де Тразеньи, который был вассалом графа Балдуина Фландрского и Эно, и тот дал ему из своего имущества пятьсот ливров, чтобы он шел с ним в поход. С ними ушло великое множество рыцарей и сержантов, чьи имена не записаны. Это стало большим уменьшением войска, собиравшегося в Венеции, и впоследствии причинило им великое несчастье, как вы услышите дальше.

29. Так граф Людовик и другие бароны отправились в Венецию; их приняли с большим праздником и радостью, и они разместились на острове Святого Николая вместе с остальными. Войско было очень прекрасным и состояло из добрых людей. Никогда никто не видел более прекрасного войска из стольких людей. Венецианцы устроили для них обильный рынок всего необходимого для лошадей и человеческого тела. А флот, который они приготовили, был столь

богат и прекрасен, что ни один христианин никогда не видел более прекрасного и богатого; кораблей, галер и транспортов было примерно втрое больше, чем людей в войске. Ах! Какое великое несчастье, что другие, отправившиеся к иным портам, не пришли туда! Тогда христианство было бы возвышено, а земля турок унижена! Венецианцы очень хорошо соблюли все свои соглашения, и даже сверх того; и они потребовали от графов и баронов исполнить их условия и уплатить им деньги, потому что сами были готовы отплыть.

... что привело их в большую тревогу и чрезвычайное затруднение, потому что они понимали, что не смогут соблюсти и исполнить договоры с венецианцами и им будет невозможно уплатить суммы, которые обязались внести. Поэтому они решили послать во все стороны к паломникам и особенно к графу Блуа, который еще не прибыл, чтобы увещевать его продолжать предприятие, просить сжалиться над заморской землей и прежде всего не искать другого пути, кроме венецианского, поскольку по обещаниям они и не должны, и не могут поступить иначе.

28. Для этого были посланы Гюг, граф де Сен-Поль, и Жоффруа, маршал Шампани; прибыв в Павию, город Ломбардии, они нашли там графа Людовика с множеством добрых рыцарей и воинов и силой своих увещаний и просьб добились того, что многие направились в Венецию, хотя прежде собирались садиться на корабли в других портах; это, однако, не помешало некоторым избрать путь в Апулию, среди них Вилену де Нёйи, одному из добрых рыцарей своего времени, Анри д'Ардильеру, Реньяру де Дампьеру, Анри де Лоншану, Жилю де Тразеньи, вассалу Балдуина, графа Фландрии, который дал ему пятьсот ливров из собственных средств, чтобы он последовал за ним в этот поход, а вместе с ними — большому числу рыцарей и пеших воинов, чьи имена мы опускаем. Это настолько же уменьшило войско, собиравшееся в Венеции, и впоследствии вызвало большие затруднения, как покажет продолжение.

29. Так граф Людовик и другие бароны отправились в Венецию, где их приняли очень хорошо, и они поселились на острове Святого Николая вместе с остальными. Никогда не видели более прекрасного, более многочисленного войска, состоявшего из более доблестных людей. Венецианцы в изобилии доставляли им все необходимое и людям, и лошадям. Корабли, приготовленные для них, были так хорошо оснащены и снабжены, что в них ничего не доставало, и их было столько, что их было втрое больше, чем требовалось для собравшихся там крестоносцев. Ах, какое это было великое несчастье, что те, кто отправился искать другие порты, не присоединились к этому войску! Без сомнения, честь христианства была бы возвышена, а сила сарацин сокрушена. Что до венецианцев, они превосходно исполнили свои соглашения, даже больше того, к чему были обязаны, и потребовали от графов и баронов также выполнить свои обязательства и передать им условленную сумму, поскольку со своей стороны были готовы отплыть.

30. В войске начали собирать плату за переправу, и нашлось немало людей, говоривших, что не могут оплатить свой проезд, и бароны брали с них то, что могли получить. Так они собрали и уплатили сколько смогли за переправу. Когда они потребовали и собрали все, а затем заплатили, оказалось, что нет и половины нужной суммы; тогда бароны стали советоваться между собой и сказали: «Сеньоры, венецианцы очень хорошо исполнили наши соглашения, и даже сверх того. Но нас не настолько много, чтобы одной платой за переправу мы могли выполнить перед ними свои обязательства, и это произошло из-за тех, кто ушел к другим портам. Ради Бога пусть каждый внесет свое имущество, пока мы не сможем уплатить по нашим соглашениям, ибо во всяком случае лучше нам оставить здесь все наше имущество, чем допустить недостачу, потерять то, что уже внесли, нарушить наши соглашения и позволить войску рас-

пасться, потому что тогда спасение заморской земли будет потеряно». Между большей частью баронов и другими людьми возник большой раздор, и одни сказали: «Мы заплатили за свою переправу; если они хотят нас везти, мы охотно поедem. Если не хотят, мы сами найдем другой путь и пойдем через другие порты». Они говорили это потому, что хотели, чтобы войско распалось. Другая часть сказала: «Лучше нам вложить все наше имущество и идти в войске бедными, чем допустить, чтобы оно распалось; ведь Бог хорошо воздаст нам, когда Ему будет угодно».

31. Тогда граф Фландрский начал отдавать все, что у него было, и все, что мог занять; то же сделали граф Людовик, маркиз, граф Гюг де Сен-Поль и те, кто держался их стороны. Тогда можно было видеть, как в дом дожа для уплаты несли множество прекрасной золотой и серебряной посуды. И когда они заплатили все, чего смогли добиться, до условленной суммы все еще недоставало тридцати четырех тысяч серебряных марок. И этому очень обрадовались те, кто спрятал свое имущество и ничего не захотел внести, потому что они уже думали, что войско распадется и предприятие будет разрушено. Но Бог, Который дает совет лишенным совета, не захотел допустить этого.

32. Тогда дож сказал своим людям: «Сеньоры, эти люди больше не могут нам платить, и все, что они уже заплатили, мы по условиям, которых они не могут выполнить, могли бы считать нашей добычей. Но наше право не было бы во всем справедливым, и мы навлекли бы великий позор и на себя, и на нашу землю. Предложим им сделку: король Венгрии отнял у нас Зару³⁸ в Славонии, один из самых сильных городов мира, и никакими силами мы ее не вернем, если только не с помощью этих людей...»

30. Когда в лагере начали собирать деньги за перевозку, многие заявили, что не могут заплатить, так что баронам пришлось брать с них то, что они могли получить; и когда они уплатили все собранное, оказалось, что до нужной суммы далеко. Это заставило баронов собраться и решить, что делать в таком положении, и некоторые сказали: «Сеньоры, венецианцы очень хорошо исполнили свои договоры, даже более того, к чему были обязаны; но нас недостаточно, чтобы заплатить за перевозку, и нам невозможно погасить долг из-за тех, кто ушел в другие порты. Поэтому совершенно необходимо, чтобы каждый внес свое, пока мы не сможем уплатить все, что должны. Ибо лучше нам отдать здесь все наше имущество и потерять то, что уже внесли, чем нарушить слово. Кроме того, если это войско распадется, мы навсегда потеряем случай и средства вернуть заморскую землю». Это вызвало большие раздоры между значительной частью баронов и другими паломниками; одни говорили: «Раз мы заплатили за свою переправу, пусть нас посадят на корабли и везут, и мы охотно поедem; иначе мы сами найдем другое средство». Они говорили это злонамеренно, желая распада войска. Другие, напротив, утверждали, что лучше употребить все оставшееся имущество и идти в войске бедными, чем по их вине дать ему распасться, и что Бог всемогущ и сможет воздать им вдвойне, когда Ему будет угодно.

31. Тогда граф Фландрский начал отдавать все, что имел, и все, что сумел занять; вместе с ним — граф Людовик, маркиз Монферратский, граф де Сен-Поль и все прочие их сторонники. Тогда можно было видеть, как в дом дожа несли столько прекрасной и богатой золотой и серебряной посуды, чтобы завершить платеж; и, несмотря на это, от условленной цены все еще недоставало тридцати четырех тысяч серебряных марок. Те, кто спрятал свое имущество

³⁸ Jadres — Зара. Слово Jadres, которым Виллардуэн обозначает Зару, очевидно происходит от Jadera — древнего названия этого города Далмации.

и не захотел ничего внести, очень обрадовались, полагая, что теперь лагерь распадется и предприятие сорвется.

32. В этих обстоятельствах дож Венеции собрал своих людей и сказал им: «Сеньоры, эти люди не могут полностью уплатить нам то, что обещали, поэтому все, что они уже заплатили, по их собственным договорам, которые им невозможно исполнить, могло бы остаться нам приобретенным и выигранным. Но было бы для нас бесчестно воспользоваться этой строгостью, и мы могли бы навлечь на себя слишком большой позор; лучше предложим им другое: вы знаете, что король Венгрии отнял у нас Зару в Славонии, один из самых сильных городов мира...»

«...и никакой нашей силой мы не сможем ее вернуть без этих людей. Попросим их помочь нам завоевать ее, а мы дадим им отсрочку по тридцати тысячам серебряных марок, которые они нам должны, до тех пор, пока Бог не позволит нам вместе с ними завоеваниями получить средства». Так им было предложено это соглашение. Те, кто хотел распада войска, сильно ему противились, но все же соглашение было заключено и принято.

33. Затем в воскресенье все собрались в церкви Святого Марка. Это был большой праздник, и там находились народ страны и большая часть баронов и паломников; прежде чем началась большая месса, дож Венеции по имени Энрико Дандоло поднялся на кафедру, обратился к народу и сказал: «Сеньоры, вы соединились с лучшими людьми мира и ради самого высокого дела, какое когда-либо предпринимали люди; я стар и слаб, мне нужен отдых, и тело мое изувечено. Но я вижу, что никто не сумеет так хорошо управлять вами и вести вас, как я, ваш сеньор. Если вы согласитесь, чтобы я принял знак креста ради того, чтобы охранять вас и наставлять, а мой сын остался вместо меня и правил землей, я пойду жить или умереть с вами и с паломниками». Услышав это, все закричали в один голос: «Мы просим вас ради Бога согласиться на это, сделать это и идти вместе с нами».

34. Великая жалость охватила там народ страны и паломников, и было пролито много слез, потому что у этого доброго человека было столь много причин остаться: он был стар, глаза у него оставались красивыми, но он совершенно не видел, поскольку потерял зрение от раны, полученной в голову³⁹; и все же он проявлял великое мужество. Ах, как мало были похожи на него те, кто ушел к другим портам, чтобы избежать опасности! Он сошел с кафедры, подошел к алтарю и, много плача, стал на колени, а ему пришили крест к большой хлопчатой шапке, потому что он хотел, чтобы люди его видели. И в тот день венецианцы начали принимать крест во множестве и в большом числе, хотя до того среди них было совсем немного крестоносцев. Наши паломники испытали великую радость и великое умиление от его креста, от его мудрости и доблести. Так дож принял крест, как вы слышали.

«...скорее предложим им следующее: вы знаете, что король Венгрии отнял у нас Зару в Славонии, один из сильнейших городов мира, который, какими бы силами мы ни располагали, нам никогда не вернуть без их помощи. Предложим им помочь нам взять этот город, а за это дадим срок для уплаты тридцати тысяч серебряных марок, которые они нам должны, пока Бог нашими общими завоеваниями не даст им возможность расплатиться». Когда это предложение было сделано баронам, оно встретило сильнейшее сопротивление тех, кто желал распада войска, но, несмотря на их противодействие, условие было принято.

³⁹ Историки не согласны относительно того, каким образом Энрико Дандоло потерял зрение: одни говорят, что от раны в сражении, другие утверждают, что он ослеп вследствие жестокой вероломности греческого императора Мануила, к которому был отправлен послом.

33. После этого в воскресенье состоялось собрание в церкви Святого Марка, где находилась большая часть венецианцев, баронов и паломников войска; там, прежде чем началась большая месса, дож Энрико Дандоло поднялся на кафедру и сказал: «Сеньоры, вы можете с уверенностью сказать, что соединились с лучшими и доблестнейшими людьми мира ради самого высокого предприятия, какое когда-либо было задумано. Я стар, как вы видите, слаб и немощен, тело мое в дурном состоянии и мне нужен покой, однако я хорошо понимаю, что нет никого, кто мог бы лучше вести вас в этом путешествии и предприятии, чем я, имеющий честь быть вашим сеньором и дожем; поэтому, если вы позволите мне принять крест, чтобы вести вас, а мой сын останется здесь вместо меня для сохранения этого государства, я охотно пойду жить и умереть вместе с вами и паломниками». Услышав это, они все в один голос закричали: «Мы заклинаем вас именем Бога сделать это и идти с нами».

34. Поистине весь народ и паломники были тронуты состраданием и не могли удержаться от горячих слез, когда увидели этого доброго старца, имевшего столь много причин остаться дома в покое — и по причине преклонного возраста, и потому, что он потерял зрение, хотя глаза его оставались красивыми, из-за раны, полученной в голову, — и все же сохранившего такую силу и проявлявшего столько мужества. Ах, как мало были похожи на него те, кто ради бегства от небольшой опасности и тягот обратился к другим портам! После этого он сошел с кафедры, подошел к алтарю, в слезах стал на колени, и ему прикрепили крест к большой хлопчатой шапке, чтобы он был заметнее, ибо он хотел, чтобы все видели его. По его примеру венецианцы начали наперебой принимать крест, хотя число их еще не было велико. Французы же очень обрадовались решению дожа и тому, что увидели его крестоносцем, как и они, по причине его великой мудрости и доблести.

Тогда начали выдавать баронам корабли, галеры и транспортные суда для отплытия, а времени прошло уже столько, что приближался сентябрь.

35. Теперь послушайте об одном из величайших чудес и самых необычайных приключений, о каких вы когда-либо слышали. В то время в Константинополе был император по имени Исаак, и был у него брат по имени Алексей, которого он выкупил из турецкого плена. Этот Алексей схватил своего брата-императора, выколол ему глаза и сделал себя императором посредством такого предательства, как вы слышали. Он долго держал его в тюрьме, а вместе с ним и его сына по имени Алексей. Этот сын бежал из тюрьмы и на корабле добрался до приморского города Анконы. Оттуда он отправился к королю Германии Филиппу, женатому на его сестре. Затем он прибыл в Верону в Ломбардии, остановился в городе и нашел там многих паломников, шедших к войску. Те, кто помог ему бежать и находился с ним, сказали ему: «Сир, вот близ нас, в Венеции, войско из лучших людей и лучших рыцарей мира, которое идет за море; попросите их о милости, чтобы они сжалились над вами и вашим отцом, столь несправедливо лишенными наследия; и если они захотят вам помочь, вы сделаете все, что они назначат. Я надеюсь, их тронет сострадание». И он ответил, что охотно сделает это и что совет хорош.

36. Так он избрал послов и послал их к маркизу Бонифацию Монферратскому, который был главой войска, и к другим баронам. Когда бароны их увидели, они очень удивились и ответили послам: «Мы хорошо понимаем, что вы говорите. Мы пошлем своих людей к королю Филиппу вместе с ним, к которому он едет. Если этот человек захочет помочь нам вернуть заморскую землю, мы поможем ему завоевать его собственную землю, которую, как мы знаем,

несправедливо отняли у него и его отца». Так послы были отправлены в Германию к константинопольскому юноше и к королю Германии Филиппу.

37. Еще прежде того, что мы вам здесь рассказали, в войско пришла весть, сильно опечалившая баронов и других людей: мессир Фульк, добрый человек, первым проповедовавший крестовый поход, окончил жизнь и умер.

38. После этого события к ним прибыл отряд очень добрых людей из Германской империи, чему они очень обрадовались. Там прибыли епископ Хальберштадта, граф Бертольд фон Катценельнбоген, Гарнье де Борланд, Тьерри де Лоос, Анри д'Орм, Тьерри де Дист, Роже де Суавр, Александр де Виллер, Ульрих фон Тон и другие.

Из-за его великой мудрости и доблести они сильно обрадовались, и с этого времени начали снаряжать корабли и распределять их между баронами, чтобы выйти в море, поскольку приближался сентябрь.

35. Между тем случилось великое диво и неожиданное приключение, самое странное из тех, о каких слышали. В Константинополе тогда был император по имени Исаак, имевший брата Алексея, которого он освободил из тюрьмы и турецкого плена. Этот Алексей схватил своего брата-императора, приказал выколоть ему глаза и после этого выдающегося предательства провозгласил себя императором. Он долго держал в заключении его самого и сына по имени Алексей. Сын сумел бежать и на корабле добрался до Анконы, приморского города, откуда направился в Германию к королю Филиппу, женатому на его сестре; затем прибыл в Верону в Ломбардии, где остановился и встретил множество паломников, шедших в войско. Те, кто помог ему бежать, воспользовались случаем и сказали: «Сир, неподалеку от нас, в Венеции, находится войско, состоящее из самых благородных и доблестных рыцарей мира, идущее за море; пойдите и попросите их сострадать над несчастьем вашего отца-императора и вашим и принять во внимание несправедливость, с которой вас лишили владений; обещайте им, что если они помогут вам их вернуть, вы не преминете сделать все, чего они пожелают; быть может, ваше несчастье тронет их и вызовет сострадание». Он ответил, что совет кажется ему хорошим и он им воспользуется.

36. И действительно, он послал депутатов к маркизу Бонифацию Монферратскому, главнокомандующему войска, и другим баронам, которые сначала удивились этому посольству и ответили: «В соответствии с тем, что вы нам предлагаете, мы пошлем некоторых из наших вместе с вашим господином к королю Филиппу, к которому он направляется; если он поможет нам в предприятии по завоеванию заморской земли, мы взаимно поможем ему вернуть его государства, которые, как мы знаем, были несправедливо отняты у него и его отца». Так послы были отправлены в Германию к константинопольскому принцу и королю Филиппу Германскому.

37. Незадолго до того, о чем мы только что рассказали, в войско пришла весть, сильно опечалившая баронов и остальных: мессир Фульк, этот святой человек, первым проповедовавший крестовый поход, умер.

38. Сразу после этого события к ним прибыло подкрепление из весьма добрых людей Германии, чему они очень обрадовались. Среди прочих были епископ Хальберштадта, Бертольд, граф Катценельнбоген, Гарнье де Борланд, Тьерри де Лоос, Анри д'Орм, Тьерри де Дист, Роже де Суавр, Александр де Виллер, Ульрих фон Тон и другие.

Затем корабли и транспортные суда были распределены между баронами, их нагроулили оружием, продовольствием, конными и пешими паломниками; щиты развесили вдоль бортов кораблей, а знамена, которых было множество и которые были очень прекрасны, поставили на марсах и кормовых башнях. И знайте, на кораблях везли более трехсот камнеметов и мангонелей и великое множество всех машин, необходимых для взятия города. Никогда более прекрасный флот не выходил ни из одного порта; это было на восьмой день после праздника Святого Ремигия, в 1202 году от Воплощения Иисуса Христа. Так они вышли из Венецианского порта, как вы слышали.

39. Накануне дня Святого Мартина они прибыли к Заре в Славонии и увидели город, окруженный высокими стенами и высокими башнями; и напрасно стали бы вы искать город более прекрасный, более сильный или более богатый. Увидев его, паломники сильно удивились и говорили друг другу: «Как можно силой взять такой город, если Сам Бог этого не сделает?» Первые корабли пришли к городу и бросили якорь, ожидая остальных; наутро день был очень прекрасен и ясен, и прибыли все галеры, транспортные суда и прочие корабли, шедшие позади; они силой овладели портом и разорвали цепь, которая была очень крепка и хорошо устроена, затем высадились так, что порт оказался между ними и городом. Тогда можно было видеть, как множество рыцарей и сержантов сходят с кораблей, как множество прекрасных боевых коней выводят из транспортов, как ставят богатые шатры и павильоны. Так расположилось войско, и Зара была осаждена в день Святого Мартина. К этому времени еще не все бароны прибыли, ибо маркиз Монферратский оставался позади по своим делам. Этьен дю Перш и Матьё де Монморанси оставались больными в Венеции; когда они выздоровели, Матьё де Монморанси прибыл к войску в Зару. Но Этьен дю Перш поступил не так хорошо, ибо оставил войско и отправился в Апулию. Вместе с ним ушли Ротру де Монфор, Ив де Лаваль и многие другие, которых за это сильно порицали, и весной они переправились в Сирию.

40. На следующий день после Святого Мартина люди из Зары вышли и пришли говорить с дожем Венеции, находившимся в своем павильоне, и сказали, что отдадут ему город и все свое имущество на его милость, сохранив лишь свои тела. Дож ответил, что не примет ни этого, ни иного соглашения без совета графов и баронов и что пойдет поговорить с ними.

Александр де Виллер, Ульрих фон Тон и другие. Затем баронам распределили корабли и паландрии, которые загрузили оружием, всякого рода припасами, конными и пешими паломниками; щиты разместили вдоль бортов судов, а знамена, которых было множество, поставили на марсах и кормовых башнях. Кроме того, на корабли погрузили до трехсот камнеметов и мангонелей и множество других машин, обычно употребляемых при штурме городов. Никогда из какого-либо порта не выходил более прекрасный морской флот. Так они вышли из Венецианского порта на восьмой день после праздника Святого Ремигия, в 1202 году от Воплощения Господа нашего.

39. Накануне Святого Мартина они прибыли к Заре в Славонии, городу, заключенному за столь высокими стенами и башнями, что трудно было представить место более прекрасное, а также более сильное или богатое. Когда паломники увидели его, они были чрезвычайно поражены и спрашивали друг друга, как можно взять такой город, если Бог Сам не приложит к этому руку. Суда, вышедшие первыми, бросили якорь перед городом и ожидали остальных; на следующее утро, при ясной и прекрасной погоде, прибыли все галеры, паландрии и прочие отставшие корабли; сперва они силой завладели портом, разорвав запиравшую его цепь, затем высадились на другом берегу и таким образом поместили порт между собой и городом. Тогда можно было видеть, как множество храбрых рыцарей и пеших воинов сходят с кораблей, как

прекрасных боевых коней выводят на твердую землю, как ставят шатры и павильоны. Так войско расположилось вокруг Зары, которую начали осаждать в день Святого Мартина, хотя не все бароны еще прибыли. Маркиз Монферратский оставался позади из-за некоторых личных дел. Этьен дю Перш и Матьё де Монморанси болели в Венеции; выздоровев, Матьё де Монморанси пришел к войску в Зару, но Этьен дю Перш поступил не столь хорошо, ибо ушел в Апулию, а с ним Ротру де Монфор, Ив де Лаваль и многие другие, которых затем сильно порицали и которые весной направились в Сирию.

40. На следующий день после Святого Мартина люди Зары вышли и пришли к дожу Венеции в его павильон, чтобы сказать, что готовы отдать ему город и все свое имущество по его усмотрению, сохранив лишь свои жизни; на это дож ответил, что не может принять это или какое-либо иное соглашение, не сообщив о нем графам и баронам войска, и что поговорит с ними.

Пока он шел говорить с графами и баронами, та часть людей, о которой вы уже слышали и которая хотела разрушить войско, заговорила с посланниками из Зары и сказала им: «Почему вы хотите сдать свой город? Паломники не будут вас нападать, и вам нечего их бояться; если вы сумеете защититься от венецианцев, вы свободны». Затем они избрали одного из своих, по имени Робер де Бов, который подошел к стенам города и сказал им то же самое. Так посланники вернулись в город, и соглашение сорвалось.

41. Когда дож Венеции пришел к графам и баронам, он сказал им: «Сеньоры, люди внутри хотят отдать город на мою милость, сохранив лишь свои жизни; но я не стану принимать ни этого, ни иного соглашения без вашего совета». Бароны ответили: «Сир, мы советуем вам принять его и просим вас об этом». Он сказал, что так и сделает. И все вместе вернулись к павильону дожа, чтобы заключить соглашение, но нашли, что посланники ушли по совету тех, кто хотел разрушить войско. Тогда поднялся аббат Во из ордена Сито и сказал им: «Сеньоры, именем папы Римского я запрещаю вам нападать на этот город, ибо он принадлежит христианам, а вы — паломники». Услышав это, дож сильно разгневался и сказал графам и баронам: «Сеньоры, у меня было соглашение с этим городом на моих условиях, но ваши люди лишили меня его; а вы обещали помогать мне завоевать город, и я требую, чтобы вы это сделали».

42. Тогда графы и бароны и те, кто держался их стороны, поговорили между собой и сказали: «Великое зло совершили те, кто разрушил это соглашение, и не было ни дня, чтобы они не пытались развалить это войско. Теперь мы будем покрыты позором, если не поможем ему взять город». Они пришли к дожу и сказали: «Сир, мы поможем вам взять его назло тем, кто помешал соглашению». Так было решено. Наутро они расположились перед городскими воротами и поставили камнеметы, мангонели и другие машины, которых у них было много. Со стороны моря поставили лестницы на кораблях. Тогда они начали метать в город камни по стенам и башням. Этот штурм продолжался около пяти дней; затем они подвели к одной башне своих подкопщиков, и те начали подрывать стену. Когда жители увидели это, они стали просить соглашения — такого же, от которого прежде отказались...

Пока дож совещался с ними, те, о ком вы слышали выше как о сторонниках распада войска, подошли к депутатам Зары и сказали: «Почему вы хотите так сдать свой город? Будьте уверены: паломники не намерены вас атаковать; с этой стороны вам нечего опасаться. Если сумеете защититься от венецианцев, вы спасены». После этого они послали одного из своих, Робера де Бов, к стенам города сказать то же самое, после чего депутаты вернулись и капитуляция осталась без последствий.

41. Тем временем дож Венеции пришел к графам и баронам и сказал: «Сеньоры, люди внутри хотят сдаться на мою милость, сохранив свои жизни, но я не хочу принимать никакого предложения, прежде чем сообщу его вам и узнаю ваш совет». Бароны ответили, что считают правильным принять такое условие и даже просят его об этом; он обещал так поступить. Когда они вместе шли к павильону дожа, чтобы установить статьи соглашения, оказалось, что депутаты ушли по внушению тех, кто хотел распада войска. Тогда аббат Во-де-Серне из ордена Сито поднялся и сказал: «Сеньоры, от имени папы я запрещаю вам нападать на этот город, потому что он принадлежит христианам, а вы — паломники и крестоносцы ради другого дела». Услышав это, дож очень разгневался и сказал графам и баронам: «Сеньоры, этот город был у меня в руках и на моей милости, а ваши люди отняли его у меня; вы знаете, что по договору обязаны помогать нам его завоевать, и теперь я требую, чтобы вы это сделали».

42. Тогда графы, бароны и их сторонники собрались и сказали, что поистине велико зло тех, кто сорвал сдачу и ни дня не пропускает без попытки распустить и разрушить войско; что же до них, они навсегда будут опозорены, если не помогут венецианцам взять этот город. Они тотчас пришли к дожу и сказали: «Сир, мы поможем вам взять этот город вопреки и назло тем, из-за кого вы не получили его во владение». После этого решения уже на следующее утро они расположились перед городскими воротами, поставили камнеметы, мангонели и другие машины, которых у них было множество. Со стороны моря они установили лестницы на палубах кораблей, затем начали бросать камни в стены и башни. Этот штурм продолжался около пяти дней; затем, сумев приблизиться к подножию одной башни, они подвели туда минеров и начали подрывать ее основание. Увидев это, жители города снова попросили переговоров и потребовали того же соглашения, от которого прежде отказались...

...по совету тех, кто хотел разрушить войско.

43. Так город был отдан на милость дожа Венеции, за исключением жизни жителей. Тогда дож пришел к графам и баронам и сказал им: «Сеньоры, мы завоевали этот город по милости Божией и с вашей помощью. Наступила зима, и мы не можем двинуться отсюда до Пасхи, потому что не нашли бы продовольствия в другом месте. Этот город очень богат и хорошо снабжен всяким добром; разделим его между собой: мы возьмем половину, а вы другую». Так, как было решено, и сделали. Венецианцы получили часть со стороны порта, где стояли корабли, а французы — другую.

44. Затем каждому распределили жилища соответственно его положению. Войско снялось с прежнего места и разместилось в городе. На третий день после того, как все разместились, около вечерни случилось в войске великое несчастье: между венецианцами и французами началась очень большая и жестокая драка, и со всех сторон побежали к оружию. Схватка была столь велика, что почти не было улицы, где не происходило бы сильного боя мечами, копьями, арбалетами и дротиками, и много людей было ранено и убито. Венецианцы не смогли выдержать натиск и начали сильно терять людей. Тогда добрые люди, не желавшие зла, вооруженными пришли в самую схватку и начали разнимать. Но едва они разнимали в одном месте, как бой снова начинался в другом. Так продолжалось далеко за полночь, и с большим трудом и мучением они все же сумели разнять сражавшихся. И знайте, это было величайшее горе, какое когда-либо случалось в войске, и едва не погибло все войско. Но Бог не пожелал этого допустить. С обеих сторон был большой урон. Там погиб знатный фламандец по имени Жиль де Ланда, получивший удар в глаз и умерший от этой раны в самой схватке, и многие другие,

о которых не было столь большого рассказа. Всю следующую неделю дож Венеции и бароны много трудились, чтобы примирить участников драки, и добились мира, слава Богу.

45. Через две недели прибыл маркиз Бонифаций Монферратский, который еще не приехал, а вместе с ним Матьё де Монморанси, Пьер де Бретей и многие другие добрые люди. Еще через две недели вернулись послы из Германии, ездившие к королю Филиппу и юному константинопольскому принцу, и бароны вместе с дожем Венеции собрались во дворце, где жил дож.

...от которого прежде отказались по совету тех, кто хотел распада войска.

43. Так город был сдан на усмотрение дожа Венеции, с сохранением жизни жителей. После этого дож пришел к графам и баронам и сказал: «Сеньоры, мы взяли этот город милостью Бога и благодаря вашей помощи, но вот наступает зима, и нам невозможно уйти отсюда до Пасхи, потому что в другом месте мы не нашли бы ни удобств, ни продовольствия; город этот очень богат и снабжен всем необходимым, разделим его между нами: вы возьмете половину, мы другую». Так и сделали; венецианцы получили квартал со стороны порта, где стояли корабли, а французы — другой.

44. После этого каждому назначили жилье по рангу и положению, и войско разместилось в городе; но на третий день вечером случилось великое бедствие из-за ссоры между венецианцами и французами. С обеих сторон схватились за оружие, и драка стала столь кровавой, что не было ни улицы, ни перекрестка, где не бились бы мечами, копьями, арбалетами и дротиками; многие были ранены и убиты. Венецианцы не могли выдержать тяжести боя и стали терпеть поражение и терять людей, что заставило баронов, не желавших дальнейшего зла, вооруженными броситься между сражавшимися, чтобы их разнять; но едва их разнимали в одном месте, бой начинался в другом и продолжался далеко в ночь, так что разъединить их удалось лишь с большим трудом. Несомненно, это было величайшее несчастье, случившееся с войском, которое едва не погибло целиком и погибло бы, если бы Бог не вмешался. Потери были велики с обеих сторон; фламандский сеньор Жиль де Ланда получил удар в глаз и умер на месте, как и многие другие, чьи имена не отмечены. Дож Венеции и бароны всю неделю усердно трудились над примирением, и наконец, милостью Божией, мир был восстановлен.

45. Через две недели в лагерь прибыл Бонифаций, маркиз Монферратский, оставшийся позади, вместе с Матьё де Монморанси, Пьером де Бретеем и многими другими доблестными людьми. Еще через две недели из Германии вернулись послы короля Филиппа и константинопольского принца, и бароны вместе с дожем собрались во дворце, где дож жил.

Тогда послы заговорили и сказали: «Сеньоры, король Филипп посылает нас к вам вместе с сыном императора Константинополя, братом его жены».

46. «Сеньоры, — говорит король, — я посылаю вам брата моей жены и вверяю его руке Божией, да сохранит Он его от смерти, и вашим рукам. Поскольку вы идете ради Бога, права и справедливости, вы должны, если можете, вернуть наследие тем, кто был несправедливо его лишен. И он предложит вам самое высокое соглашение, какое когда-либо предлагалось людям, и богатейшую помощь для завоевания заморской земли. Во-первых, если Бог позволит вам вернуть ему наследие, он подчинит всю Романийскую империю Риму, от которого она давно отделена. Затем, зная, что вы истратили свое и обеднели, он даст вам двести тысяч серебряных марок и продовольствие всем в войске — и великим, и малым. Сам он пойдет с вами в

землю Вавилона, или, если вы сочтете лучше, пошлет туда десять тысяч человек за свой счет. Эту службу он будет нести один год, а всю свою жизнь будет содержать за свой счет пятьсот рыцарей в заморской земле для ее охраны. Сеньоры, — сказали послы, — на все это у нас есть полная власть заключить соглашение, если вы захотите со своей стороны его подтвердить. И знайте, столь высоких условий никогда прежде никому не предлагали. У того, кто их отвергнет, вовсе нет великого желания завоевывать». Они ответили, что обсудят это. На следующий день назначили собрание, и когда сошлись, им были изложены эти предложения.

47. Было много споров. Аббат Во из ордена Сито и та партия, которая хотела разрушить войско, заявили, что не согласятся, потому что речь идет о христианском достоянии и они вышли не ради этого, а хотят идти в Сирию. Другая сторона ответила: «Добрые сеньоры, в Сирии вы ничего не сможете сделать, и это хорошо покажут те самые, кто покинул нас и ушел в другие порты. И знайте, если заморская земля когда-либо будет возвращена, то через Египет или через Грецию. Если мы отвергнем это соглашение, то навсегда будем опозорены».

48. Так войско было в раздоре, и не удивляйтесь, что миряне спорили, поскольку и белые монахи ордена Сито также были между собой несогласны.

«...Константинопольского принца, брата его супруги, и от имени короля поручили нам сказать следующее.

46. Он вверяет молодого принца, своего шурина, руке Божией, да сохранит Бог его от смерти и опасности, и вашим рукам, и напоминает вам, что, поскольку вы предпринимаете долгие и трудные путешествия ради любви к Богу и ради поддержания права и справедливости, вы должны по мере сил возвращать имущество тем, кого несправедливо лишили наследства. Если вы поможете этому принцу, он заключит с вами самый выгодный договор, какой когда-либо заключали с кем-либо, и обещает весьма значительную помощь для завоевания Святой земли. Во-первых, если Бог позволит вам восстановить его в его государствах и наследии, он вернет всю Восточную империю в повиновение Римской церкви, от которой она давно отделилась. Во-вторых, поскольку знает, что вы уже много истратили на предприятие и испытываете нужду, он обещает дать вам двести тысяч серебряных марок и продовольствие всем людям вашего лагеря, великим и малым; сам он лично пойдет с вами в Египет или, если вы сочтете полезнее, пошлет туда десять тысяч человек на своем жалованье и будет содержать их в течение года; а пока жив, будет держать там пятьсот рыцарей для охраны заморской земли, также за свой счет. На все это, сеньоры, у нас есть полная власть заключить договор, если он вам угоден и вы пожелаете обязаться. Никогда столь выгодного условия никому не предлагали; поистине можно сказать, что не слишком стремится к завоеванию тот, кто его отвергнет». Они ответили, что посоветуются, назначили собрание на следующий день, и тогда предложения были изложены.

47. Их долго обсуждали с обеих сторон, пока аббат Во-де-Серне ордена Сито и партия, желавшая распада войска, не заявили, что не могут согласиться, поскольку это означало воевать с христианами, а они вышли из своих стран не ради этого и хотят идти в Сирию. Другая партия возразила: «Сеньоры, вы знаете, что сейчас ничего не сможете сделать в Сирии, как показывает пример тех, кто покинул нас и сел на корабли в других портах. Но вы должны знать, что если Святая земля когда-либо и будет возвращена, то лишь через Египет или Грецию; если же мы отвергнем эти условия, нас будут порицать вечно».

48. Так в лагере царил раздор, и не следует удивляться разногласию мирян, раз даже монахи ордена Сито показывали им путь к нему.

Аббат Лосский, очень святой и добрый человек, и другие аббаты, державшиеся его стороны, проповедовали и умоляли людей ради Бога сохранить войско единым и принять это соглашение, потому что это лучшее средство вернуть заморскую землю. Аббат Во и его сторонники, напротив, постоянно возражали и говорили, что все это зло и что следует идти в Сирию и делать там то, что возможно.

49. Тогда пришли маркиз Бонифаций Монферратский, Балдуин, граф Фландрский и Эно, граф Людовик, граф Гюг де Сен-Поль и их сторонники и сказали, что примут это соглашение, потому что были бы опозорены, если бы отвергли его. Они пошли в дом дожа, послы были вызваны, и соглашение подтвердили, как вы слышали выше, присягой и грамотами с печатями. И книга сообщает вам, что со стороны французов было лишь двенадцать человек, принесших эту присягу, и больше найти не смогли.

50. Среди них были маркиз Монферратский, граф Балдуин Фландрский, граф Людовик Блуаский и Шартрский, граф Гюг де Сен-Поль и еще восемь их главных сторонников. Так соглашение было заключено, грамоты переданы, и назначен срок, когда юный принц должен прибыть: через две недели после следующей Пасхи.

Так французское войско провело всю зиму в Заре, против короля Венгрии. И знайте, сердца людей не были спокойны: одна партия старалась распустить войско, другая — удержать его вместе. Многие простые люди тайком уходили на купеческих кораблях. На одном корабле тайно ушло около пятисот человек; все они утонули и погибли. Другая группа ушла по суше, думая пройти через Славонию, но жители страны напали на нее и многих убили. Остальные, спасаясь бегством, вернулись в войско; так войско сильно уменьшалось с каждым днем.

51. В это время один знатный человек войска из Германии, Гарнье де Борланд, добился возможности уйти на купеческом корабле и покинул войско, за что подвергся большому порицанию. Немного спустя другой знатный французский барон, Рено де Монмирай, с помощью графа Людовика добился того, что был отправлен послом в Сирию на одном из кораблей флота. Он и все рыцари, отправлявшиеся с ним, поклялись на святых, что через две недели после прибытия в Сирию и исполнения посольства вернутся обратно к войску.

Аббат Лосский, святой и добрый человек, и другие аббаты его партии ходили по лагерю, со сложенными руками прося ради любви к Богу не разделяться, а принять предложенные выгоды как единственное средство возвращения Святой земли. Аббат Во, напротив, и его сторонники решительно возражали, утверждая, что все может кончиться лишь дурно и что гораздо разумнее идти прямо в Сирию и там делать все возможное.

49. Маркиз Монферратский, графы Фландрский, Блуаский и Сен-Поль вместе со своими сторонниками пришли и сказали, что решили принять эти условия и не могут отказаться от них, не навлекая на себя порицания. Они тотчас отправились к дожу, куда вызвали послов, которые утвердили статьи в изложенном выше виде и подтвердили их клятвами от имени своих господ и грамотами с печатями. Но со стороны французов нашлось лишь двенадцать человек, которые поклялись их соблюдать, и больше найти не удалось.

50. Среди них были маркиз Монферратский, граф Балдуин Фландрский, граф Людовик Блуаский и граф Гюг де Сен-Поль с восемью главными людьми их партии. Так договоры были

заклучены, грамоты изготовлены и назначен день прибытия константинопольского принца — через две недели после Пасхи.

Тем временем французское войско всю зиму оставалось в Заре против короля Венгрии. Но умы крестоносцев не были в мире: одни трудились над распадом лагеря, другие делали все возможное, чтобы сохранить его. При этих раздорах многие люди низшего положения тайно уходили и садились на купеческие корабли; около пятисот человек сели на один корабль, который затонул, и все утонули и погибли. Другой отряд пошел по суше через Славонию, но крестьяне напали на него, почти всех ограбили или убили; уцелевшие бежали обратно в лагерь. Так войско с каждым днем уменьшалось.

51. С другой стороны, один знатный немецкий сеньор по имени Гарнье де Борланд сел на купеческий корабль и покинул войско, за что был сильно осужден. Немного позже другой знатный французский барон по имени Рено де Монмирай при содействии графа Блуа добился назначения послом в Сирию на одном из кораблей флота, поклявшись и обещав на святых Евангелиях, что через две недели после прибытия туда и окончания дел он и сопровождающие его рыцари снова сядут на корабль и вернутся в лагерь.

На основании этого соглашения он покинул войско, а вместе с ним Анри дю Шатель, его племянник, Гийом, видам Шартрский, Жоффруа де Бомон, Жан де Фруавиль, Пьер, его брат, и многие другие. Но данную ими клятву они соблюдали плохо, потому что в войско не вернулись.

52. Тогда в войско пришла весть, которую слышали с радостью: фландрский флот, о котором вы слышали выше, прибыл в Марсель, и Жан де Неэль, кастелян Брюгге, начальник флота, Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Никола де Майи сообщили графу Фландрскому, своему сеньору, что проведут зиму в Марселе и просят сообщить его волю, которую исполнят. По совету дожа Венеции и других баронов он велел им выступить в конце марта и прийти к нему в порт Модон в Романии⁴⁰. Увы! Они столь плохо исполнили это, что не сдержали никакого соглашения, а ушли в Сирию, где, как знали, не совершат никакого значительного дела.

53. Теперь можете знать, сеньоры, что если бы Бог не любил это войско, оно не смогло бы сохраниться вместе, поскольку столь многие желали ему зла. Бароны посоветовались и решили отправить посольство в Рим к папе, потому что он был недоволен взятием Зары; они избрали двух рыцарей и двух клириков, которых считали способными к такому посольству. Из двух клириков одним был Невелон, епископ Суассона, другим — магистр Жан де Нуайон, канцлер графа Балдуина Фландрского; среди рыцарей были Жан де Фрез и Робер де Бов. Они поклялись на святых добросовестно исполнить посольство и вернуться к войску.

54. Трое очень хорошо сдержали обещание, а четвертый — плохо. Это был Робер де Бов: он исполнил посольство как можно хуже, нарушил клятву и ушел в Сирию вслед за другими. Остальные трое исполнили поручение очень хорошо и сказали папе то, что велели бароны: «Бароны смиренно просят у вас прощения за взятие Зары; они сделали это, будучи вынуждены, потому что не могли поступить лучше из-за отсутствия тех, кто ушел к другим портам, и иначе не могли сохранить войско вместе...»

⁴⁰ Виллардуэн употребляет слово «Романия» для обозначения Востока. Модон, древняя Метона, — приморская крепость Мореи, в 2 лье к юго-западу от Наварина.

На этом обещании он уехал, и вместе с ним Анри дю Шатель, его племянник, Гийом, видам Шартрский, Жоффруа де Бомон, Жан де Фруавиль, Пьер, его брат, и несколько других. Однако они плохо соблюли клятвы и больше не вернулись в войско.

52. В то же время в лагерь пришла приятная весть: флот из Фландрии, о котором говорилось выше, прибыл в Марсель, и Жан де Неэль, кастелян Брюгге, начальник этого морского войска, Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Никола де Майи сообщали своему сеньору, графу Фландрскому, что будут зимовать в Марселе и там ожидать его приказаний, готовые исполнить все, что он им велит. Посоветовавшись с дожем Венеции и баронами, граф приказал им отплыть в конце марта и прийти к нему в порт Модон в Романии. Но, увы, они плохо повиновались этим приказам и мало соблюли обещанное: ушли в Сирию, где прекрасно знали, что не совершат никакого значительного подвига.

53. Из этого можно заключить, что если бы Бог не помогал и не благоприютствовал этому войску особой милостью, оно никогда не смогло бы сохраниться, поскольку столь многие стремились причинить ему вред и добиться его распада. Бароны посоветовались и решили послать в Рим к папе, который показывал, что недоволен взятием Зары. Они выбрали двух рыцарей и двух духовных лиц, наиболее способных, по их мнению, достойно исполнить посольство; духовными лицами были Невелон, епископ Суассона, и магистр Жан де Нуайон, канцлер Балдуина, графа Фландрии. Одним из рыцарей был Жан де Фрез, другим Робер де Бов; они обещали и поклялись на святых Евангелиях хорошо и верно исполнить поручение и вернуться в лагерь.

54. Трое сдержали слово, но не четвертый — Робер де Бов, который сделал все как можно хуже и, вопреки данной клятве, ушел в Сирию к другим своим сторонникам. Остальные трое очень хорошо исполнили посольство и поручение баронов и сказали папе: «Бароны смиренно просят у вас прощения за взятие Зары, совершенное ими по необходимости, потому что из-за тех, кто сел на корабли в других портах, они не могли поступить лучше; иначе им пришлось бы распустить лагерь и вернуться, ничего не сделав; кроме того, они заверяют вас, что готовы принять ваши приказания и повиноваться вам во всем как своему доброму пастырю и отцу».

«...и просят вас, как своего доброго отца, дать им свои повеления, которые они готовы исполнить». Папа ответил послам, что хорошо знает: из-за отсутствия других им пришлось совершить тяжелое дело, и он очень им сочувствует; он передал баронам и паломникам привет и отпустил их грех, как своим детям; и приказал и просил их сохранять войско вместе, потому что хорошо знал: без этого войска служение Богу не может быть исполнено. Он также дал полную власть Невелону, епископу Суассона, и магистру Жану де Нуайону связывать и разрешать паломников до прибытия в войско кардинала.

55. Так прошло время до Великого поста, и они начали готовить флот к выступлению на Пасху. Когда корабли были нагружены, на следующий день после Пасхи паломники расположились вне города у порта, а венецианцы стали разрушать город, башни и стены. Тогда случилось событие, сильно огорчившее людей войска: один из знатнейших баронов по имени Симон де Монфор заключил соглашение с королем Венгрии, врагом войска, ушел к нему и покинул войско. С ним ушли Ги де Монфор, его брат, Симон де Нёфль, Робер де Мовуазен, Дрё де Крессонсак, аббат Во, монах ордена Сито, и многие другие. Немного спустя ушел другой знатный человек войска по имени Ангерран де Бов, а с ним его брат Гюг и столько людей их страны, сколько они смогли увлечь. Так они покинули войско, как вы слышали. Это было большим ущербом войску и позором для ушедших.

56. Тогда корабли и транспорты начали выходить в море, и было решено взять порт на Корфу⁴¹, острове Романии, а прибывшие первыми будут ждать последних, пока все не соединятся, что и сделали. Но прежде чем дож и маркиз вышли из порта Зары вместе с галерами, прибыл Алексей, сын константинопольского императора Исаака, которого послал им король Германии Филипп, и был принят с великой радостью и честью. Дожд дал ему столько галер и судов, сколько требовалось. Так они вышли из порта Зары при хорошем ветре и шли, пока не вошли в порт Дураццо⁴²; там жители города, увидев своего сеньора, очень охотно сдались ему и присягнули. Оттуда они отплыли и прибыли на Корфу, где нашли войско, расположившееся перед городом, с раскинутыми шатрами и павильонами и с выведенными из транспортов лошадьми для отдыха. Когда стало известно, что прибыл сын константинопольского императора...

Папа ответил депутатам, что хорошо понимает, как по вине их товарищей они были вынуждены сделать то, что сделали, и очень об этом сожалеет. Он написал баронам, что разрешает их от греха как своих добрых детей, и приказал и просил сделать все, чтобы войско не распалось, потому что хорошо знает: без него ничего нельзя предпринять в Святой земле. Одновременно он дал Невелону, епископу Суассона, и магистру Жану де Нуайону полную власть связывать и разрешать паломников, пока в войско не прибудет кардинал-легат.

55. Когда наступил Великий пост, они начали готовить корабли к выступлению около Пасхи; после загрузки и оснащения на следующий день после праздника они расположились вне города у порта, а венецианцы начали сносить башни и стены. Между тем случилось неприятное для войска событие: один из самых великих сеньоров, Симон де Монфор, заключив договор с королем Венгрии, врагом войска, покинул лагерь, чтобы отправиться к нему; за ним последовали Ги де Монфор, его брат, Симон де Нёфль, Робер де Мовуазен, Дрё де Крессонсак, аббат Во, монах ордена Сито, и многие другие. Сразу после этого другой великий сеньор по имени Ангерран де Бов и его брат Гюг также удалились из лагеря со всеми людьми своей страны, которых смогли увлечь. Это настолько ослабило войско, насколько навлекло позор на покинувших его.

56. Начали выходить в море, и постановили взять порт на Корфу, острове Восточной империи, где прибывшие первыми будут ждать остальных, пока все не соберутся вместе; так и сделали. Но прежде чем дож и маркиз вместе с галерами вышли из Зары, прибыл принц Алексей, сын константинопольского императора Исаака, которого прислал им король Германии Филипп, и был принят с большой радостью и почестями. Дожд дал ему столько галер и круглых кораблей, сколько было нужно; затем все вышли из порта Зары с хорошим ветром и шли до Дураццо, жители которого, увидев своего сеньора, без сопротивления сдались и принесли ему присягу верности. Оттуда они прошли на Корфу, где нашли войско уже расположившимся перед городом, с поставленными шатрами и павильонами и лошадьми, выведенными из паландрий для отдыха. Как только они узнали, что прибыл сын константинопольского императора, рыцари и солдаты пошли ему навстречу, приказали привести боевых коней и приняли его с великой честью. Принц велел поставить...

⁴¹ Корфу, самый значительный из Ионических островов.

⁴² Дураццо, на Адриатическом заливе. ...императорского сына в гавань, можно было видеть, как множество добрых рыцарей и добрых сержантов вышло ему навстречу и как вели множество прекрасных боевых коней. Так его приняли с великой радостью и великой честью. Он велел поставить свой шатёр посреди войска, а маркиз Монферратский — свой рядом с ним, ибо король Филипп поручил принца его попечению, поскольку был женат на сестре маркиза.

57. Так они провели на этом острове три недели; остров был очень богат и изобилен. Во время этой стоянки с ними случилось тяжёлое и прискорбное несчастье: значительная часть тех, кто хотел распустить войско и прежде уже выступал против него, переговорила между собой и сказала, что дело кажется им слишком долгим и слишком опасным, поэтому они останутся на острове и позволят войску уйти. С согласия своих сторонников они, когда войско уйдёт, намеревались послать к графу Готье де Бриенну, который тогда владел Бриндизи⁴³, с просьбой прислать им суда, чтобы отправиться в Бриндизи. Я не могу назвать вам всех, кто участвовал в этом замысле, но назову некоторых из главных предводителей.

58. Среди них были Эд Шамплитт, Жак д'Авен, Пьер д'Амьен, Ги, кастелян Куси, Ожье де Сен-Шерон, Ги де Шапп, Кларембо де Мец, Гийом д'Онуа, Пьер Куазо, Ги де Пем, Эмон, его брат, Ги де Конфлан, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, и многие другие, которые тайно обещали держаться их стороны, но не осмеливались открыто показать это из страха позора.

59. Книга свидетельствует, что более половины войска держалось их соглашения. Когда об этом услышали маркиз Монферратский, Балдуин, граф Фландрии, граф Людовик, граф Сен-Поль и бароны, державшиеся их стороны, они сильно встревожились и сказали: «Сеньоры, плохо будет наше дело, если эти люди покинут нас вместе с теми, кто уже не раз уходил от нас. Наше войско погибнет, и мы не сможем совершить никакого завоевания. Но пойдем к ним и будем молить их, чтобы ради Бога они пожалели и себя, и нас, не покрыли себя позором и не погубили дело возвращения заморской земли».

60. Таков был принятый совет, и все вместе пошли в долину, где те держали своё собрание, взяв с собой сына константинопольского императора, всех епископов и всех аббатов войска. Когда они пришли туда, то сошли с коней. Те, увидев их, также сошли со своих коней и пошли им навстречу, а бароны пали к их ногам, горько плача, и сказали, что не поднимутся, пока те не обещают не уходить от них.

...свой павильон посреди лагеря, а маркиз Монферратский приказал поставить свой рядом, поскольку король Филипп, женатый на сестре маркиза, особенно поручил ему принца и отдал его под его опеку.

57. Они оставались на этом острове три недели, поскольку он был богат и изобилует всякими припасами; за это время случилась досадная неприятность, ибо часть тех, кто стремился распустить лагерь и всегда противился добрым намерениям остального войска, посоветовалась между собой и решила, что предприятие кажется им слишком долгим и опасным и что лучше остаться на этом острове, позволив войскам уйти под начальством других, а затем послать к графу Готье де Бриенну, владевшему тогда Бриндизи, чтобы тот прислал суда, на которых они могли бы отправиться к нему. Я не стану называть всех участников этого заговора, но лишь главных из них.

58. Эд Шамплитт, Жак д'Авен, Пьер д'Амьен, Ги, кастелян Куси, Ожье де Сен-Шерон, Ги де Шапп, Кларембо, его племянник, Гийом д'Онуа, Пьер Куазо, Ги де Пем, Эмон, его брат, Ги де Конфлан, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, и многие другие, которые тайно обещали держаться их стороны, не осмеливаясь открыто это показать из страха порицания.

⁴³ Бриндизи — приморская крепость, принадлежавшая Неаполитанскому королевству.

59. Таким образом, можно сказать, что более половины лагеря принадлежало к их партии. Когда маркиз Монферратский, граф Балдуин Фландрский, граф Людовик, граф Сен-Поль и бароны их партии узнали об этом, они очень встревожились и сказали: «Сеньоры, мы окажемся в очень дурном положении и понесём большой ущерб, если эти люди уйдут, сверх тех, кто уже оставлял нас неоднократно; тогда наше войско станет бесполезным и ослабленным и мы не сможем совершить ни подвига, ни завоевания. Пойдём к ним и закланем их именем Бога пожалеть и себя, и нас и избежать упрёка, который им могли бы сделать за то, что они воспрепятствовали возвращению Святой земли».

60. Решив так, они все вместе отправились в долину, где собрались остальные, и повели с собой сына константинопольского императора, всех епископов и аббатов войска. Прибыв туда, они сошли с коней, а остальные, увидев их, также спешили и пошли им навстречу. Тогда бароны простёрлись у их ног, обливаясь слезами, и заявили, что не поднимутся, пока не получат от них обещания не оставлять их.

Когда те увидели это, они исполнились великого сострадания и горько заплакали.

61. Увидев своих сеньоров, родичей и друзей павшими к их ногам, они сказали, что обсудят дело. Отойдя в сторону, они переговорили между собой, и итог их совета был таков: они останутся с войском до дня святого Михаила при условии, что им честно поклянутся на святынях, что после этого дня, когда бы они ни потребовали, в течение пятнадцати дней им добросовестно и без обмана дадут суда, на которых они смогут отправиться в Сирию.

62. Это было согласовано и скреплено клятвой. Тогда по всему войску была великая радость. Все стали садиться на корабли, а лошадей погрузили на транспорты. Так они вышли из гавани Корфу накануне Пятидесятницы в тысяча двести третьем году от Воплощения Господа нашего Иисуса Христа. Там вместе находились все корабли, все транспорты и все галеры войска, а также немало купеческих судов, присоединившихся к ним. День был прекрасный и ясный, ветер мягкий и благоприятный, и они распустили паруса по ветру. И Жоффруа, маршал Шампани, продиктовавший это сочинение и участвовавший во всех советах, ясно свидетельствует, что сознательно не лжёт ни в едином слове и что никогда прежде не видели столь прекрасного зрелища. Казалось, будто этот флот должен завоевать целую землю, ибо насколько хватал глаз, повсюду были видны лишь паруса кораблей и судов, отчего сердца людей весьма радовались.

63. Так они шли морем, пока не прибыли к мысу Малей⁴⁴, к проходу, лежащему на море. Там они встретили два корабля с паломниками, рыцарями и сержантами, возвращавшимися из Сирии; это были люди из тех, кто ушёл садиться на корабли в Марселе. Увидев столь прекрасный и богатый флот, они так устыдились, что не осмелились показаться. Балдуин, граф Фландрии и Эно, послал шлюпку со своего корабля узнать, кто эти люди, и они сказали, кто они; тогда один сержант спустился с корабля в шлюпку и сказал своим товарищам: «Я требую передать мне всё моё, что осталось на корабле, ибо я пойду с этими людьми: по всему видно, что они должны завоёвывать земли».

Их сердца были столь тронуты, что они не могли удержать слёз.

⁴⁴ Мыс Малей, называемый также мысом Матапан («убийца людей»), принадлежит побережью маниотов и обращён к острову Чериго, древней Киферой.

61. Особенно же, когда они увидели своих сеньоров, ближайших родственников и друзей павшими к их ногам, они ещё сильнее расчувствовались и сказали, что посоветуются. Они отошли и совещались между собой; итогом их совета было, что они останутся с ними до дня святого Михаила при условии, что им обещают и поклянутся на святых Евангелиях: начиная с этого времени, когда бы они ни потребовали, в следующие пятнадцать дней им добросовестно, без всякого обмана предоставят суда для переправы в Сирию.

62. Эти условия были им предоставлены и торжественно подтверждены клятвой; затем все снова погрузились на суда, лошадей перевели на паландрии, и так они отплыли из гавани Корфу накануне Пятидесятницы тысяча двести третьего года от Воплощения Господа нашего вместе со всеми судами — паландриями, галерами и другими кораблями флота, а также с купеческими судами, присоединившимися к этому флоту. День был ясный и безоблачный, море спокойно, ветер удобный и мягкий, когда они вышли в море и распустили паруса по ветру. И я, ЖОФФРУА, МАРШАЛ ШАМПАНИ, автор этого сочинения, удостоверяю, что не внес в него ничего, кроме истины, как человек, присутствовавший на всех советах, и что никогда прежде не видели столь прекрасного морского войска и такого множества судов, что всякий, глядя на него, счёл бы его способным завоевать весь мир; море, насколько простирался взгляд, было покрыто парусами и кораблями, и смотреть на это было радостно.

63. Так они шли открытым морем, пока не достигли мыса Малей, прохода у Мореи, где встретили два корабля, нагруженных паломниками, рыцарями и пехотой, возвращавшимися из Сирии; это были те, кто отправился садиться на корабли в Марселе, и, увидев этот прекрасный и великолепный флот, они так устыдились, что не осмелились показаться. Граф Фландрский послал шлюпку со своего корабля, чтобы узнать их и выяснить, кто они такие, и они объявили это. Тогда один солдат спустился с корабля в шлюпку и сказал своим товарищам: «Я требую всё принадлежащее мне, что находится на этом судне, потому что хочу уйти с этими людьми, которые, как мне кажется, способны завоёвывать».

Его за это похвалили и охотно приняли в войско. Поэтому справедливо говорится в общей пословице: «С тысячи дурных дорог можно возвратиться на добрую».

В тексте выражение о «спокойном море» образует здесь некоторое противоречие: спокойное море неподвижно; к тому же в тексте Виллардуэна ничего подобного нет.

Сержанта встретили очень хорошо и приняли в войске с большой охотой. Потому и говорится, что с тысячи дурных дорог можно вернуться на добрую.

64. Так войско шло до Негропонта. Это очень хороший остров и очень хороший город, называемый Негропонтом⁴⁵. Там бароны держали совет. Маркиз Бонифаций Монферратский, Балдуин, граф Фландрии и Эно, с большой частью транспортов и галер и с сыном константинопольского императора Исаака отправились на остров, называемый Андрос⁴⁶, и высадились на берег. Рыцари вооружились и прошли по стране; жители страны пришли просить милости у сына константинопольского императора и дали ему столько своего имущества, что заключили с ним мир, после чего вернулись на корабли и поплыли морем. Тогда с ними случилась большая беда: один великий человек войска, Ги, кастелян Куси, умер, и тело его было брошено в море.

⁴⁵ Негропонт — древняя Эвбея, называемая турками Эгрибоз.

⁴⁶ Остров Андрос, называемый турками Андра, ныне даёт верных слуг франкам, живущим в Смирне и Константинополе.

65. Другие суда, не повернувшие туда, вошли в устье Абидоса⁴⁷, там, где рукав Святого Георгия⁴⁸ впадает в великое море, и пошли вверх по проливу до города, называемого Абидосом, который стоит на рукаве Святого Георгия со стороны Турции, очень красив и очень хорошо расположен. Там они вошли в гавань и высадились, а жители города вышли им навстречу и сдали им город, поскольку не осмеливались защищаться. Город охраняли столь хорошо, что жители не потеряли имущества и на один день. Там они оставались восемь дней, ожидая корабли, галеры и транспорты, которые ещё должны были прибыть. Во время этой стоянки они взяли хлеб в стране, где шла жатва, и он был им очень нужен, потому что запасов у них было мало. За эти восемь дней прибыли все суда и бароны, и Бог дал им хорошую погоду.

66. Тогда все вместе вышли из гавани Абидоса. Можно было видеть, как рукав Святого Георгия весь расцвёл кораблями, галерами и транспортами, и удивительно прекрасным было это зрелище. Так они шли вверх по рукаву Святого Георгия, пока не прибыли к Святому Стефану⁴⁹, к аббатству в трёх лье от Константинополя, и тогда увидели Константинополь во всей полноте. Люди с кораблей, галер и транспортов вошли в гавань и высадились на берег.

64. Оттуда они прошли до Негропонта, острова, на котором находится хороший город того же имени. Там бароны держали совет, после чего маркиз Бонифаций Монферратский, граф Фландрский с частью кораблей и галер и константинопольский принц направились к Андросу, где высадились; конница прошла по острову, который тотчас подчинился сыну императора, а жители дали ему столько своего, что получили от него мир, после чего все вернулись на суда и вышли в море; в это время их постигло большое несчастье — смерть Ги, кастеляна Куси, одного из главных баронов войска, тело которого бросили в море.

65. Остальные суда, не отклонявшиеся в эту сторону, продолжали прямой путь и вошли в пролив Геллеспонт, называемый рукавом Святого Георгия, который выходит в Эгейское море, и шли вверх, пока не пристали к Абидосу, укреплённому городу на стороне Натолии у входа в этот пролив; там они бросили якорь и высадились. Жители вышли им навстречу и принесли ключи, не решившись защищаться. При этом был установлен такой хороший порядок, что они не потеряли имущества и на один день. Там крестоносцы оставались восемь полных дней, ожидая отставшие суда, и тем временем запасались хлебом в окрестностях, как потому, что было время жатвы, так и потому, что они очень в нём нуждались. За эти восемь дней прибыли все суда и бароны, а Бог дал им благоприятную погоду.

66. Затем все вместе вышли из гавани Абидоса, так что можно было видеть канал словно усталым и усеянным галерами и паландриями, издали дававшими глазу удивительное зрелище, и, поднимаясь против течения рукава на вёслах и под парусами, они прибыли к Святому Стефану, аббатству в трёх лье от Константинополя, откуда впервые начали ясно видеть этот город. Когда суда и галеры вошли в гавань и бросили якорь, те, кто ещё никогда его не видел, стали созерцать этот великолепный город, не веря, что во всём мире может существовать столь прекрасный и богатый, особенно когда увидели...

⁴⁷ Древний Абидос, ныне совершенно разрушенный, на небольшом расстоянии от Дарданелл.

⁴⁸ Геллеспонт и даже Пропонтида назывались авторами Средневековья «рукавом Святого Георгия» из-за монастыря этого имени, построенного Константином Мономахом на месте, где ныне находится сераль константинопольских султанов.

⁴⁹ Ныне деревня Сан-Стефано. ...их высокие стены, богатые башни, окружавшие город со всех сторон, богатые дворцы и высокие церкви, которых было столько, что никто не поверил бы этому, не увидев своими глазами, а также длину и ширину города, превосходившего все прочие. И знайте, не было там человека настолько смелого, чтобы сердце его не дрогнуло; и неудивительно, ибо с сотворения мира столь великое дело никогда не предпринималось столь малым числом людей.

67. Тогда графы, бароны и дож Венеции сошли на берег, и совет состоялся в церкви Святого Стефана⁵⁰. Там было дано и принято много советов. Книга не расскажет вам всех речей, произнесённых там; но итог совета был таков, что дож Венеции встал и сказал им: «Сеньоры, я лучше вас знаю обычаи этой страны, ибо уже бывал здесь прежде⁵¹. Вы предприняли самое великое и самое опасное дело, какое когда-либо предпринимали люди. Поэтому действовать следует мудро. Знайте, если мы пойдём на материк, страна велика и обширна, а наши люди бедны и испытывают недостаток в пище, поэтому они рассеются по стране в поисках продовольствия. В стране очень много людей, и мы не сможем так хорошо охраняться, чтобы не потерять своих; а терять людей нам нельзя, ибо их у нас очень мало для того, что мы хотим сделать. Здесь неподалёку есть острова⁵², которые вы можете видеть отсюда; они населены людьми и возделаны, там есть хлеб, продовольствие и другие блага. Пойдём туда, войдём в гавань и соберём хлеб и припасы страны. Когда мы соберём и погрузим продовольствие, пойдём к городу и сделаем то, что Господь нам укажет. Ибо тот, у кого есть пища, воюет увереннее того, у кого её нет». Графы и бароны согласились с этим советом и все вернулись каждый на свои корабли и суда. Так они отдыхали ту ночь. Утром, в день праздника святого Иоанна Крестителя в июне, на кормовых башнях кораблей подняли знамёна и гонфалоны, а вдоль бортов выставили ряды щитов.

...его высокие стены и прекрасные башни, которыми он был окружён со всех сторон, богатые и великолепные дворцы и величественные церкви, которых было так много, что трудно было бы представить, не увидев собственными глазами, вместе с прекрасным расположением этой столицы империи в длину и ширину. Конечно, не было там сердца настолько уверенного и смелого, чтобы оно не дрогнуло, и не без причины, поскольку с сотворения мира никогда столь высокое предприятие не совершалось столь малым числом людей.

67. Графы и бароны, а также дож Венеции сошли на берег и держали совет в церкви Святого Стефана, где обсуждалось множество вещей, которые я оставляю без рассказа; после этого дож Венеции поднялся со своего места и заговорил так: «Сеньоры, я несколько лучше вас знаю состояние и способы действия этой страны, поскольку бывал здесь прежде; вы предприняли самое великое и опасное дело, какое когда-либо предпринималось, поэтому, по моему мнению, надо действовать мудро и осмотрительно, ибо если мы высадимся на материк, страна просторна и велика, а нашим людям, нуждающимся в продовольствии, придётся рассеяться повсюду в его поисках; и поскольку в окрестностях великое множество народа, мы не сможем сделать это без потери многих людей, чего сейчас никак не можем себе позволить, видя, как мало нас осталось для предпринятого дела. Кроме того, здесь поблизости есть острова, которые вы видите, населённые и богатые хлебом и другими припасами; пойдём туда, высадимся и заберём хлеб и продовольствие страны. Когда сделаем запасы и погрузим их на суда, тогда пойдём и расположимся перед городом и сделаем то, что внушит нам Бог. Несомненно, тот, кто снабжён продовольствием, ведёт войну увереннее того, у кого его нет». Все графы и бароны одобрили этот совет, вернулись на свои корабли и отдыхали там эту ночь; на следующее утро, в день святого Иоанна Крестителя в июне, знамёна и гонфалоны были подняты на кормовых башнях, на вершинах мачт, а щиты рыцарей расставлены вдоль бортов, образуя подобие зубчатой стены, и каждый смотрел на своё оружие, предвидя, что близится время, когда ему придётся им воспользоваться.

⁵⁰ Киоск, принадлежащий султану Махмуду, заменил церковь — тот самый «монастырь», о котором говорит здесь Виллардуэн. С берега Святого Стефана виден Константинополь.

⁵¹ Энрико Дандоло ездил в Константинополь в качестве посла к императору Мануилу, как мы сказали выше.

⁵² Это Принцессы острова, числом девять; важнейший из них называется Принкипо.

Каждый смотрел на своё оружие, как и подобало тому, кто должен был высадиться, ибо вскоре оно ему понадобится.

68. Моряки подняли якоря и распустили паруса по ветру, и Бог дал им хороший ветер, какой был им нужен, так что они прошли прямо перед Константинополем, столь близко к стенам и башням, что во многие их корабли стреляли. На стенах и башнях было столько людей, что казалось, будто кроме них там ничего нет. Так Господь Бог изменил решение, принятое вечером, идти к островам, словно никто никогда о нём не слышал. Они немедленно направились к материку самым прямым путём и вошли в гавань перед дворцом императора Алексея в месте, называемом Халкидоном⁵³, напротив Константинополя, на другой стороне пролива, со стороны Турции. Этот дворец был одним из самых прекрасных и приятных, какие только могли видеть глаза, со всеми удовольствиями, какие подобают человеческому телу и должны находиться в доме государя.

69. Графы и бароны сошли на берег и расположились во дворце и в городе вокруг него, а большинство поставило свои павильоны. Тогда лошадей вывели из транспортов, а рыцари и сержанты высадились со всем оружием, так что на судах остались только моряки. Страна была прекрасна, богата и изобильна всеми благами, и по полям лежало столько снопов уже сжатого хлеба, что каждый брал сколько хотел, ибо они сильно в нём нуждались. Так они провели во дворце следующий день. На третий день Бог дал им хороший ветер, моряки снова подняли якоря и распустили паруса. Так они пошли вниз по проливу примерно на одно лье выше Константинополя, к дворцу императора Алексея, называемому Скутари. Там бросили якоря корабли, транспорты и все галеры.

70. А конница, стоявшая во дворце Халкидона, пошла вдоль Константинополя по суше. Так они расположились на рукаве Святого Георгия в Скутари⁵⁴, выше французского войска. Увидев это, император Алексей вывел своё войско из Константинополя и расположил его на противоположном берегу напротив них, поставив свои павильоны, чтобы те не могли силой высадиться перед ним. Так французское войско оставалось там девять дней, и те, кому было нужно, добывали продовольствие, а нужно оно было всему войску.

71. Во время этой стоянки вышел отряд очень добрых людей охранять войско, чтобы ему не причинили вреда, а фуражиры обыскали страну.

68. Тем временем моряки подняли якоря и поставили паруса по ветру, который дул именно так, как им было нужно, и они прошли вдоль Константинополя, прямо напротив него, столь близко к башням и стенам, что стрелы и камни попадали во многие их суда; стены были покрыты столь множеством воинов, что казалось, будто там нет ничего другого. Так Бог отменил решение, принятое накануне вечером, высадиться на островах, словно об этом никогда не слышали, и они под полными парусами самым прямым путём пошли к материку, где вошли в гавань перед дворцом императора Алексея в месте, называемом Халкидоном, напротив Константинополя, по другую сторону пролива со стороны Азии. Этот дворец был одним из самых прекрасных и приятных, какие когда-либо видели, и был снабжён всеми наслаждениями и удобствами, каких мог пожелать человек и какие приличествуют великому государю.

⁵³ Древний Халкидон уступил место турецкой деревне Кадыкёй («деревня судей»).

⁵⁴ Скутари, на азиатском берегу Пропонтиды, насчитывает более 30 000 мусульманских и христианских жителей. Крестоносцы расположились на равнине, где ныне простирается кладбище Скутари.

69. Графы и бароны сошли на берег и заняли помещения во дворце, в городе и окрестностях, где большинство велело поставить павильоны. Лошадей тотчас вывели из паландрий, вся конница и пехота высадились, каждый со своим оружием, так что на судах остались одни моряки. Страна была прекрасна, богата, плодородна и изобильна всякими благами, а большие кучи уже сжатого хлеба лежали брошенными среди полей, и каждый мог беспрепятственно брать его, что они и делали, поскольку очень в нём нуждались. В этом дворце они пробыли весь следующий день, а на третий Бог дал им хороший ветер; моряки подняли якоря, поставили паруса и спустились по течению пролива примерно на одно лье выше Константинополя, к дворцу императора Алексея, называемому Скутари, где все круглые суда, паландрии и галеры встали на якорь у берега.

70. Между тем конница, стоявшая во дворце Халкидона, вышла оттуда и, двигаясь по суше вдоль Константинополя, расположилась на берегу рукава Святого Георгия в Скутари, выше французского войска. Увидев это, император Алексей вывел своих людей из Константинополя и расположился на другом берегу напротив них, приказав поставить павильоны с намерением не позволить им силой высадиться перед ним. Так французское войско оставалось там девять дней.

В этом отряде были Эд Шамплитт, Гийом, его брат, Ожье де Сен-Шерон, Манасье де Лиль и граф Жирар, ломбардский граф из свиты маркиза Монферратского; с ними было около восьмидесяти рыцарей, и все они были очень добрыми людьми. У подножия горы, примерно в трёх лье от войска, они заметили множество павильонов. Это был великий дука константинопольского императора, имевший при себе около пятисот греческих рыцарей. Увидев их, наши люди разделили своих людей на четыре отряда. Совет их был таков, что они пойдут сражаться с греками. Увидев их, греки также построили своих людей и свои отряды перед павильонами и стали ждать, а наши люди очень решительно пошли на них. С помощью Господа Бога нашего бой продолжался недолго. Греки обратились к ним спиной и были разбиты при первом столкновении. Наши преследовали их целое большое лье. Там они захватили много коней, верховых лошадей, иноходцев, мулов, шатров и павильонов и такую добычу, какая бывает после подобного дела. Так они вернулись в войско, где их встретили с большой радостью, и разделили добычу, как следовало.

72. На следующий день император Алексей послал к графам и баронам посла и свои письма. Посла звали Николай Ру, он был родом из Ломбардии и нашёл баронов в богатом дворце Скутари, где они держали совет. Он приветствовал их от имени константинопольского императора Алексея и протянул письма маркизу Бонифацию Монферратскому; тот принял их, и их тотчас прочитали перед всеми баронами. В письмах было много разных слов, которых книга не рассказывает; после прочего там говорилось, что следует верить тому, кто их принёс, а звали его Николай Ру. «Добрый сеньор, — сказали они, — мы видели ваши письма, и они говорят нам, чтобы мы вам верили. Мы вам верим. Теперь скажите, что вам угодно». Посол стоял перед баронами и сказал: «Сеньоры, император Алексей посылает сказать вам, что хорошо знает: вы — лучшие люди из тех, кто не носит короны, и пришли из одной из лучших земель, какие есть. И он очень удивляется, почему и ради чего вы пришли в его государство, ведь вы христиане...»

...и всё войско.

71. В это же время один отряд очень храбрых людей вышел в поле для разведки и чтобы не допустить внезапного нападения, а фуражиры под его охраной отправились добывать корм и разорять окрестности. В этом отряде, помимо прочих, находились Эд Шамплитт, Гийом, его брат, Ожье де Сен-Шерон, Манасье де Лиль и один сеньор, называемый Толстым графом, который был ломбардцем из свиты маркиза Монферратского; с ними было около восьмидесяти рыцарей, все доблестные люди. Вдали у подножия холма они заметили несколько шатров и павильонов примерно в трёх лье от лагеря; это был великий дука, или начальник морских сил константинопольского императора, имевший до пятисот греческих рыцарей. Узнав их, наши разделились на четыре эскадрона, решив напасть. Греки со своей стороны также построились в боевой порядок перед шатрами и ждали их твёрдо, но наши, не медля, пошли в атаку; схватка продолжалась недолго, потому что греки при первом ударе повернули назад и сами расстроили строй, а наши преследовали их добрую лье. В этой встрече они захватили множество коней, ронсенов, иноходцев и мулов, а также шатры и павильоны и вообще всё, что относится к военному обозу. Затем они вернулись в лагерь, где их хорошо встретили и разделили добычу как полагалось.

72. На следующий день император Алексей отправил к графам и баронам войска посла с верительными письмами; этого посла звали Николай Ру, и он был уроженцем Ломбардии. Он нашёл их собравшимися на совет во дворце Скутари, приветствовал от имени своего господина императора и представил письма маркизу Бонифацию Монферратскому, который принял их; письма прочли в присутствии всех баронов. Они содержали многое и, в частности, требовали полностью доверять подателю, которого звали Николай Ру. Бароны сказали ему: «Добрый сеньор, мы видели ваши письма, в которых сказано верить тому, что вы нам скажете; изложите же своё поручение и скажите, что вам угодно». Посол, стоявший перед ними, заговорил так: «Сеньоры, император повелел мне сказать вам, что ему известно: вы — величайшие и могущественнейшие князья из тех, кто не носит короны, и прибыли из самых доблестных стран во всём остальном мире; но он удивляется, почему и по какому поводу вы так вошли в его земли, будучи христианами, как и он сам. Он хорошо знает, что главная цель вашего путешествия — вернуть Святую землю и Святой Гроб; если вам нужны припасы или что-либо иное...»

«...вы христиане, и он христианин. Он хорошо знает, что вы выступили ради Святой заморской земли, Святого Креста и освобождения Гроба Господня. Если вы бедны или испытываете нужду, он охотно даст вам своего продовольствия и своего имущества, а вы очистите его землю. Он не хотел бы причинять вам иного зла, однако имеет для этого силу. Ибо даже если бы вас было в двадцать раз больше, чем сейчас, вы не смогли бы уйти, если бы он захотел причинить вам зло, не будучи убитыми и разбитыми».

73. С согласия и по совету других баронов и дожа Венеции встал Конон де Бетюн, добрый, мудрый и весьма красноречивый рыцарь⁵⁵, и ответил послу: «Добрый сеньор, вы сказали нам, что ваш господин очень удивляется, почему наши сеньоры и бароны вошли в его государство. Но они не вошли в его землю, ибо он держит её несправедливо и греховно, против Бога и разума. Она принадлежит его племяннику, который сидит здесь среди нас на кресле и является сыном его брата, императора Исаака. Но если бы он захотел прийти просить милости у своего племянника и возвратить ему корону и империю, мы просили бы племянника простить его и дать ему столько, чтобы он мог жить богато. Если же вы пришли с таким посланием, впредь

⁵⁵ Благодаря учёным изысканиям г-на Полена Пари нам известны несколько весьма замечательных песен Конона де Бетюна, опубликованных в любопытном сборнике под названием «Французский романсеро».

с ним не возвращайтесь и не смейте более приходить сюда». Так посол ушёл и возвратился в Константинополь к императору Алексею.

74. Бароны переговорили между собой и решили, что на следующий день покажут Алексея, сына константинопольского императора, народу города. Тогда все галеры вооружили. Дож Венеции и маркиз Монферратский вошли в одну из них и взяли с собой Алексея, сына императора Исаака; на остальные галеры вошли рыцари и бароны, кто пожелал. Так они прошли вплотную вдоль стен Константинополя, показали юношу греческому народу и сказали: «Вот ваш законный сеньор, и знайте: мы пришли не для того, чтобы причинять вам зло, но чтобы охранять и защищать вас, если вы будете делать то, что должны. Тот, кому вы сейчас повинуетесь как сеньору, держит вас несправедливо и греховно, против Бога и разума. И вы хорошо знаете, как вероломно он поступил со своим сеньором и братом: выколол ему глаза и греховно отнял у него империю; а вот законный наследник. Если вы станете держаться его, то сделаете то, что должны; если же нет, мы причиним вам столько зла, сколько сможем». Но никто ни из земли, ни из страны не показал, что держится его, из страха и боязни перед императором Алексеем.

«...для исполнения этого предприятия, он очень охотно даст вам из своего. Только уйдите из его земель, ибо ему было бы неприятно напасть на вас или причинить ущерб, хотя сил у него для этого более чем достаточно. И даже если бы вас было в двадцать раз больше, чем сейчас, вы всё равно не смогли бы уйти и избежать того, чтобы вас всех убили или взяли в плен, если бы он захотел причинить вам зло».

73. После этой речи Конон де Бетюн, мудрый рыцарь, красноречивый и искусный в слове, по совету и с согласия остальных баронов и дожа Венеции встал и ответил так: «Добрый сеньор, вы утверждаете, что ваш господин удивляется, почему наши сеньоры и бароны вошли в его империю и земли; вы слишком хорошо знаете, что они вошли не в его владение, поскольку он несправедливо, против Бога и разума, захватил то, что должно принадлежать его племяннику, которого вы видите здесь сидящим среди нас, сыну его брата императора Исаака; но если бы он захотел просить у него прощения и вернуть ему корону и империю, мы употребили бы наши просьбы, чтобы тот простил его и дал ему средства жить почётно и согласно его положению. Впредь не будьте столь дерзки и смелы, чтобы являться сюда с подобными посланиями». Посол после этого вернулся в Константинополь к императору Алексею.

74. Бароны со своей стороны посоветовались и решили, что на следующий день покажут молодого Алексея, сына законного императора, народу; для этого все галеры были снаряжены. Дож Венеции и маркиз Монферратский вошли на одну и посадили с собой молодого принца, сына императора Исаака; на остальные вошли бароны и рыцари по желанию. Так они поплыли вдоль стен Константинополя и показывали его грекам, говоря: «Вот ваш законный сеньор; знайте, мы пришли сюда не для того, чтобы причинять вам зло, но чтобы охранять и защищать вас, если вы исполните свой долг; вы знаете, что тот, кому вы теперь повинуетесь, злонамеренно и несправедливо захватил государство, и вам известно, какое вероломство он совершил против своего сеньора и брата, которому велел выколоть глаза и отнял империю, законного наследника которой вы видите здесь среди нас. Если вы перейдёте на его сторону, то исполните свой долг; если поступите иначе, не сомневайтесь, что мы причиним вам столько зла, сколько сможем». Но ни один человек ни в городе, ни в окрестной стране не показал желания последовать за ним или принять его сторону из страха перед императором Алексеем.

Так они вернулись в войско, и каждый отправился в своё жилище.

75. На следующий день, выслушав мессу, они собрались на совет; совет происходил верхом посреди поля. Там можно было увидеть множество прекрасных боевых коней и множество рыцарей на них. Совет был о том, сколько будет боевых отрядов и какие они будут. Было много споров об одном и другом. Но итог совета был таков: графу Балдуину Фландрскому поручили авангард, поскольку у него было очень много добрых людей, а лучников и арбалетчиков больше, чем у кого-либо в войске.

76. Затем решили, что второй отряд составят его брат Анри, Матьё де Валинкур, Балдуин де Бовуар и многие другие добрые рыцари из их земель и стран, находившиеся с ними.

77. Третий отряд составили граф Гюг де Сен-Поль, Пьер д'Амьен, его племянник, Эсташ де Кантелё, Ансо де Кайё и многие добрые рыцари их земель и стран.

78. Четвёртый отряд составил граф Людовик Блуаский и Шартрский, великий, богатый и грозный сеньор, при котором находилось множество добрых рыцарей и добрых людей.

79. Пятый отряд составили Матьё де Монморанси и шампанец Эд де Шамплитт. Жоффрау, маршал Шампани, был в этом отряде. В нём были Ожье де Сен-Шерон, Манасье де Лиль, Милон Брабантский, Макер де Сент-Мену, Жан Фуанон, Ги де Шапп, Кларембо, его племянник, Робер де Ронсо; все эти люди составили пятый отряд. Знайте, там было много добрых рыцарей.

80. Шестой отряд составил маркиз Бонифаций Монферратский, и он был очень велик. В нём были ломбардцы, тосканцы, немцы и все люди из земель от горы Мон-Сени до Лиона на Роне. Все они находились в отряде маркиза, и было решено, что он составит арьергард.

81. Был назначен день, когда они сядут на корабли и суда, чтобы высадиться на землю — либо жить, либо умереть.

82. И знайте, это было одним из самых опасных дел, какие когда-либо предпринимались. Тогда епископы и духовенство обратились к людям и велели им исповедаться и каждому составить завещание, ибо они не знали, когда Бог исполнит над ними Свою волю. И по всему войску они очень охотно и с великим благочестием так и сделали. Настал назначенный срок.

Так каждый вернулся в лагерь и своё жилище.

75. На следующий день, выслушав мессу, они снова собрались и держали совет, все верхом посреди равнины, где можно было видеть множество прекрасных боевых коней, богато убранных и осёдланных добрыми рыцарями. Предметом собрания было устройство боевых отрядов и порядок сражения; после того как всё было обсуждено с обеих сторон, наконец постановили, что граф Балдуин Фландрский поведёт авангард, потому что имел больше храбрых людей и особенно больше лучников и арбалетчиков, чем любой другой барон войска.

76. Было также постановлено, что его брат Анри поведёт второй отряд вместе с Матьё де Валинкуром, Балдуином де Бовуаром и другими добрыми рыцарями их земель и стран, пришедшими с ними.

77. Третий отряд поведёт Гюг, граф Сен-Поль, с Пьером д'Амьеном, своим племянником, Эсташем де Кантелё, Ансо де Кайё и многими добрыми рыцарями их земель и стран.

78. Людовик, граф Блуаский, богатый, могущественный и грозный сеньор, имевший в свите множество добрых рыцарей и храбрых людей, составит четвёртый.

79. Пятый отряд будет под началом Матьё де Монморанси и шампанца Эда де Шамплитта; Жоффруа, маршал Шампани, находился в нём вместе с Ожье де Сен-Шероном, Манасье де Лилем, Милоном Брабантским, Макером де Сент-Мену, Жаном Фуаноном, Ги де Шаппом, Кларембо, его племянником, и Робером де Ронсо. Все они составили пятый отряд, в котором было много добрых рыцарей.

80. Шестой был отряд маркиза Бонифация Монферратского и был хорошо укомплектован и многочислен, поскольку ломбардцы, тосканцы, немцы и вообще все, кто был из земель от Мон-Сени до Лиона на Роне, построились в нём; было решено, что маркиз составит арьергард.

81. Назначили также день, когда они должны были собраться на судах, чтобы затем высадиться, решив победить или умереть.

82. Поистине это было самое опасное предприятие, какое когда-либо совершалось. Тогда епископы и духовные лица, находившиеся в войске, обратились с наставлениями ко всем в лагере, призывая исповедаться и составить завещания, поскольку они не знали часа, когда Богу угодно будет призвать их и исполнить над ними Свою волю; они сделали это с великим усердием и благочестием. Когда назначенный день настал, рыцари погрузились со своими боевыми конями на...

...транспорты; все рыцари находились там со своими боевыми конями и были полностью вооружены, шлемы зашнурованы, лошади покрыты попонами и осёдланы; остальные люди, не столь нужные в бою, находились на больших кораблях, а все галеры были вооружены и приготовлены. Было прекрасное утро, солнце немного поднялось. Император Алексей ждал их на другой стороне с большими боевыми отрядами и многочисленными построенными войсками. Затрубили трубы. К каждой галере привязали транспорт, чтобы быстрее переправиться. Никто не спрашивал, кто должен идти первым: кто мог быстрее, тот и приставал первым. Рыцари выходили из транспортов и прыгали в море по пояс, полностью вооружённые, с зашнурованными шлемами и копьями в руках; добрые лучники, добрые сержанты и добрые арбалетчики — каждый отряд там, где пристало его судно. Греки показали большое намерение помешать высадке. Но когда дело дошло до опускания копий, греки повернули к ним спиной, побежали и оставили берег. И знайте: никогда ещё берег не брали столь дерзко⁵⁶. Тогда моряки начали открывать ворота транспортов и выбрасывать мосты. Стали выводить лошадей. Рыцари начали садиться на коней, а отряды — строиться, как им было назначено.

83. Балдуин, граф Фландрии и Эно, шедший в авангарде, двинулся вперёд. За ним пошли остальные отряды, каждый так, как ему следовало двигаться. Они дошли до места, где стоял лагерь император Алексей, но тот уже ушёл к Константинополю, оставив поставленные шатры и павильоны. Наши люди получили там большую добычу. Бароны решили расположиться у гавани перед башней Галаты⁵⁷, где была натянута цепь, шедшая от Константинополя. И знайте точно: всякий, кто хотел войти в константинопольскую гавань, должен был пройти через эту

⁵⁶ Высадка произошла на берегу, простирающемся между предместьем Бешикташ и мысом Топхане. См. нашу «Переписку с Востока», том 3, письмо LVIII.

⁵⁷ Башня Галаты, служившая туркам наблюдательным пунктом за пожарами, сгорела при пожаре 1830 года.

цепь⁵⁸. Бароны хорошо видели, что, если они не возьмут эту башню и не разорвут цепь, то погибнут и окажутся в тяжёлом положении. Поэтому эту ночь они расположились перед башней и в еврейском квартале⁵⁹, называемом Стеноном, где был очень хороший и богатый город. Ночью они хорошо выставили стражу. На следующий день, когда настал третий час, они сделали вылазку...

...паландрии, вооружённые с головы до ног, со шлемами на головах, осёдланными и покрытыми большими попонами лошадьми; те же, кто имел меньшее значение для боя, разместились на больших тяжёлых судах; все галеры также были вооружены и снаряжены. Это произошло прекрасным утром вскоре после восхода солнца. Тем временем император Алексей ждал их на другом берегу с многочисленными эскадронами и множеством войск, построенных в хорошем порядке; трубы уже звучали со всех сторон. К каждой галере привязали круглое судно, чтобы тянуть его и быстрее переправиться. Никто не спрашивал, кто пойдёт первым и кто следом; каждый старался опередить другого. Рыцари бросались со своих паландрий в море по пояс, со шлемами на головах и копьями в руках; так же лучники, арбалетчики и вся пехота — каждый там, где пристало его судно. Греки делали вид, что хотят оспорить у них высадку, но когда дошло до боя, внезапно повернули назад и уступили им берег. Без сомнения, можно сказать, что никогда не высаживались с такой смелостью и отвагой. Тогда моряки начали со всех сторон открывать ворота паландрий и выбрасывать мосты; лошадей вывели, рыцари сели на них, и отряды построились в установленном порядке.

83. Граф Фландрии и Эно, ведущий авангард, пошёл впереди, остальные войска за ним в своём порядке, пока не дошли до места, где располагался император Алексей; но он уже отступил к Константинополю, оставив павильоны и шатры, в которых наши люди взяли много добычи. Тогда бароны решили расположиться у гавани перед башней Галаты, где цепь, закрывавшая вход, была протянута от одного берега к другому, так что всякий, желавший войти в гавань, должен был пройти через эту цепь; поэтому бароны ясно понимали, что, если не возьмут башню и не разорвут цепь, окажутся в крайне дурном положении и рискуют быть разбитыми. По этой причине они расположились на ночь перед башней и в еврейском квартале, называемом Стеноном, хорошем и очень богатом поселении, где ночью держали хорошую стражу. На следующий день...

84. Так замок Галаты был взят, а гавань Константинополя захвачена силой. Люди войска были весьма ободрены и много славили Господа Бога, а жители города были обескуражены. На следующий день в гавань ввели корабли, галеры и транспорты. Тогда люди войска стали советоваться, что им делать: атаковать город с моря или с суши. Венецианцы очень настаивали, чтобы лестницы поставили на кораблях и весь штурм вёлся со стороны моря. Французы говорили, что не умеют столь хорошо действовать на море, как венецианцы, но когда у них будут

⁵⁸ Пьер Жиль установил место, где заканчивалась цепь, закрывавшая гавань Константинополя; в его время это место называлось Porta Catena; городские ворота, к которым была прикреплена цепь, существуют и ныне под названием Баб-ук-Базар, ворота рыбного рынка.

⁵⁹ Еврейский квартал и ныне соседствует с предместьем Галаты. ...жители башни Галаты и те, кто шёл им на помощь из Константинополя на лодках. Наши люди бросились к оружию. Первым вступил в бой Жак д'Авен со своими людьми пешим. И знайте, на него сильно напали, и он был поражен копьем в лицо и оказался в смертельной опасности. Один из его рыцарей по имени Никола де Жолен сел на коня и очень хорошо пришел на помощь своему сеньору и сделал это столь хорошо, что заслужил большую славу. В войске поднялся крик, и наши люди прибежали со всех сторон и очень жестоко загнали врагов назад, так что многие были убиты и взяты в плен; некоторые не повернули к башне, а побежали к лодкам, на которых пришли, и многие там утонули; некоторым удалось спастись. Тех же, кто повернул к башне, люди войска преследовали так близко, что они не смогли закрыть ворота. У ворот снова произошёл большой бой; наши силой отняли ворота, ворвались внутрь и захватили находившихся там. Многие были убиты и взяты в плен.

кони и оружие, они смогут лучше действовать на суше. Итог совета был таков: венецианцы будут штурмовать с моря, а бароны и люди войска — с суши. Так они оставались четыре дня.

85. На пятый день всё войско вооружилось. Отряды двинулись так, как были построены, вдоль гавани до места напротив Влахернского дворца. Флот прошёл по гавани до места напротив них, близ её верхнего конца; там есть река, впадающая в море, которую можно перейти только по каменному мосту. Греки разрушили мост, и бароны заставили войско работать весь день и всю ночь, чтобы его восстановить. Так мост был восстановлен, и утром отряды вооружились. Они пошли один за другим, как были построены, и подошли к городу, и никто из города не вышел против них. И было большим чудом, что на одного человека в войске приходилось двести в городе.

...около третьего часа жители башни Галаты и другие, шедшие им на помощь из Константинополя на лодках, сделали вылазку; наши люди тотчас бросились к оружию. Первым в схватку прибыл Жак д'Авен со своими пешими людьми, которому пришлось много вынести; он получил удар копьём в лицо и находился в великой опасности смерти, если бы один из его рыцарей по имени Никола де Жолен не пришёл ему на помощь, сев на коня, чтобы защищать своего сеньора, и не повёл себя столь доблестно, что заслужил этим великую славу. Между тем тревога распространилась по лагерю, наши люди прибежали со всех сторон и так сильно отбросили неприятеля, что множество людей осталось убитыми и пленными; большая часть не смогла вернуться к башне, повернула к лодкам, на которых пришла, и многие утонули, а остальные спаслись как могли. Те, кто попытался укрыться в башне, были так тесно преследуемы, что не имели ни возможности, ни времени закрыть за собой ворота; здесь и произошёл самый сильный бой, в конце которого наши остались хозяевами положения, ворвались внутрь, устроив большое избиение и взяв множество греков в плен.

84. Так замок Галаты был взят приступом, а гавань Константинополя захвачена открытой силой, чему всё войско чрезвычайно обрадовалось и все благодарили Бога; напротив, жители города были весьма удручены этой потерей, и не без причины, ибо на следующий день корабли, галеры и паландрии вошли в гавань без всякого сопротивления. После этого они держали совет, чтобы решить, что осталось делать и следует ли атаковать город с суши или с моря. Венецианцы предлагали поставить лестницы на судах и вести все приступы со стороны моря. Французы же утверждали, что на море они не столь искусны и ловки, как венецианцы, тогда как, сидя на конях и имея своё оружие, гораздо лучше справятся на суше. Наконец решили, что венецианцы будут штурмовать с моря, а бароны с войском — с суши. Так они оставались там четыре дня.

85. На пятый день всё войско взялось за оружие и выступило в боевом порядке согласно установленному строю вдоль гавани до Влахернского дворца; суда шли рядом с ними по гавани, пока не дошли до её конца, где в море впадает река, которую можно перейти лишь по каменному мосту, разрушенному греками; однако наши заставили людей работать весь день и следующую ночь, чтобы восстановить его. Когда мост был приведён в порядок, утром все прошли по нему вооружёнными и в хорошем строю, один за другим в предписанном порядке, и подошли к стенам, но никто не вышел против них; хотя на каждого человека в войске в городе приходилось более двухсот.

86. Тогда бароны решили расположиться между Влахернским дворцом и замком Буимон⁶⁰, который был аббатством, окружённым стенами. Тогда были поставлены шатры и пави-

⁶⁰ Согласно рассказу Никиты, замок Боэмона был монастырём Святых Космы и Дамиана (Космидием); греческий историк

льоны; и поистине дерзко было видеть, что у Константинополя, протянувшегося со стороны суши на три лье, всё войско могло осадить лишь одни ворота. Венецианцы находились на море, на кораблях и судах, и поставили лестницы, мангонели и камнемёты и весьма хорошо приготовили свой штурм. Бароны, со своей стороны, также приготовили его с суши, с камнемётами и мангонелями. И знайте, они не имели покоя, ибо не было ни часа ночью, ни часа днём, когда один из отрядов не стоял бы вооружённым перед воротами, чтобы охранять машины и следить за вылазками. И несмотря на это, жители города часто выходили через эти и другие ворота, так что держали их в таком напряжении, что всему войску по шесть или семь раз приходилось браться за оружие, и они не могли добывать продовольствие дальше чем на четыре выстрела из арбалета от лагеря. Продовольствия у них было очень мало, кроме муки; солонины и соли было мало, а свежего мяса вовсе не было, если только они не получали его от лошадей, которых убивали. И знайте, что у всего войска вместе не было пищи и на три недели, и положение их было очень опасным, ибо никогда столь малое число людей не осаждало столь многих в каком-либо городе.

87. Тогда они придумали весьма хорошее средство: окружили весь лагерь хорошими изгородями, крепкими брёвнами и надёжными заграждениями и благодаря этому стали гораздо сильнее и безопаснее. Греки так часто делали вылазки, что не давали им отдыхать. Люди войска всякий раз очень решительно загоняли их назад. И всякий раз, когда греки выходили, они несли потери.

88. Однажды, когда бургундцы стояли на страже, греки сделали вылазку и вывели наружу часть своих лучших людей; бургундцы бросились на них и очень жестоко загнали их обратно, преследуя так близко к воротам⁶¹, что на них сверху обрушивались тяжёлые камни.

86. Тогда бароны решили расположиться между Влахернским дворцом и замком Боэмон, представлявшим собой аббатство, обнесённое стенами, где они и поставили свои павильоны. Поразительно и чрезвычайно смело было видеть, как столь небольшая горстка людей приняла осаду Константинополя, который со стороны суши имел фронт в три лье, хотя сил у них хватало лишь на то, чтобы действовать против одних его ворот; что касается венецианцев, они находились на море, на своих кораблях, где поставили множество лестниц, большое число мангонелей и других машин для метания камней и весьма хорошо подготовили свои приступы, как и бароны со стороны суши, с их камнемётами и мангонелями, причём едва имели время отдыхать, поскольку не было ни часа дня, ни часа ночи, когда один из отрядов не стоял бы весь вооружённый на страже перед воротами, охраняя машины и наблюдая за вылазками; несмотря на это, жители города не переставали часто выходить через эти и другие ворота, так что держали их в таком напряжении, что более шести раз в день всему лагерю приходилось браться за оружие и они не могли удалиться за продовольствием и фуражом далее чем на четыре выстрела из арбалета от лагеря, имея при этом весьма скудные запасы, кроме некоторого количества муки, которым они запаслись, также немного солёного мяса и соли и вовсе никакого свежего мяса, кроме мяса лошадей, которых для них убивали. Словом, у всего лагеря не было продовольствия и на три недели, а кроме того, они находились в великой опасности, поскольку никогда прежде столь малое число людей не осаждало в одном городе столь многих.

называет место, где стояли лагерем осаждавшие, Геростемуром. По осмотру местности представляется несомненным, что лагерь крестоносцев занимал пространство, на котором ныне находится предместье Эйюп, у южного конца гавани.

⁶¹ Ворота, о которых здесь идёт речь, — это Косые ворота, или ворота Karsia poli, называемые турками Эгри-Капу.

87. Тогда они прибегли к весьма полезной мере: окружили лагерь хорошими заграждениями и палисадами, благодаря чему укрепились и впредь находились в большей безопасности. Однако это не помешало грекам продолжать вылазки и часто нападать на лагерь, не давая им времени отдохнуть, но наши решительно отбрасывали их назад, и греки всякий раз теряли кого-нибудь из своих.

88. Однажды, когда бургундцы стояли на страже, греки сделали вылазку с частью своих лучших людей; но их встретили весьма хорошо и отбросили так близко к воротам, что камни, которые бросали из города, падали на преследовавших их. Там один из знатнейших греческих сеньоров, по имени Константин Ласкарис, был взят Готье де Нёйи прямо верхом на коне; Гийому де Шамплитту камнем сломало руку, что было большой потерей, поскольку он был весьма доблестным и храбрым.

Там был взят один из лучших греков, находившихся внутри, по имени Константин Ласкарис, и Готье де Нёйи захватил его прямо верхом на коне; там же Гийому де Шамплитту камнем сломало руку, что было большой потерей, ибо он был весьма доблестен и храбр. Я не могу рассказать вам обо всех ударах, обо всех раненых и обо всех убитых. Но прежде чем бой закончился, подошёл рыцарь из свиты Анри, брата графа Балдуина Фландрского и Эно, которого звали Эсташ ле Марки; он был вооружён лишь гамбезоном и железной шапкой, со щитом на шее, и очень хорошо помог загнать их внутрь, за что ему воздали большую славу. Редко проходил день без вылазки. Но я не могу рассказать вам обо всех. Они держали наших так близко, что те не могли ни спать, ни отдыхать, ни есть иначе как вооружёнными. Ещё одну вылазку греки сделали через одни из наружных ворот, и там снова понесли большие потери. Но там был убит рыцарь по имени Гийом Дельжи; там очень хорошо действовал Матьё де Валенкур, и у моста ворот под ним убили коня; и многие из участвовавших в этой схватке проявили себя весьма хорошо.

89. У тех ворот над Влахернским дворцом, через которые они чаще всего выходили, Пьер де Бретей заслужил наибольшую славу из всех, потому что стоял лагерем ближе других и чаще оказывался в бою. Так продолжались для них эта опасность и этот труд почти десять дней, пока однажды в четверг утром не был назначен штурм и не приготовили лестницы. Венецианцы приготовили свой штурм со стороны моря. Было решено, что три из семи отрядов будут охранять лагерь снаружи, а четыре пойдут на приступ. Маркиз Бонифаций Монферратский охранял лагерь со стороны полей вместе с отрядом шампанцев и бургундцев; Матьё де Монморанси и граф Балдуин Фландрский и Эно пошли на приступ со своими людьми, а также Анри, его брат, граф Людовик Блуаский и Шартрский, граф Гюг де Сен-Поль и те, кто держался с ними. Они пошли на штурм и приставили две лестницы к передовой стене у моря. Стена была сильно укреплена англичанами и датчанами, и приступ был сильным, добрым и тяжёлым; силой рыцари и сержанты поднялись по лестницам, отбили у них стену, и около пятнадцати человек взойшли на неё и сражались врукопашную топорами и мечами; но те, кто был внутри, снова воспрянули духом и очень жестоко вытеснили их наружу, захватив двоих. Тех из наших людей, кого взяли, привели к императору Алексею, и он весьма этому обрадовался. Так штурм со стороны французов прекратился; многие были ранены и избиты, и бароны были весьма разгневаны. Но дож Венеции о себе не забыл. Он построил свои корабли, транспорты и суда в одну линию. Эта линия тянулась примерно на три выстрела из арбалета, и суда начали приближаться к берегу, который находился под стенами и башнями. Тогда можно было видеть, как с кораблей и транспортов метали мангонели, как летели арбалетные болты и стрелы из луков, пущенные с большой быстротой, и как находившиеся внутри яростно защищались со стен и башен, так что во многих местах лестницы с кораблей подходили настолько близко, что

люди с обеих сторон били друг друга мечами и копьями, а шум стоял такой, что казалось, будто рушатся земля и море. И знайте, галеры не осмеливались пристать к берегу.

Он был весьма доблестным и отважным. Ещё много людей было ранено и убито с обеих сторон, о чём я не могу рассказать. Прежде чем бой закончился, подошёл рыцарь из свиты Анри, брата графа Балдуина Фландрского, по имени Эташ ле Марки, который был вооружён лишь гамбезоном* и железной шапкой, со щитом на шее, и весьма помог им загнать неприятеля обратно в город, так что приобрёл этим большую славу. С тех пор едва проходил день без многочисленных вылазок; враги теснили нас так близко, что нам было невозможно отдыхать или принимать пищу иначе как полностью вооружёнными. В числе прочих они сделали вылазку через одни из своих ворот, при которой потеряли много людей, но взамен один из наших рыцарей по имени Гийом Дельжи остался лежать на месте. Матьё де Валенкур действовал там весьма хорошо, и на подъёмном мосту ворот под ним был убит его конь; вообще все, кто оказался в этой схватке, держались как люди мужественные.

89. У тех ворот над Влахернским дворцом, через которые греки обыкновенно делали большую часть своих вылазок, Пьер де Грайель отличился более всех прочих, потому что занимал наиболее выдвинутую вперёд позицию и потому чаще оказывался в деле. Эта опасность и этот труд продолжались около десяти дней, пока однажды в четверг утром всё не было приготовлено к штурму и не установили лестницы. Венецианцы также приготовились со стороны моря, и было решено, что из семи отрядов три останутся снаружи охранять лагерь, а четыре другие пойдут на приступ. Маркизу Монферратскому поручили охранять лагерь со стороны полей вместе с отрядом шампанцев и бургундцев, а Матьё де Монморанси, граф Балдуин Фландрский со своими людьми, Анри, его брат, граф Людовик Блуаский, граф де Сен-Поль и их войска пошли на приступ и приставили свои лестницы к передовой стене, сильно занятой англичанами и датчанами; там они предприняли суровый приступ, и несколько рыцарей, поднимаясь по лестницам вместе с пешими людьми, завладели стеной, так что около пятнадцати человек оказались наверху и некоторое время сражались врукопашную топорами и мечами; но находившиеся внутри, вновь ободрившись, яростно отбросили их и захватили двоих пленников, которых тотчас отвели к императору Алексею, весьма обрадовавшемуся этому. Так этот приступ окончился без успеха, причём со стороны баронов было много раненых и искалеченных, что причинило им крайнее огорчение. С другой стороны, дож Венеции и венецианцы тоже не бездействовали, ибо все их суда были построены в весьма хорошем порядке единым фронтом, протянувшимся более чем на три выстрела из лука, и они мужественно, борт к борту, начали приближаться к стене и башням вдоль берега. Можно было видеть мангонели и другие военные машины, установленные на палубах кораблей и паландрий, которые метали большие камни в город, а арбалетные болты и стрелы летели во множестве, тогда как находившиеся внутри мужественно защищались; с другой стороны, лестницы на кораблях приближались к стенам настолько близко, что во многих местах воины сходились и сражались копьями и мечами. Крики были столь велики, что казалось, будто земля и море должны провалиться. Но галеры не знали, где и как пристать к берегу.

* Гамбезон — стёганный набивной поддоспешник, который надевали прямо на тело, а поверх него — кольчугу; это был нагрудник из полотна и пакли, не позволявший доспеху ранить тело.

Это были войска, называемые варягами и состоявшие на жалованье у греческих императоров.

90. Теперь вы услышите о необычайной доблести: дож Венеции, бывший старым человеком и совершенно слепым, стоял полностью вооружённый на носу своей галеры, а перед ним был гонфалон Святого Марка; он кричал своим людям, чтобы они высадили его на берег, иначе он распорядится наказать их телесно. Они сделали так, что галера пристала к берегу; люди выпрыгнули наружу и понесли перед ним на сушу гонфалон Святого Марка. Когда венецианцы увидели гонфалон Святого Марка на берегу и галеру своего сеньора, первой приставшую к суше, каждый счёл бы себя опозоренным, если бы не последовал за ним, и все пошли на берег. Люди с транспортов выпрыгивали наружу и устремлялись на сушу, кто быстрее и кто лучше. Тогда можно было видеть чудесный приступ, И ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН, МАРШАЛ ШАМПАНИ, КОТОРЫЙ СОСТАВИЛ ЭТО СОЧИНЕНИЕ: более сорока человек сказали ему как истину, что видели гонфалон Святого Марка Венецианского на одной из башен и не знали, кто его туда водрузил. Теперь послушайте о необычайном чуде: находившиеся внутри бежали и покинули стены. Наши вошли внутрь, кто раньше, кто лучше, захватили двадцать пять башен и поставили в них своих людей. Дождь сел в лодку, послал вестников к баронам войска и велел сообщить им, что они овладели двадцатью пятью башнями и чтобы те знали наверняка: отбить их обратно будет нелегко.

91. Бароны так обрадовались, что едва могли поверить, что это правда. Венецианцы начали посылать в лагерь на лодках коней и верховых лошадей из числа тех, которых захватили внутри города. Когда император Алексей увидел, что они таким образом вошли в город, он начал посылать против них великое множество своих людей. Когда венецианцы увидели, что не смогут долго им противостоять, они подожгли здания между собой и греками. Ветер дул в сторону наших людей. Пожар разгорелся настолько сильно, что греки уже не могли видеть наших. Тогда венецианцы отступили к башням, которые захватили и затем оставили.

90. Поистине почти невероятно было видеть в этом случае великое мужество и доблесть дожа Венеции. Хотя он был стар и дряхл и совершенно не видел, он тем не менее явился полностью вооружённым на носу своей галеры со знаменем Святого Марка перед собой, крича своим людям, чтобы они высадили его на берег, иначе он распорядится судить и наказать их. Это заставило их подвести галеру к берегу; они тотчас выскочили наружу, неся перед ним главное знамя республики, и едва остальные увидели его и поняли, что галера их дожа первой пристала к берегу, как, считая себя потерявшими честь и доброе имя, если не последуют за ним, невзирая на все опасности и препятствия приблизились к берегу, один перед другим выпрыгивали из паландрий и предприняли яростный приступ, во время которого произошло удивительное событие, засвидетельствованное ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНУ, МАРШАЛУ ШАМПАНИ, более чем сорока людьми, уверявшими его, что они видели гонфалон Святого Марка, поднятый на вершине одной из башен, хотя никто не знал, кто его туда водрузил; увидев это, находившиеся внутри оставили стену, а остальные толпой вошли в город и овладели двадцатью пятью башнями, которые наполнили своими солдатами. В то же время дождь послал лодку к баронам войска, чтобы сообщить им, что они стали хозяевами этих двадцати пяти башен и что выгнать их оттуда будет нелегко.

91. Бароны были настолько обрадованы этой вестью, что едва могли ей поверить; но венецианцы, чтобы подтвердить её, послали им на лодках множество коней и верховых лошадей из тех, что уже захватили в городе. Когда император Алексей увидел, что они таким образом вошли в Константинополь и овладели башнями, он послал туда значительную часть своих войск, чтобы выбить их. Тогда венецианцы, видя, что долго не смогут выдерживать их натиск, подожгли ближайшие здания между собой и греками; ветер дул в сторону греков с такой силой,

что из-за огня они уже ничего не могли видеть перед собой, и таким образом венецианцы возвратились к башням, которые прежде захватили, а затем оставили.

92. Тогда император Алексей вышел из Константинополя со всеми своими силами через другие ворота⁶², примерно в одном лье от лагеря. Из города стало выходить такое множество людей, что казалось, будто там собрался весь мир. Он построил свои отряды на равнине, и они двинулись к лагерю. Когда наши французы увидели их, со всех сторон бросились к оружию. В тот день стражу держал Анри, брат графа Балдуина Фландрского и Эно, вместе с Матъё де Валенкуром, Балдуином де Бовуаром и их людьми, державшимися с ними. Напротив них император Алексей поставил большое число людей, которые должны были выйти через трое ворот⁶³, чтобы ударить по лагерю с другой стороны. Тогда вышли шесть отрядов, о которых было сказано, и построились перед своими заграждениями; их сержанты и оруженосцы стояли пешими позади крупов лошадей, а лучники и арбалетчики — впереди. Из своих рыцарей, у которых уже не было коней, они составили пеший отряд числом около двухсот. Так они спокойно стояли перед заграждениями. И это было весьма мудро, ибо если бы они вышли на равнину сразиться с греками, у тех было такое множество людей, что все наши утонули бы среди них.

93. Казалось, что вся равнина покрыта отрядами, которые медленно приближались в полном порядке. Положение выглядело чрезвычайно опасным, потому что у наших было только шесть отрядов, а у греков — около шестидесяти, и каждый из них был больше одного из наших. Но наши были построены так, что приблизиться к ним можно было только спереди. Император Алексей продвинулся настолько близко, что стороны уже стреляли друг в друга. Когда об этом услышал дож Венеции, он приказал своим людям отступить, оставить захваченные башни и сказал, что хочет жить или умереть вместе с пилигримами. Так он пришёл к лагерю и сам одним из первых сошёл на сушу вместе с теми из своих людей, кого смог вывести. Долгое время отряды пилигримов и греков стояли друг против друга: греки не осмеливались атаковать наших на их позиции, а наши не хотели отходить от заграждений.

92. Сразу после этого император Алексей вышел из Константинополя со всеми своими силами через другие ворота, находившиеся примерно в одном лье от французского лагеря, причём в таком числе, что казалось, будто вышел весь мир; затем он построил их в боевой порядок и расположил свои отряды, чтобы двинуться против наших людей, которые, как только увидели их, со всех сторон бросились к оружию. В тот день Анри, брат графа Балдуина Фландрского, стоял на страже вместе с Матъё де Валенкуром, Балдуином де Бовуаром и их войсками. Там, где они стояли лагерем, император Алексей заранее поставил множество людей, чтобы те вышли через трое ворот и напали на них, пока сам он с другой стороны ударит всеми силами. Тем временем шесть отрядов, построенных, как было сказано выше, вышли и расположились перед палисадами; сержанты и оруженосцы пешими стояли у крупов коней, а перед ними находились лучники и арбалетчики. Кроме того, они составили небольшой отряд примерно из двухсот рыцарей, потерявших своих коней, и так твёрдо ожидали неприятеля перед палисадами, не двигаясь вперёд; это было весьма мудро, ибо, если бы они вышли на равнину и бросились на противника, его людей было настолько много, что их масса сокрушила бы наших.

⁶² Это были Золотые ворота, Силиврийские ворота и Замурованные ворота.

⁶³ Эти трое ворот, из которых одни были воротами Святой [Феодосии], другие — воротами Петриона, а третьи — Императорскими воротами, существуют и ныне под названиями: 1) Айя-Капусы; 2) Петри-Капусы; 3) Бали-Балат.

93. И действительно, казалось, будто вся равнина покрыта эскадронами, медленно идущими вперёд в хорошем порядке. Поэтому представлялось весьма опасным, чтобы шесть, да ещё слабых, отрядов решились ожидать более шестидесяти, причём самый малый из греческих был многочисленнее любого из наших; однако наши были построены так, что к ним нельзя было подойти и ударить иначе как спереди. Наконец император Алексей подошёл со своим войском так близко, что стороны стали стрелять друг в друга. Когда известие об этом дошло до дожа Венеции, он тотчас приказал своим людям отступить и оставить захваченные башни, сказав, что хочет жить и умереть вместе с пилигримами. Так он направился прямо к лагерю и сам одним из первых сошёл на берег вместе с теми из своих людей, кого смог вывести. Тем временем отряды пилигримов и греков довольно долго стояли друг против друга, причём греки не осмеливались идти в атаку, а наши не хотели удаляться от своих заграждений.

Когда император Алексей увидел это, он начал отводить своих людей. Когда он снова собрал их, то повернул назад. Увидев это, войско пилигримов начало медленно двигаться к нему, а греческие отряды стали отходить и отступили к дворцу, называвшемуся Филопатием⁶⁴. И знайте, никогда Бог не избавлял людей от большей опасности, чем в тот день избавил это войско. И знайте, не было среди них столь смелого человека, который не испытал бы великой радости. Так сражение на этот день прекратилось и более ничего не произошло, как того пожелал Бог. Император Алексей возвратился в город, а люди войска пошли в свои лагеря, разоружились, будучи сильно утомлёнными и измученными, и мало ели и мало пили, потому что у них было мало продовольствия.

94. Теперь послушайте о чудесах Господа нашего, которые прекрасны повсюду, где Ему угодно их совершать. В ту же ночь император Алексей Константинопольский взял из своей казны столько, сколько смог унести, увёл с собой тех людей, которые пожелали идти с ним, и бежал⁶⁵, оставив город; жители города были сильно поражены и отправились в темницу, где находился ослеплённый император Исаак. Они одели его по-императорски, отвели в верхний Влахернский дворец, посадили на высокий трон и стали повиноваться ему как своему сеньору. Затем, по совету императора Исаака, они избрали послов, отправили их в лагерь и велели сообщить сыну императора Исаака и баронам, что император Алексей бежал и что они снова возвели на императорский престол императора Исаака. Когда юноша узнал об этом, он послал за маркизом Бонифацием Монферратским, а маркиз созвал баронов со всего войска. Когда они собрались у павильона сына императора Исаака, тот рассказал им эту новость. И когда они её услышали, невозможно описать их радость, ибо никогда в мире не бывало большей радости; и все с великим благочестием прославляли Господа нашего за то, что в столь короткое время Он пришёл им на помощь и из столь низкого положения возвысил их. Поэтому можно по праву сказать: тому, кому Бог хочет помочь, ни один человек не может повредить.

95. Начало рассветать, и войско стало вооружаться; все в лагере взяли за оружие, потому что не вполне доверяли грекам. Вскоре один за другим и по двое стали выходить посланцы и рассказывать те же новости. Тогда совет баронов...

Когда император Алексей увидел это, он приказал трубить отступление и, собрав своих людей, повернул назад. С другой стороны, войско пилигримов стало медленно следовать за ним, а греки — отступать, пока не достигли дворца, называемого Филопасом. Поистине нико-

⁶⁴ Филопас, или Филопатиион, был императорским дворцом, построенным вне города близ Силиврийских ворот; дворец больше не существует; греки долго имели на этом месте часовню, которую называли Бала-Эли, церковью рыб.

⁶⁵ По словам некоторых авторов, император Алексей, бежав из Константинополя, нашёл убежище в одном месте в Болгарии, называемом Загора.

гда Бог не избавлял никого от большей опасности, чем наших в тот день; и не было среди них человека настолько уверенного и смелого, который не был бы весьма рад этому отступлению. Так всё и осталось, а сражение было отложено по Божьему попущению. Император Алексей возвратился в город, а наши — в свой лагерь, где разоружились, усталые и измученные этим днём; кроме того, они много страдали от недостатка продовольствия, ибо действительно мало ели и пили, будучи плохо снабжены.

94. Но вот случай, в котором Господь наш явил Своё всемогущество: в ту же ночь император Алексей без всякой иной причины взял из своей казны столько, сколько смог, и с теми, кто захотел за ним последовать, тайно бежал, оставив город. Жители сначала были чрезвычайно поражены и удивлены этим и тотчас отправились в темницу, где содержался ослеплённый император Исаак; оттуда, облачив его в императорские одежды и украшения, они отвели его во Влахернский дворец, посадили на трон и вновь принесли ему повиновение как своему законному государю. После этого, по совету императора Исаака, они отправили депутатов в лагерь, чтобы известить его сына и сообщить баронам, что тиран бежал и Исаак вновь признан императором. Получив эту весть, принц послал за маркизом Монферратским, а маркиз — за баронами по всему войску; когда они собрались у павильона принца, тот сообщил им эту новость, и радость, которую они проявили по этому случаю, легко себе представить: они весьма благочестиво благодарили и славилы Бога за то, что за столь короткое время Он пришёл им на помощь и из столь плачевного состояния их дел поставил их наверху. Это показывает, что не без причины говорят в народе: тому, кому Бог хочет помочь, никто не может повредить.

95. Между тем начало светать; все в войске взяли за оружие и приготовились к обороне, потому что не вполне доверяли грекам. Однако в лагерь стали прибывать разные люди, по одному и по двое, рассказывавшие и подтверждавшие те же самые новости; тогда бароны и графы...

...и графы вместе с дожем Венеции решили послать в город людей, чтобы узнать, как там обстоят дела. Если же окажется правдой то, что им сообщили, они потребуют от отца подтвердить те же соглашения, которые заключил сын, иначе не позволят сыну войти в город. Послами были избраны Матьё де Монморанси и Жоффруа, маршал Шампани, а от дожа Венеции — двое венецианцев. Послов проводили до ворот, им открыли, и они спешили; греки поставили у ворот и по всей дороге до Влахернского дворца англичан и датчан с боевыми топорами. Там они нашли императора Исаака, одетого столь богато, что трудно было бы пожелать человеку более богатого облачения. Рядом с ним находилась императрица, его жена, весьма прекрасная дама, сестра короля Венгрии; там было столько других знатных людей и великих дам, одетых так богато, как только возможно, что негде было поставить ногу; и все те, кто ещё накануне был против него, в тот день уже находились в его повиновении.

96. Послы предстали перед императором Исааком; императрица и все остальные оказали им большие почести. Послы сказали, что хотят поговорить с ним наедине от имени его сына и баронов войска. Он поднялся и вошёл в комнату, взяв с собой только императрицу, своего камергера, переводчика и четырёх послов. С согласия остальных послов Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, обратился к императору Исааку: «Сир, ты видишь, какую службу мы оказали твоему сыну и насколько верно соблюдали наше соглашение с ним. Он не может войти сюда, пока не даст нам обеспечения по обязательствам, которые перед нами имеет. И как твой сын он просит тебя подтвердить соглашение в той же форме и тем же образом, как сделал он».

97. «Каково это соглашение?» — спросил император. «Вот какое, как я вам скажу», — ответил посол. «Прежде всего — привести всю Романию к повиновению Риму, от которого она давно отделилась. Затем — выплатить войску двести тысяч марок серебра и снабжать в течение года пищей всех, малых и великих. Далее — перевезти на своих кораблях десять тысяч человек и содержать их за свой счёт в течение года. И в заморской земле содержать за свой счёт пятьсот рыцарей на протяжении всей своей жизни, чтобы они охраняли землю. Вот соглашение, которое заключил с нами ваш сын и обеспечил клятвой, грамотами с висячими печатами и поручительством короля Филиппа Германского, которому отдана ваша дочь. Мы хотим, чтобы и вы подтвердили это соглашение».

98. «Поистине, — сказал император, — это весьма большое соглашение, и я не вижу, как оно может быть исполнено; однако вы столько сделали для него, для меня и для него самого, что, если бы вам отдали всю Империю, вы всё равно заслужили бы её». Много ещё было сказано и повторено разными способами, но в конце концов отец подтвердил соглашения так же, как их подтвердил сын, — клятвой и грамотами с висячими золотыми буллами. Грамота была передана послам. Тогда они попрощались с императором Исааком, возвратились в лагерь и сообщили баронам, что дело завершено.

99. Тогда бароны сели на коней и с великой радостью отвели юношу в город к его отцу; греки открыли ему ворота и приняли его с великой радостью и великим празднеством. Радость отца и сына была чрезвычайно велика, потому что они давно не видели друг друга и потому что из такой бедности и такого изгнания были вознесены на столь великую высоту — прежде всего Богом, а затем пилигримами. Поэтому великая радость была и внутри Константинополя, и снаружи, в лагере пилигримов, по поводу чести и победы, которую дал им Бог. На следующий день император и сам его сын просили графов и баронов ради Бога перейти на другую сторону гавани и расположиться у Стенона, ибо, если они поселятся в городе, можно опасаться ссоры между ними и греками, из-за которой город вполне мог бы быть разрушен. Они ответили, что столько служили ему многими способами, что не откажут ни в чём, о чём он их попросит. Так они ушли и расположились на другой стороне. Там они жили в мире и покое, имея в изобилии хорошую пищу.

100. Теперь можете знать, что многие из войска ходили смотреть Константинополь, богатые дворцы и высокие церкви, которых там было великое множество, и огромные богатства, каких никогда не было столько ни в одном другом городе. О святынях нет нужды говорить, ибо в тот день в городе их было столько же, сколько во всём остальном мире. Так греки и французы стали весьма близки друг с другом во всех делах, в торговле и в иных отношениях. По общему совету французов и греков было решено, что новый император будет коронован на праздник святого Петра...

...дож Венеции решили отправить людей в город, чтобы выяснить, как там обстоят дела, и, если рассказанная им весть окажется истинной, потребовать от императора Исаака подтвердить соглашения и обещания, данные его сыном, без чего они не позволят ему возвратиться в город. Для этого посольства от французов были избраны Матьё де Монморанси и Жоффруа, маршал Шампани, а от дожа Венеции — двое венецианцев. Их проводили до ворот, которые перед ними открыли; спешившись, они прошли до Влахернского дворца по улицам, от городских ворот до входа во дворец, по обеим сторонам которых греки выставили англичан и датчан, вооружённых своими алебардами. Там они нашли императора Исаака столь богато одетым, что трудно было бы представить государя в более великолепном облачении; рядом находилась императрица, его жена, весьма прекрасная и добродетельная принцесса, сестра короля Вен-

грии, а также столь великое множество сеньоров и дам, великолепно одетых, что едва можно было повернуться, ибо все, кто накануне был против него, в тот день находились под его властью.

96. Послы приветствовали императора и императрицу, которые приняли их с великими почестями, как и все прочие знатные сеньоры их свиты, и сказали императору, что должны переговорить с ним наедине от имени его сына и баронов войска; тогда он поднялся со своего места и вошёл в соседнюю комнату, взяв с собой лишь императрицу, камергера и переводчика, а также четырёх послов, один из которых, а именно Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, с согласия остальных взял слово и обратился к императору так: «Сир, вы видите и хорошо понимаете, какую службу мы оказали вашему сыну и как пункт за пунктом исполнили по отношению к нему наши соглашения; однако по собственным его обязательствам он не может вернуться в Константинополь, пока прежде не исполнит того, чем обязан нам. Поэтому как ваш сын он просит вас подтвердить соглашения в той же форме и тем же образом, как он заключил их с нами».

97. «Каковы эти соглашения?» — спросил император. «Вот каковы, — ответил посол, — я вам их назову. Во-первых, вернуть всю Восточную империю под власть Святого престола в Риме, от которого она уже давно отделилась. Во-вторых, выплатить нам сумму в двести тысяч марок серебра и снабжать наше войско продовольствием в течение года, а также перевезти на своих кораблях до десяти тысяч воинов и содержать их в течение года и, наконец, пожизненно содержать пятьсот рыцарей в заморской земле. Таковы соглашения, заключённые с нами вашим сыном и подтверждённые им как клятвой, так и грамотами, должным образом скреплёнными его печатью и печатью короля Филиппа Германского, вашего зятя; мы также желаем, чтобы вы ратифицировали и подтвердили эти условия».

98. «Поистине, — ответил император, — эти соглашения чрезвычайно велики, и я не вижу, как их можно исполнить; однако вы столько сделали и для меня, и для него, что, если бы вам отдали всю Империю, вы вполне это заслужили». После других разговоров с обеих сторон всё закончилось тем, что отец подтвердил и ратифицировал соглашения сына и поклялся исполнять их, выдав в обеспечение грамоты, скреплённые золотой печатью; послы, взяв грамоты, попрощались с императором и возвратились в лагерь, где рассказали баронам обо всём, что сделали, и о полном успехе своего посольства.

99. После этого бароны сели на коней и с великим торжеством и радостью отвели молодого принца в город к его отцу; греки открыли ему ворота и приняли его с великими почестями и ликованием. Радость отца и сына была тем больше, что они давно не видели друг друга и после стольких несчастий и столь плачевного положения были вознесены на столь высокую степень величия, прежде всего Божией милостью, а затем благодаря пилигримам. Тогда велики были радость и празднества как внутри Константинополя по случаю возвращения законного государя, так и снаружи, в лагере, в честь прекрасной победы, которую Богу угодно было даровать пилигримам. На следующий день император просил графов и баронов, а также собственного сына, перейти на другую сторону гавани и расположиться у Стенона, опасаясь, что, если они останутся жить в городе, между ними и греками может возникнуть какой-либо спор или столкновение, способное повлечь разрушение города; они ответили, что так хорошо служили ему столькими способами, что не откажут ему ни в чём, о чём он их попросит. Так они ушли и расположились на другой стороне, где жили в мире и покое, имея изобилие всякого продовольствия.

100. Легко представить, что большая часть людей войска пожелала увидеть этот прекрасный и великий город Константинополь, богатые дворцы и великолепные церкви и монастыри, находившиеся внутри его стен, и все богатства, которыми он обладал, столь многочисленные, что можно уверенно сказать: ни один город в мире не имел их в таком количестве. О реликвиях я не говорю, ибо тогда в городе их находилось столько же, сколько во всём остальном мире. Греки и французы жили в тесном согласии, общаясь между собой посредством торговли товарами и иных дел. Затем по совету и с согласия тех и других было постановлено, что новый император будет коронован в день святого Петра в конце июня.

98. «Поистине, — сказал император, — условия эти чрезвычайно велики, и я не вижу, как их можно соблудить; однако вы так хорошо послужили моему сыну и мне, что, даже если бы вам отдали всю Империю, вы вполне её заслужили». Много ещё говорили с обеих сторон, но в конце концов отец подтвердил соглашения так же, как их подтвердил сын, — клятвой и грамотами с висячими золотыми буллами. Грамота была передана послам. Так они попрощались с императором Исааком, вернулись в лагерь и сказали баронам, что дело сделано.

99. Тогда бароны сели на коней и с великой радостью отвели юношу в город к его отцу; греки открыли ему ворота и приняли с великой радостью и великим торжеством. Велика была радость отца и сына, которые давно не видели друг друга и после столь великой нищеты и изгнания были вознесены на такую высоту прежде всего Богом, а затем пилигримами. Поэтому велика была радость и в Константинополе, и снаружи, в лагере пилигримов, из-за чести и победы, которую дал им Бог. На следующий день император и сам его сын просили графов и баронов ради Бога расположиться по другую сторону гавани, у Стенона, потому что, если они станут жить в городе, он опасался ссоры между ними и греками, от которой город вполне мог быть разрушен. Они сказали, что столько служили ему во многих отношениях, что не откажут ни в одной вещи, о которой он их попросит. Так они ушли и расположились на другой стороне. Там они пребывали в мире и покое, имея изобилие хорошей пищи.

100. Теперь можно понять, что многие из войска отправились осматривать Константинополь, богатые дворцы и высокие церкви, которых там было столько, а также великие богатства, подобных которым никогда не было в другом городе. О святынях нет нужды говорить, потому что в тот день в городе их находилось столько же, сколько во всём остальном мире. Так греки и французы были очень близки во всём, в торговле и в других делах. По общему совету французов и греков было решено, что новый император будет коронован в праздник святого Петра в конце июня.

101. Он был коронован с той величайшей пышностью и честью, с какой в те времена короновали греческих императоров. После этого он начал выплачивать деньги, которые был должен войску, и их распределили по войску, возвратив каждому стоимость его проезда, которую он заплатил в Венеции. Новый император часто приезжал навещать баронов в лагере и оказывал им столько почестей, сколько только мог. И он имел основание так поступать, ибо они весьма хорошо ему послужили. Однажды он тайно пришёл к баронам в жилище графа Балдуина Фландрского и Эно. Туда также тайно позвали дожа Венеции и главных баронов. Он изложил им дело и сказал: «Сеньоры, я стал императором благодаря Богу и вам, и вы оказали мне величайшую службу, какую когда-либо люди оказывали какому-либо христианину. Знайте, многие делают мне добрый вид, хотя вовсе меня не любят. Греки весьма разгневаны тем, что благодаря вашей силе я вошёл в своё наследие. Ваш срок близок, и вам вскоре надлежит уйти. Союз между вами и венецианцами длится лишь до праздника Святого Михаила. За такой короткий срок я не могу исполнить своих обязательств перед вами. Знайте, если вы

меня оставите, греки ненавидят меня из-за вас; я снова потеряю землю, и они меня убьют. Но сделайте то, что я вам скажу: оставайтесь до марта, а я продлю ваше соглашение о флоте от праздника Святого Михаила ещё на год, оплачу расходы венецианцам и дам вам всё необходимое до Пасхи. За это время я так устрою свои владения, что уже не смогу их снова потерять. И ваше соглашение будет исполнено: я выплачу деньги, которые поступят ко мне со всех моих земель; я приготовлю флот, чтобы идти с вами или послать его, как обещал вам. И тогда у вас будет всё лето целиком для ведения войны».

102. Бароны сказали, что обсудят это без него. Они хорошо понимали, что сказанное им правдиво и что так будет лучше и для императора, и для них. Они ответили, что не могут сделать этого иначе как с согласия всего войска. Они поговорят с людьми войска и затем сообщат ему, какое решение смогут принять. Тогда император Алексей оставил их и возвратился в Константинополь. Они остались в лагере и на следующий день созвали совет, на который были приглашены все бароны, начальники войска и большая часть рыцарей. Тогда всем было изложено предложение, с которым обратился к ним император.

103. Тогда в войске возник великий раздор, как уже бывало много раз из-за тех, кто хотел, чтобы войско распалось, потому что им казалось, что поход длится слишком долго. Та партия, которая ещё на Корфу вызвала раздор, напонила другим об их клятвах и сказала: «Дайте нам корабли, как вы нам поклялись, потому что мы хотим идти в Сирию». Другие просили их о милости и говорили: «Сеньоры, ради Бога не погубим чести, которую оказал нам Бог. Если мы пойдём в Сирию, наступает начало зимы, и когда мы туда прибудем, мы не сможем вести войну. Так дело Господа нашего будет погублено. Но если мы подождём до марта, то оставим этого императора в хорошем положении и уйдём отсюда богатыми деньгами и продовольствием; затем отправимся в Сирию и вторгнемся в землю Вавилона, а наш флот будет с нами до Святого Михаила и от Святого Михаила до Пасхи, потому что венецианцы не смогут отделиться от нас зимой. Так может быть завоёвана заморская земля».

104. Тем, кто хотел разрушить войско, было безразлично, лучше это или хуже, лишь бы войско распалось. Но те, кто хотел удержать войско вместе, с Божьей помощью так трудились, что дело было доведено до конца: венецианцы снова поклялись держать флот ещё год от праздника Святого Михаила, а император Алексей дал им столько, что соглашение было заключено. Пилигримы, со своей стороны, снова поклялись сохранять союз так же, как делали раньше, до того же срока. Так в войске вновь установились согласие и мир. Тогда с ними случилось великое несчастье: умер Матьё де Монморанси, один из лучших рыцарей королевства Франции, один из самых почитаемых и любимых. Это было великое горе и ущерб, один из величайших, какие могли случиться с войском из-за смерти одного человека; его похоронили в церкви Святого Иоанна Госпиталя Иерусалимского.

105. Затем по совету греков и французов император Алексей вышел из Константинополя с весьма большим войском, чтобы подчинить Империю своей власти. С ним пошла большая часть баронов, а другая осталась охранять лагерь. С ним отправились маркиз Бонифаций Монферратский, граф Гюг де Сен-Поль, Анри, брат графа Балдуина Фландрского и Эно, Жак д'Авен, Гийом де Шамплитт, Гюг де Колиньи и многие другие люди, о которых книга теперь умалчивает.

106. В лагере остались граф Балдуин Фландрский и Эно, граф Людовик Блуаский и Шартрский и большая часть пилигримов.

103. По этому поводу мнения разделились и дошли до раздоров, как уже не раз случалось со стороны тех, кто хотел, чтобы войско распалось, потому что им казалось, что путешествие слишком затягивается. Люди той партии, которая ещё на Корфу устроила заговор, требовали от остальных исполнить клятвы и дать им суда, как было обещано, чтобы перейти в Святую землю. Другие, напротив, сложив руки, умоляли их остаться и говорили: «Сеньоры, во имя Бога не запятнаем и не потеряем чести, которую Бог нам даровал; подумайте, что, если мы пойдём в Сирию, то прибудем туда к началу зимы, так что не сможем вести войну, и таким образом возможность послужить Богу исчезнет и будет совершенно потеряна. Если же мы подождём до весны, то оставим этого императора мирным обладателем своих владений, а затем уйдём отсюда богатыми всякими благами и снабжёнными продовольствием и прочими припасами, перейдём в Сирию, а оттуда — в Египет и Вавилон; таким образом наш союз продлится до Святого Михаила, а от Святого Михаила до Пасхи венецианцы не смогут отделиться от нас из-за зимы и плохой погоды, что облегчит завоевание заморской земли».

104. Тем, кто хотел распустить войско, не было дела ни до лучшего, ни до худшего, ни до удобства, ни до неудобства, лишь бы достигнуть своей цели. Но те, кто заботился об общем благе и старался удержать войско вместе, с Божьей помощью добились того, что их доброе намерение одержало верх: венецианцы вновь согласились продлить срок своего флота от ближайшего Святого Михаила ещё на год после того, как император Алексей дал им столько, сколько потребовалось для их согласия. Пилигримы, со своей стороны, возобновили союз с ними на тот же срок, и согласие и мир были полностью восстановлены в войске. Около этого же времени с ними случилось великое несчастье: умер Матьё де Монморанси, один из лучших рыцарей королевства Франции и один из наиболее почитаемых и любимых; эта потеря была очень чувствительна и нанесла войску большой ущерб, хотя речь шла о смерти одного человека. Его похоронили в церкви Святого Иоанна Госпиталя Иерусалимского.

105. Затем император Алексей, по совету греков и французов, вышел из Константинополя с сильным войском, чтобы привести остальную Империю под своё повиновение; в этом походе его сопровождала значительная часть баронов, тогда как другая осталась охранять лагерь. В числе сопровождавших его были маркиз Монферратский, Гюг, граф де Сен-Поль, Анри, брат графа Фландрского, Жак д'Авен, Гийом де Шамплитт, Гюг де Колиньи и многие другие.

106. В лагере остались Балдуин, граф Фландрии и Эно, Людовик, граф Блуа и Шартра, и большая часть пилигримов. Знайте, что повсюду, куда император вёл это войско, все греки по обе стороны рукава Святого Георгия приходили к нему, подчинялись его приказаниям и воле и приносили ему верность и оммаж как своему сеньору, кроме одного лишь Иоанна, короля Валахии и Болгарии. Этот Иоанн был валахом, восставшим против своего отца и дяди и воевавшим с ними двадцать лет; он завоевал у них столько земли, что сделался богатым королём. И знайте, на той стороне рукава Святого Георгия к западу оставалось совсем немного до того, чтобы он отнял почти половину. Он не пришёл под власть и милость императора.

107. Пока император Алексей находился в этом походе, в Константинополе случилось ещё одно великое несчастье: началась ссора между греками и латинянами, жившими в Константинополе, которых там было множество, и не знаю какие люди со злым умыслом подожгли город. Пожар был столь велик и страшен, что никто не мог его потушить или ослабить. Когда бароны войска, расположившиеся по другую сторону гавани, увидели это, они были чрезвычайно опечалены и испытывали великое сострадание, видя, как рушатся и гибнут высокие церкви и богатые дворцы. Великие торговые улицы горели, и они ничего не могли сделать. Так

огонь охватил город от гавани поперёк, через самую густонаселённую его часть, до моря с другой стороны, прямо напротив церкви Святой Софии, и продолжался восемь дней, не будучи потушенным человеческими усилиями; фронт пожара, по мере его распространения, имел в ширину около одного лье.

108. Никто не смог бы рассказать вам об ущербе, имуществе и богатствах, которые там погибли⁶⁶, равно как о мужчинах, женщинах и детях, многие из которых сгорели. Все латиняне, жившие внутри Константинополя, откуда бы они ни происходили, больше не осмеливались там оставаться; они взяли своих жён и детей и всё, что могли вытащить из огня или спасти, сели в лодки и суда и переправились через гавань к пилигримам; их было немало — около пятнадцати тысяч, и малых, и великих. Впоследствии пилигримам очень пригодилось то, что они перешли к ним. Так французы и греки стали чуждаться друг друга и уже не были столь близки, как прежде. При этом ни те, ни другие не знали, на кого жаловаться, хотя случившееся тяготило обе стороны.

107. Пока Алексей находился со своей армией в походе, в Константинополе произошли выдающееся несчастье и великое бедствие из-за ссоры, вспыхнувшей между греками и латинянами, во множестве жившими в городе; во время неё какие-то люди, не знаю кто именно, злонамеренно подожгли город, и пожар стал столь велик и страшен, что его невозможно было ни потушить, ни унять. Увидев это, бароны войска, стоявшие лагерем за гаванью, были чрезвычайно огорчены и с великим состраданием смотрели, как эти высокие церкви и прекрасные дворцы рушились и превращались в пепел, а большие торговые улицы вместе с неисчислимыми богатствами охватывали огонь и пламя, причём они не могли ничем помочь. Пожар начался в квартале близ гавани и, продвигаясь через самую густую часть города, уничтожил всё до другой стороны, обращённой к Пропонтиде, вдоль церкви Святой Софии, и продолжался восемь дней, не будучи потушенным; ширина его фронта доходила примерно до одного лье.

108. Что касается ущерба, причинённого пожаром, и богатств, уничтоженных этим пламенем, то их невозможно оценить, так же как невозможно назвать число мужчин, женщин и детей, окончивших жизнь в огне; вследствие этого все латиняне, жившие в Константинополе, из какой бы страны они ни происходили, больше не осмеливались там оставаться и вынуждены были уйти со своими жёнами, детьми и всем, что смогли спасти из огня, на лодках и иных судах, как могли, к пилигримам; их оказалось около пятнадцати тысяч, больших и малых. Для пилигримов оказалось весьма кстати, что они таким образом перешли к ним. С этого времени между французами и греками уже не было прежнего доброго согласия; однако ни те, ни другие не знали, на кого жаловаться и кому приписать причину, и им оставалось только сожалеть об этом происшествии.

109. В это время случилось событие, которое сильно огорчило баронов и людей войска: умер аббат Лоса, святой и добрый человек, желавший блага войску и бывший монахом ордена Сито. Так император Алексей ещё долго оставался в походе, в который вышел, до праздника Святого Мартина. Тогда он возвратился в Константинополь. Их возвращению чрезвычайно обрадовались: греки и дамы Константинополя выехали далеко навстречу своим друзьям, а пилигримы также выехали навстречу своим, чему была великая радость. Так император возвратился в Константинополь, во Влахернский дворец. Маркиз Монферратский и другие бароны возвратились к пилигримам.

⁶⁶ Следует прочитать в истории Никиты рассказ о разрушениях, причинённых этим пожаром; описание шедевров, поглощённых пламенем, неоднократно переводилось.

110. Император, весьма хорошо устроивший свои дела и считавший, что теперь от них не зависит, возгордился перед баронами и перед теми, кто сделал ему столько добра. Он уже не ездил навещать их в лагере, как делал прежде. Они посылали к нему и просили выплатить им деньги, как он обещал. Он всё откладывал срок за сроком. Время от времени он делал им маленькие и жалкие выплаты. Наконец выплаты вовсе прекратились. Маркиз Бонифаций Монферратский, который более других служил ему и находился с ним в лучших отношениях, часто ездил к нему, упрекал его за несправедливость по отношению к ним и напоминал о великой службе, которую они ему оказали, подобной которой никогда никому не оказывали. Но император всё отсрочивал и не исполнял ничего из обещанного. Наконец они ясно увидели и поняли, что он ищет лишь зла. Бароны войска и дож Венеции созвали совет и сказали, что понимают: он не исполнит ни одного соглашения и никогда не говорит им правды; поэтому следует послать к нему добрых послов, потребовать исполнения соглашения и напомнить о службе, которую они ему оказали; если он пожелает исполнить обязательства, принять это, а если нет — от их имени объявить ему вызов.

111. Для этого посольства были избраны Конон де Бетюн, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский из Провена. Дож Венеции послал трёх знатных людей из своего совета. Послы сели на коней, препоясались мечами и вместе поехали к Влахернскому дворцу. И знайте, что они шли на большой риск и великую опасность из-за обычной измены греков. Они спешили у ворот, вошли во дворец и нашли императора Алексея и императора Исаака, его отца, сидящими рядом на двух тронах. Возле них сидела императрица, жена отца и мачеха сына, сестра короля Венгрии, прекрасная и добрая дама. Там было великое множество знатных людей, и это действительно походило на двор богатого государя.

112. По совету остальных послов речь произнёс Конон де Бетюн, весьма мудрый и красноречивый человек. «Сир, мы пришли к тебе от баронов войска и от дожа Венеции; знай, они напоминают тебе о том, что сделали для тебя, как всем известно и как очевидно. Ты и твой отец поклялись соблюдать соглашение, которое ты с ними заключил, и у них есть твои грамоты. Ты не соблюдал его так хорошо, как должен был. Они много раз требовали от тебя исполнения, а теперь мы от их имени, перед всеми твоими баронами, требуем, чтобы ты исполнил соглашение между тобой и ими. Если ты это сделаешь, они будут весьма довольны. Если же не сделаешь, знай, что отныне они не считают тебя ни сеньором, ни другом, а будут добиваться принадлежащего им всеми способами, какими смогут. И они велят тебе знать, что не причинили бы зла ни тебе, ни кому-либо другому, не объявив прежде вызова, ибо никогда не поступают изменнически и в их земле так делать не принято. Ты хорошо слышал то, что мы тебе сказали; теперь советуйся и поступай, как тебе будет угодно». Греки сочли этот вызов великой дерзостью и тяжким оскорблением и говорили, что никогда ещё никто не был настолько смел, чтобы осмелиться вызвать императора Константинополя в его собственной палате. Император Алексей и все прочие, которые прежде много раз оказывали послам прекрасный приём, теперь смотрели на них весьма недобро.

113. Во дворце поднялся большой шум; послы повернули назад, дошли до ворот и сели на коней. Когда они оказались за воротами, не было среди них человека, который не был бы чрезвычайно рад, и это неудивительно, потому что они избежали великой опасности: совсем немного не хватило, чтобы всех их убили или захватили. Так они возвратились в лагерь и рассказали баронам, как исполнили поручение. Тогда началась война, и каждый причинял противнику столько вреда, сколько мог, на суше и на море. Во многих местах французы и греки сходились в бою. И, благодарение Богу, ни разу они не сходились так, чтобы греки не потеряли

больше, чем французы. Война продолжалась довольно долго, до самой середины зимы. Тогда греки придумали весьма хитрый замысел: взяли семнадцать больших кораблей, наполнили их крупным сухим лесом, хворостом, паклей, смолой и бочками и стали ждать, пока сильный ветер не подует в сторону наших. Однажды ночью, в полночь, они подожгли корабли, пустили паруса по ветру и раздули огонь так высоко, что казалось, будто горит вся земля. Так горящие суда понеслись прямо к кораблям пилигримов; в лагере поднялся крик, и со всех сторон люди бросились к оружию.

114. Венецианцы побежали к своим кораблям, как и все остальные, у кого там были суда, и начали весьма решительно спасать их. И ЖОФФРУА, МАРШАЛ ШАМПАНИ, КОТОРЫЙ ДИКТОВАЛ ЭТО СОЧИНЕНИЕ, ДОСТОВЕРНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ, ЧТО НИКОГДА НИКАКИЕ ЛЮДИ НА МОРЕ НЕ ДЕЙСТВОВАЛИ ЛУЧШЕ, ЧЕМ В ТОТ РАЗ ВЕНЕЦИАНЦЫ: они прыгали в галеры, лодки и шлюпки кораблей, цепляли горящие суда крючьями и силой буксировали их перед самыми врагами из гавани, выводили в течение пролива и отпускали горящими вниз по течению. На берег пришло такое множество греков, что им не было конца и меры. Шум стоял такой, что казалось, будто рушатся земля и море. Они садились в лодки и малые суда и стреляли по нашим, которые боролись с огнём; некоторые из наших были ранены.

115. Как только конница войска услышала тревогу, все вооружились и вышли на поле, каждый отряд на своё место, как было установлено. Они опасались, что греки нападут со стороны полей. Так они терпели этот труд и страх до белого дня. Но с Божьей помощью наши не потеряли ничего, кроме одного пизанского корабля, полного товаров: он сгорел от огня. В ту ночь они находились в огромной опасности, что весь их флот сгорит, ибо тогда они потеряли бы всё и не смогли бы уйти ни по суше, ни по морю.

116. Тогда греки, окончательно рассорившиеся с франками, так что мира между ними уже не было, тайно посоветовались, как предать своего императора. Среди них был один грек, который пользовался у него большим расположением, чем все остальные, и больше всех способствовал ссоре с французами. Этого грека звали Мурзуфл⁶⁷. По совету и с согласия других однажды вечером, около полуночи, когда император Алексей спал в своей комнате, те, кто должен был его охранять, сам Мурзуфл и находившиеся с ним, схватили его прямо в постели и бросили в темницу. Затем Мурзуфл надел пурпурные сапоги и с помощью и по совету других греков сделался императором. После этого его короновали в Святой Софии. Теперь послушайте, была ли когда-либо совершена каким-либо народом столь ужасная измена.

109. Около того же времени произошло другое несчастье, причинившее большое огорчение баронам и людям войска: умер аббат Лоса из ордена Сито, святой человек доброй жизни, всегда трудившийся ради общего блага войска. Император Алексей ещё долго оставался в походе и лишь ко дню Святого Мартина вернулся в Константинополь, где его приняли с великими проявлениями радости. Знатные греки, мужчины и дамы города, с большим кортежем выехали навстречу своим родственникам и друзьям, как и пилигримы — навстречу своим. Так император Алексей вошёл в город и расположился во Влахернском дворце, а маркиз Монферратский и другие бароны удалились в лагерь.

⁶⁷ Мурзуфл принадлежал к роду Дук и занимал тогда при императоре должность протовестиария; Никита сообщает, что этот греческий князь получил прозвище Мурзуфл (Μοῦρτζουφλος), потому что его слишком близко расположенные брови почти сходились одна с другой.

110. Между тем молодой император, полагая, что дела его теперь полностью устроены и он более ни от кого не зависит, внезапно возгордился и стал забываться по отношению к баронам, которым был столь многим обязан и которые так полезно ему послужили; он стал навещать их реже, чем прежде. Они, со своей стороны, постоянно посылали к нему, требуя исполнения соглашения, но не могли добиться никакого удовлетворения: он откладывал дело со срока на срок и время от времени делал небольшие и жалкие выплаты, пока всё не сошло на нет. Маркиз Монферратский, оказавший ему великие услуги и находившийся у него в милости, часто приезжал к нему и укорял за несправедливое обращение с ними после того, как они оказали ему такую значительную помощь в самой крайней нужде, какой никогда не оказывали ни одному государю; вместо признательности он уклонялся и не исполнял ничего из того, к чему обязался по заключённым соглашениям. Наконец они заметили и ясно поняли его недобрую волю и то, что он ищет лишь случая причинить им зло. Это заставило баронов и дожа Венеции собраться и обсудить, что делать при таких обстоятельствах; они решили, поскольку им было слишком очевидно, что этот государь не намерен исполнять соглашения и никогда не говорит им правды, постоянно прибегая к притворству, послать к нему в последний раз, потребовать исполнения обещаний и напомнить об оказанной ему службе; если он намерен исполнить обязательства, они примут его слово, если же нет — объявят ему от своего имени вызов и войну.

111. Для этого посольства были избраны Конон де Бетюн, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский из Провена, а от дожа Венеции — трое главных членов его совета; сев на коней, с мечами у пояса, они вместе отправились к Влахернскому дворцу, однако не без опасности для жизни из-за измены, обычной для греков. Спешившись у ворот, они вошли во дворец и нашли императора Алексея и императора Исаака, его отца, сидящими рядом на императорских тронах; близ них находилась императрица, мачеха Алексея, сестра короля Венгрии, весьма прекрасная и добрая дама, а также столько знатных сеньоров, что эта свита вполне походила на двор могущественного и богатого государя.

112. Конон де Бетюн, человек мудрый и красноречивый, с согласия остальных произнёс речь перед молодым императором: «Сир, мы посланы к вам французскими баронами и дожем Венеции, чтобы напомнить о великих услугах, которые они вам оказали, как всем известно и чего вы не можете отрицать; вы и ваш отец поклялись соблюдать договоры, заключённые с ними, что подтверждают находящиеся у них ваши грамоты, скреплённые большой печатью; однако вы не исполнили их, хотя обязаны это сделать. Они уже много раз требовали этого, и мы снова от их имени, в присутствии ваших баронов, требуем, чтобы вы исполнили статьи, установленные между вами и ими; если сделаете это — прекрасно, у них будет причина быть довольными; если же нет, знайте, что отныне они не считают вас ни сеньором, ни другом, но объявляют, что будут добиваться своего всеми способами, какие сочтут нужными, и желают дать вам знать, что не напали бы ни на вас, ни на кого другого без предварительного вызова, ибо в их стране не принято поступать иначе или прибегать к измене. Такова цель нашего посольства; вы примете такое решение, какое вам угодно». Греки были чрезвычайно поражены этим вызовом и сочли его великим оскорблением, говоря, что никогда никто не был настолько дерзок, чтобы вызвать императора Константинополя в его собственной палате и лично. Император Алексей также показал послам своё крайнее недовольство и смотрел на них недобро, как и все остальные, прежде бывшие их друзьями.

113. После этого во дворце поднялся великий шум; послы тем временем вышли и быстро сели на коней. Когда они оказались за воротами, не было среди них человека, который не счёл бы себя чрезвычайно счастливым, и не без причины, избавившись от столь великой опасности: совсем немного не хватило, чтобы их всех схватили или убили. Так они возвратились в лагерь

и рассказали баронам обо всём, что произошло. С этого дня началась война между греками и французами, и каждый причинял противнику столько зла, сколько мог, как на море, так и на суше. Во многих местах происходили стычки и сражения между ними, но, благодарение Богу, грекам всегда доставалось хуже. Эта война продолжалась долго, до самого сердца зимы, когда греки придумали такую хитрость: они взяли семнадцать больших кораблей и наполнили их связками хвороста и другим сухим деревом, крупным и мелким, а также большим количеством смолы и пакли в бочках; дождавшись подходящего ветра, дувшего на флот пилигримов, в самую полночь они подожгли суда и пустили их по ветру с поднятыми парусами, так что казалось, будто горит вся земля; и таким образом они понеслись прямо на корабли пилигримов. В лагере поднялась тревога, и все со всех сторон бросились к оружию.

114. Венецианцы быстро побежали к своим кораблям, как и все остальные владельцы судов, и стали спасать их с такой быстротой и мастерством, что, как могут засвидетельствовать бывшие там, никто никогда не действовал на море лучше в подобных бедствиях, чем тогда венецианцы; они тотчас прыгали в фусты, галиоты и шлюпки, цепляли длинными крючьями горящие суда, на вёслах с силой вытаскивали их из гавани и пускали вниз по течению пролива, оставляя их горящими на волю сильного ветра и волн. На берегу собралось такое множество греков, пришедших посмотреть на исход этой хитрости, что невозможно было сосчитать; они издавали столь громкие крики и вопли, что казалось, будто земля и море должны провалиться; многие садились в лодки и челны и стреляли в наших, занятых борьбой с огнём, отчего многие были ранены.

115. Как только конница войска услышала шум и тревогу, она немедленно вооружилась и вышла в поле, каждый в своём обычном боевом порядке, опасаясь, что греки нападут со стороны равнины; так они оставались готовыми к бою до рассвета, перенося много труда и беспокойства. Но, благодарение Богу, наши потеряли лишь один корабль пизанского купца, полный товаров, который полностью сгорел; остальной флот всю эту ночь находился в большой опасности подвергнуться тому же, что погубило бы всё войско и привело его в крайнее положение, лишив возможности идти дальше или назад как по суше, так и по морю.

116. Между тем греки, видя, что император окончательно порвал с французами без всякой надежды на примирение, решили сыграть с ним злую шутку и устроили против него страшную измену. При дворе императора находился греческий сеньор по имени Мурзуфл, главный его любимец, больше всех остальных побуждавший его к разрыву с французами. По совету и с согласия некоторых других он выбрал время, когда однажды около полуночи император спал в своей комнате, и по заговору со стражей и со своими сторонниками тайно вошёл внутрь, схватил его, вытащил и бросил в темницу. Сделав это, Мурзуфл надел пурпурные башмаки, один из главных знаков императорского достоинства, и с помощью и по совету своих сторонников велел провозгласить себя императором, после чего был коронован в этом качестве в Святой Софии. Но послушайте продолжение измены и вероломства и скажите, бывало ли когда-либо нечто более странное и ужасное.

117. Когда император Исаак услышал, что его сын схвачен и Мурзуфл коронован императором, он так испугался, что заболел и вскоре умер. Император Мурзуфл два или три раза пытался отравить сына Исаака, которого держал в темнице, но Богу не было угодно, чтобы тот умер. Тогда он пошёл и тайно велел его задушить. После того как он был задушен, Мурзуфл приказал повсюду объявить, что тот умер естественной смертью, и велел похоронить его с императорскими почестями и предать земле, изображая великое горе. Но убийство невозможно скрыть. Вскоре и греки, и французы ясно узнали, что убийство было совершено именно

так, как вы слышали. Тогда бароны войска и дож Венеции созвали совет; на нём присутствовали епископы, всё духовенство и те, кто имел поручение от папы. Они объяснили баронам и пилигримам, что человек, совершивший такое убийство, не имеет права владеть землёй и что все, кто ему способствует, являются соучастниками убийства; кроме того, они отделились от повиновения Риму. «Поэтому мы говорим вам, — сказало духовенство, — что эта война права и справедлива. Если вы имеете правое намерение завоевать землю и привести её к повиновению Риму, все те, кто умрёт исповедавшись, получают отпущение, которое папа вам даровал». Знайте, эти слова стали великим утешением для баронов и пилигримов. Война между французами и греками была велика: она не стихла, напротив, всё росла и усиливалась, и редко проходил день, чтобы они не сходились либо на суше, либо на море.

118. Тогда Анри, брат графа Балдуина Фландрского, совершил поход и взял с собой значительную часть лучших людей войска. С ним пошли Жак д'Авен, Балдуин де Бовуар, Эд Шамплитт, Гийом, его брат, и люди из их страны; они ехали всю ночь. На следующий день, когда уже было позднее утро, они подошли к хорошему городу, называвшемуся Филея, и взяли его; там они получили большую добычу — скот, пленников, одежду и продовольствие, которое на лодках отправили вниз по проливу в лагерь, ибо город стоял на Чёрном море⁶⁸. Они оставались в этом городе два дня, имея великое изобилие продовольствия, которого там было множество.

119. На третий день они вышли оттуда со всей добычей и со всеми приобретениями и поехали назад к лагерю. Император Мурзуфл услышал известие, что они вышли из лагеря. Ночью он покинул Константинополь с большой частью своих людей и устроил засаду на дороге, по которой они должны были возвращаться; он видел, как они проходят со всей добычей и приобретениями, отряд за отрядом, пока не подошёл арьергард. Арьергардом командовал Анри, брат графа Балдуина Фландрского, со своими людьми. Император Мурзуфл напал на них у входа в лес. Они повернулись ему навстречу, и произошла жестокая схватка. С Божьей помощью император Мурзуфл был разбит; его боевая колесница едва не была взята, он потерял императорский гонфалон и икону, которую велел носить перед собой и на которую очень полагались он и другие греки. На этой иконе была изображена Богоматерь. Он потерял около двадцати рыцарей из лучших своих людей. Так император Мурзуфл был разбит, как вы слышали, и война между ним и французами стала великой. Значительная часть зимы уже прошла, приблизилась Сретение и подошёл Великий пост.

117. Узнав, что его сын заключён в темницу, а Мурзуфл коронован императором, император Исаак испытал столь сильный страх, что заболел и вскоре умер. Тем временем Мурзуфл два или три раза пытался отравить сына, которого держал в темнице, но Бог не позволил ему умереть; увидев, что яд не достиг цели, он велел несчастного предательски задушить, распространил слух, будто тот умер естественной смертью, устроил ему великолепные похороны и велел погребсти с церемониями, соблюдаемыми для императоров, притворяясь глубоко огорчённым его смертью. Но убийство невозможно долго скрывать: греки и французы вскоре узнали о нём и о том, что всё произошло так, как вы слышали. После этого князья и бароны войска и дож Венеции собрались на совет, куда были призваны епископы, прелаты и всё духовенство, а также люди, находившиеся там от имени папы; они убедительно разъяснили баронам и пилигримам, что тот, кто совершил такое преступление против своего государя, не имеет права владеть землёй или властью, а все, кто его поддерживает, участвуют в убийстве и потому виновны; кроме того, они истинные схизматики, поскольку отделились от единства Церкви и вышли из повиновения Святому престолу в Риме. «Поэтому, — говорило духовенство, —

⁶⁸ Чёрное море.

мы уверяем вас, что война, которую вы предпринимаете, справедлива и законна. Кроме того, если вы имеете доброе намерение завоевать эту землю и привести её к повиновению Риму, вы получите те индульгенции и прощение, которые папа даровал как полное отпущение всем, кто умрёт исповедавшись и раскаявшись в своих грехах». Эта речь послужила великим ободрением и утешением баронам и пилигримам. Тем временем война между французами и греками разгорелась с новой силой и усиливалась день ото дня; почти не проходило дня без встречи или стычки на море либо на суше.

118. В это время Анри, брат Балдуина, графа Фландрии, совершил поход, взяв с собой значительную часть лучших людей войска. В числе других в этом походе участвовали Жак д'Авен, Балдуин де Бовуар, Эд Шамплитт и Гийом, его брат, вместе с людьми своей страны. Они шли всю ночь, а на следующий день, когда день уже далеко продвинулся, пришли к хорошему городу, называемому Филеей, стоявшему на Чёрном море; они взяли его силой, захватили там богатую добычу — вещи, продовольствие и пленников, которых на лодках отправили вниз по проливу прямо в лагерь, — и два дня оставались в городе, чтобы отдохнуть и подкрепиться, поскольку он был обильно снабжён всем необходимым.

119. На третий день они вышли оттуда с остатком добычи и направились обратно в лагерь. Император Мурзуфл, узнав, что они находятся в походе, ночью вышел из Константинополя с большой частью своего войска и устроил засаду на пути их возвращения; он пропустил их с добычей и отряды один за другим, пока не подошёл арьергард, которым Анри, брат графа Фландрского, командовал со своими людьми. Тогда Мурзуфл бросился на них и атаковал у входа в лес; но наши смело повернулись к нему лицом, вышли навстречу и доблестно сражались, пока император Мурзуфл не был разбит, а его боевая колесница и императорское знамя захвачены вместе с иконой, которую он велел носить перед собой и на которую он, как и все прочие греки, возлагал большое упование; на ней было изображение Богоматери. Кроме того, он потерял около двадцати лучших своих рыцарей. Так император Мурзуфл был разбит, и война между ним и французами день ото дня ожесточалась; между тем большая часть зимы прошла, наступило время Сретения и Великого поста.

120. Теперь оставим тех, кто находился перед Константинополем, и поговорим о тех, кто отправился в другие порты, и о фландрском флоте, который зимовал в Марселе и летом весь переправился в Сирию. Их было столь много, что их было значительно больше, чем тех, кто находился перед Константинополем. Теперь послушайте, какой это был ущерб, что они не были вместе с этим войском: христианство было бы от этого навеки возвышено. Но Бог не пожелал этого из-за их грехов. Одни умерли от болезней той земли, другие возвратились в свою страну и нигде в земле, куда отправились, не совершили ни подвига, ни какого-либо добра. Один отряд очень добрых людей двинулся к Антиохии, к князю Боэмунду, который был князем Антиохии и графом Триполи и воевал с королём Львом, государем армян. Этот отряд пошёл служить князю за плату. Турки той страны узнали об этом и устроили им засаду на пути, по которому они должны были пройти; они напали на них, произошёл бой, и французы были разбиты так, что ни один не спасся — все были либо убиты, либо взяты в плен.

121. Там был убит Вилен де Нёйи, один из лучших рыцарей мира, и Жиль де Тразиньи, и многие другие. Были взяты в плен Бернар де Монмирай, Рено де Дампьер, Жан де Вилье и Гийом де Нёйи, который не был в том виновен. И знайте, из восьмидесяти рыцарей, бывших в этом отряде, не осталось ни одного, кто не был бы убит или взят в плен. И книга достоверно свидетельствует, что никто, кто уклонился от венецианского войска, не избежал зла или позора. Поэтому мудро поступает тот, кто держится лучшего.

122. Теперь оставим их и поговорим о тех, кто остался перед Константинополем. Они очень хорошо приготовили свои машины, поставили на кораблях и транспортах камнемёты и мангонели и все приспособления, нужные для взятия города, а также лестницы на реях кораблей, столь высокие, что это было дивно видеть. Когда греки увидели это, они снова начали укреплять город напротив них, хотя он и без того был крепок высокими стенами и высокими башнями. Не было столь высокой башни, на которой они не построили бы ещё два или три деревянных яруса, чтобы сделать её ещё выше; никогда ни один город не был укреплён столь хорошо. Так греки и французы трудились с обеих сторон большую часть Великого поста.

123. Тогда люди войска собрались и стали советоваться, как им действовать. Много было сказано и за, и против. Но в конце концов совет постановил: если Бог даст им силой войти в город, вся добыча, которая будет взята, должна быть собрана вместе и разделена сообща, как следует. Если они овладеют городом, шесть человек от французов и шесть от венецианцев поклянутся на святых мощах избрать императором того, кого сочтут наиболее полезным для страны. Избранный ими император получит четверть всего завоевания внутри города и снаружи, а также дворец Буколеон и Влахернский дворец. Остальные три четверти будут разделены поровну между венецианцами и людьми войска. Затем выберут двенадцать самых мудрых людей из войска пилигримов и двенадцать венецианцев, и они распределят фьефы и достоинства между людьми и определят, какую службу те должны нести императору. Так это соглашение было утверждено и поклято с обеих сторон французами и венецианцами; было установлено, что по истечении марта следующего года всякий, кто пожелает, сможет уйти, а те, кто останется в стране, будут обязаны служить императору так, как будет постановлено. Так соглашение было заключено и утверждено, и все, кто не станет его соблюдать, были отлучены от Церкви.

124. Флот был очень хорошо приготовлен, и всё продовольствие пилигримов собрано. В четверг после середины Великого поста все сели на корабли, а лошадей завели в транспорты. Каждый отряд получил свой флот отдельно, и все суда были выстроены бок о бок. Корабли были отделены от галер и транспортов, и всё это было дивно видеть. Книга достоверно свидетельствует, что фронт штурма, как он был построен, простирался примерно на половину французского лье. В пятницу утром корабли, галеры и прочие суда двинулись к городу, как было установлено, и начался чрезвычайно сильный и тяжёлый приступ. Во многих местах люди высадились на сушу и дошли до самых стен, а во многих местах лестницы с кораблей были придвинуты так близко, что люди на башнях и стенах и люди на лестницах немедленно били друг друга копьями.

125. Так этот чрезвычайно тяжёлый, сильный и яростный штурм продолжался более чем в ста местах до часа noon. Но за наши грехи пилигримы были отброшены от приступа. Те, кто высадился на сушу с галер и транспортов, были силой загнаны обратно. И знайте, люди войска в тот день потеряли больше, чем греки. Греки приободрились. Одни из наших отошли от приступа вместе с судами, на которых находились. Другие остались на якоре так близко к городу, что обе стороны метали друг в друга камни из камнемётов и мангонелей.

126. Под вечер люди войска и дож Венеции созвали совет и собрались в церкви по другую сторону от места, где стояли лагерем. Там было высказано и принято много советов, и люди войска были сильно встревожены, потому что день окончился для них неудачей. Многие предлагали перейти на другую сторону города, где он был не так укреплён. Венецианцы, которые лучше знали море, сказали, что, если они пойдут туда, течение воды понесёт их суда вниз

по проливу и они не смогут их остановить. И знайте, среди них были такие, кто желал, чтобы течение унесло суда вниз по проливу или ветер унёс их ещё дальше, лишь бы они покинули эту землю и отправились прочь. И это неудивительно, ибо они находились в великой опасности. Много было сказано и за, и против. Но итог совета был таков: на следующий день, субботу, и весь воскресный день они вновь приготовят всё необходимое, а в понедельник пойдут на приступ и свяжут попарно корабли, на которых стояли лестницы. Так два корабля будут штурмовать одну башню. Они увидели, что в тот день одна башня подвергалась атаке только одного корабля и каждому отдельно было слишком трудно, потому что защитников на башне было больше, чем людей на лестнице. Поэтому было хорошим решением, что две лестницы причинят одной башне больше затруднения, чем одна. Как было решено, так и сделали. Так они ждали субботу и воскресенье.

120. Пока наши находились перед Константинополем, люди фландрского флота, зимовавшего в Марселе, летом отплыли оттуда и все переправились в Святую землю; их было больше, чем тех, кто стоял перед Константинополем. Великим несчастьем было то, что они не присоединились к этому войску, ибо, несомненно, дела христианства от этого пошли бы намного успешнее; но Бог не пожелал допустить этого из-за их грехов. Одни умерли от болезней вследствие нездорового воздуха, другие как смогли повернули назад в свои страны, не совершив ни подвига, ни добра в тех местах, куда пришли. Один отряд из лучших людей среди них пришёл к Антиохии и поступил на службу к Боэмунду, князю Антиохии и графу Триполи, который тогда воевал с Львом, королём Армении. Но турки той страны, узнав об их движении, устроили им засаду в одном проходе и дали бой, в котором французы в конце концов потерпели поражение и все остались либо убитыми, либо пленными, так что не спасся ни один.

121. Среди убитых были Вилен де Нёйи, один из лучших рыцарей мира, Жиль де Тразиньи и многие другие. Бернар де Монмирай, Рено де Дампьер и Жан де Вилье были взяты в плен вместе с Гийомом де Нёйи, который ничего не мог с этим поделать. Так из восьмидесяти рыцарей этого отряда не осталось ни одного, кто не был бы пленён или убит. Следует заметить, что никому, кто уклонился от венецианского войска, не удалось избежать позора или бедствия; это показывает, насколько мудро держаться лучшей стороны.

122. Возвращаясь к тем, кто остался перед Константинополем, скажем, что они начали готовить свои машины, ставить камнемёты и мангонели на кораблях и паландриях и вообще все машины, применяемые для осады и взятия городов, а также поднимать лестницы вдоль рей кораблей, которые были чрезвычайно высоки. Увидев это, греки стали готовиться к обороне и укреплять стены в тех местах, где наши предпринимали усилия; хотя стены и без того были высоки и снабжены сильными башнями, не было ни одной башни с этой стороны, на которой они не возвели бы ещё два или три деревянных яруса, чтобы сделать её выше, так что можно сказать: никогда крепость не была укреплена лучше. Так греки и французы трудились большую часть Великого поста, одни ради обороны, другие ради нападения.

123. Тогда люди войска собрались и держали совет, чтобы решить, что делать. После обсуждения мнений наконец постановили: если Бог позволит им силой войти в Константинополь, вся добыча должна быть принесена и разделена сообща; от французов и от венецианцев будет назначено по шесть человек, которые поклянутся на святых Евангелиях избрать императором того, кого по совести сочтут наиболее способным и пригодным к управлению государством; он получит четверть всего завоёванного как внутри города, так и снаружи, вместе с Влахернским дворцом и Буколеоном, а остаток будет разделён на две части, одну французам, другую венецианцам. Затем будут избраны двенадцать самых мудрых людей из войска пили-

grimов и двенадцать венецианцев, которые распределят фьефы и почести между теми, кому сочтут нужным, и установят службу, причитающуюся императору за каждый из них. Это было постановлено и условия с обеих сторон подтверждены клятвой, под угрозой отлучения всякому, кто нарушит их, причём каждому после конца марта следующего года предоставлялась свобода возвратиться в свою страну; те же, кто останется, будут обязаны служить императору согласно установленному порядку.

124. После этого приготовили корабли, снабдили их продовольствием и всем необходимым для войска. В четверг после середины Великого поста все погрузились на суда, а лошадей завели в паландрии. Для каждого отряда был выделен отдельный небольшой флот, суда которого стояли рядом одно с другим; круглые корабли были отделены от галер и паландрий. Это было поистине великолепное и прекрасное зрелище; построенный таким образом для приступа фронт имел около половины французского лье. На следующее утро, в пятницу, они подняли якоря и, пользуясь вёслами и парусами, подвели корабли, галеры и прочие суда к городу в том порядке, о котором было сказано, и начали суровый и жестокий приступ, высаживаясь во многих местах и доходя до подножия стен; в разных местах лестницы кораблей были придвинуты так близко, что как люди на куртинах и башнях, так и те, кто стоял на лестницах, сражались копьями.

125. Так эта тяжёлая атака продолжалась более чем в ста местах до часа noonы, когда наше несчастье, или скорее наши грехи, захотели, чтобы нас отбили; все высадившиеся на берег были силой загнаны назад и вынуждены вернуться на корабли и паландрии. Наши потеряли при этом приступе несравненно больше людей, чем греки, которые весьма обрадовались одержанному преимуществу. Некоторые с нашей стороны после отступления держались несколько дальше от стен и отвели свои суда; другие, напротив, бросили якоря настолько близко к стенам, что могли поражать друг друга камнями из камнемётов и мангонелей.

126. Под вечер люди войска и дож Венеции вновь собрались и держали совет в церкви за местом своего лагеря. Было предложено и обсуждено множество различных мнений о несчастье этого дня, которое держало всех в великой тревоге. Некоторые считали, что следует перейти на другую сторону города и расположиться там, где он не столь хорошо укреплён. Но венецианцы, лучше знавшие морское дело, объяснили, что, если они пойдут туда, течение воды против их воли понесёт их вниз по проливу и они не смогут удержать суда. И действительно, некоторые охотно пожелали бы, чтобы ветер и море таким образом унесли весь флот; им было бы безразлично всё, лишь бы уйти оттуда и вернуться домой, чему не следует слишком удивляться, учитывая великую опасность, в которой они находились. Наконец постановили, что на следующий день, субботу, и весь воскресный день будут вновь готовиться к новому приступу, который предпримут в следующий понедельник; корабли, на которых находились лестницы, свяжут попарно, чтобы два вместе могли атаковать одну башню, поскольку опыт показал, что, когда они шли по одному, защитники каждой башни числом превосходили наших людей на лестницах; две лестницы должны были действовать гораздо сильнее против одной башни, чем одна. Так постановили и ожидали понедельника, назначенного для приступа.

127. Император Мурзуфл пришёл расположиться перед местом штурма на большой площади со всеми своими силами и велел поставить там свои красные шатры. Так дело продолжалось до понедельника утром. Тогда люди на кораблях, транспортах и галерах вооружились. Жители города боялись их больше, чем в первый раз. Они так укрепились, что на стенах и башнях не было видно ничего, кроме людей. Тогда начался яростный и чудесный приступ. Каждый корабль атаковал напротив себя. Крик и шум были так велики, что казалось, будто рушится

земля. Штурм продолжался долго, пока Господь наш не поднял для них ветер, который называется Бореєм. Он придвинул корабли и суда к берегу ближе, чем прежде. Два корабля, связанные вместе, один называвшийся «Пилигримкой», другой — «Раєм», подошли к одной башне, один с одной стороны, другой с другой, так, как Бог и ветер привели их; лестница «Пилигримки» соединилась с башней, и немедленно один венецианец и один французский рыцарь по имени Андре д'Юрбуаз вошли в башню; за ними начали входить другие люди, и защитники башни дрогнули и ушли.

128. Когда рыцари, находившиеся в транспортах, увидели это, они вышли на сушу, приставили лестницу прямо к стене и силой поднялись по ней. Они захватили около четырёх башен, и тогда люди на кораблях, транспортах и галерах начали штурмовать, кто раньше, кто лучше; они сломали не менее трёх ворот, вошли внутрь и стали подниматься. Они сели на коней и поскакали прямо к лагерю императора Мурзуфла. Он построил свои отряды перед шатрами. Когда его люди увидели приближающихся конных рыцарей, они дрогнули. Император бежал по улицам к замку Буколеон⁶⁹. Тогда можно было видеть, как валяются греки и как захватывают коней, верховых лошадей, мулов, мулиц и другое имущество. Убитых и раненых было столько, что им не было ни конца, ни счёта. Большая часть знатных греков отступила к Влахернским воротам; уже близился вечер, и люди войска прекратили бой и убийство и начали собираться на большой площади внутри Константинополя. Они посоветовались и решили расположиться у стен и башен, которые захватили, потому что не думали, что смогут одолеть город и за месяц — столь сильны были его церкви, дворцы и находившийся внутри народ. Как решили, так и сделали.

127. Между тем император Мурзуфл расположился на большой площади неподалёку со всеми своими силами и приказал поставить там алые шатры и павильоны. Когда наступил понедельник, наши, находившиеся на кораблях, паландриях и галерах, все вооружились и приготовились к новому приступу; увидев это, жители города стали бояться их больше прежнего, но, с другой стороны, наши были поражены, увидев стены и башни, наполненные таким числом воинов, что ничего, кроме людей, не было видно. Тогда начался суровый и яростный штурм, каждый корабль прилагал усилия напротив своего места, а крики поднялись столь громкие, что казалось, будто земля должна провалиться. Штурм продолжался долго, пока Господь наш не поднял сильный северный ветер, который придвинул корабли ближе к земле; два из них, связанные вместе, один по имени «Пилигримка», другой — «Рай», были поднесены так близко к одной башне, один с одной стороны, другой с другой, что, как Бог и ветер направили их туда, лестница «Пилигримки» упёрлась в башню. В то же мгновение в неё вошли венецианец и французский рыцарь по имени Андре д'Юрбуаз, за которыми немедленно последовало множество других; они обратили защитников в бегство и заставили оставить башню.

128. Увидев, что их товарищи овладели башней, рыцари в паландриях тотчас выскочили на берег и, поставив лестницы у подножия стены, силой поднялись наверх и завоевали ещё четыре башни. Остальные, воодушевлённые их примером, с кораблей, паландрий и галер удвоили натиск, стараясь превзойти друг друга, взломали трое городских ворот, вошли внутрь, вывели коней из паландрий, сели на них и во весь опор поскакали к месту, где стоял лагерь императора Мурзуфла. Он построил своих людей перед шатрами и павильонами; но, увидев идущих прямо на них рыцарей на боевых конях, они обратились в бегство, и сам император побежал по улицам к замку или дворцу Буколеон. Тогда можно было видеть, как греки

⁶⁹ Дворец Буколеон, построенный на берегу моря немного к западу от Константинополя, назывался так потому, что там находилась скульптура из белого мрамора, изображавшая бой быка со львом.

падали со всех сторон, а наши захватывали коней, верховых лошадей, мулов и иную добычу; убитых и раненых было столько, что их невозможно было сосчитать. Большая часть главных греческих сеньоров отступила к Влахернским воротам. Когда уже приближался вечер и наши люди устали от боя и убийства, они протрубили отступление, собрались на большой площади внутри Константинополя и решили расположиться на ночь у стен и башен, которыми овладели, не думая, что за целый месяц смогут завоевать остальную часть города, настолько много было там крепких церквей, дворцов и других мест, пригодных для обороны, не говоря уже о множестве жителей.

129. Так они расположились перед стенами и башнями, близ своих судов. Граф Балдуин Фландрский и Эно поселился в красных шатрах императора Мурзуфла, которые тот оставил поставленными; Анри, его брат, — перед Влахернским дворцом; Бонифаций, маркиз Монферратский, со своими людьми — глубже в городе. Так войско расположилось, как вы слышали, и Константинополь был взят в понедельник Вербной недели. Граф Людовик Блуасский и Шартрский всю зиму страдал от четырёхдневной лихорадки и не мог вооружиться. И знайте, это было большим ущербом для войска, потому что он был очень добрым и сильным рыцарем телом и лежал в одном из транспортов. Так люди войска отдыхали ту ночь, будучи сильно утомлены. Но император Мурзуфл не отдыхал: он собрал всех своих людей и сказал, что пойдёт нападать на французов; но не сделал того, что сказал, а поскакал по другим улицам как можно дальше от людей войска. Он пришёл к воротам, называемым Золотыми, через них бежал и оставил город. За ним бежали все, кто мог, и люди войска ничего об этом не знали.

130. В ту ночь возле места, где расположился маркиз Бонифаций Монферратский, какие-то люди, опасавшиеся нападения греков, подожгли пространство между собой и греками. Город начал сильно загораться и пылать, горел всю ночь и следующий день до вечера. Это был третий пожар в Константинополе с тех пор, как французы пришли в страну, и домов сгорело больше, чем имеется в трёх крупнейших городах Французского королевства. Ночь прошла, наступил вторник. Утром все в войске вооружились — рыцари и сержанты, — и каждый пошёл к своему отряду. Они вышли из лагерей, полагая, что найдут ещё более сильный бой, чем прежде, ибо не знали ничего о бегстве императора. Но в тот день они не нашли никого, кто бы выступил против них.

131. Маркиз Бонифаций Монферратский всё утро двигался прямо к Буколеону. Когда он туда прибыл, дворец был ему сдан с условием сохранения жизни находившимся внутри. Там было найдено большинство знатнейших дам мира, бежавших в замок: там нашли сестру короля Франции, бывшую императрицей, сестру короля Венгрии, также бывшую императрицей, и многих других знатных дам. О сокровищах, находившихся в этом дворце, нет нужды говорить, ибо их было без конца и меры. Подобно тому как дворец Буколеон был сдан маркизу Бонифацию Монферратскому, Влахернский дворец был сдан Анри, брату графа Балдуина Фландрского, с сохранением жизни находившимся внутри. Там также было найдено столь великое сокровище, что его было не меньше, чем в Буколеоне.

132. Каждый поставил в переданном ему замке своих людей и приказал охранять сокровище. Другие же люди рассеялись по городу и получили большую добычу; добыча была столь велика, что никто не смог бы рассказать вам о её размере: золото и серебро, сосуды, драгоценные камни, бархат, шёлковые ткани, меховые одежды из беличьего меха, серого меха и горностая и все дорогие вещи, какие когда-либо находили на земле. И ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН, МАРШАЛ ШАМПАНИ, ПО СВОЕМУ ЗНАНИЮ ДОСТОВЕРНО СВИДЕТЕЛЬ-

СТВУЕТ, ЧТО С ТЕХ ПОР КАК СОЗДАН МИР, НИ В ОДНОМ ГОРОДЕ НЕ БЫЛО ВЗЯТО СТОЛЬКО ДОБЫЧИ.

133. Каждый выбрал себе жилище, какое захотел, а жилищ было достаточно. Так расположилось войско пилигримов и венецианцев, и велика была радость из-за чести и победы, которую даровал им Бог, ибо те, кто ещё недавно был в бедности, теперь находились в богатстве и наслаждении. Так они провели Вербное воскресенье и затем великую Пасху в той чести и радости, которую даровал им Бог. И они по праву должны были славить Господа нашего, потому что между всеми ими было не более двадцати тысяч вооружённых людей, а с Божьей помощью они взяли город, в котором было четыреста тысяч человек или более, и притом самый крепкий из всех больших городов мира и лучше всех укреплённый. Тогда по всему войску от имени маркиза Бонифация Монферратского, бывшего начальником войска, баронов и дожа Венеции было объявлено, чтобы вся добыча была принесена и собрана вместе, как было утверждено клятвой и под угрозой отлучения; были назначены места в трёх церквах, где поставили стражу из французов и венецианцев, самых верных, каких удалось найти. Тогда каждый начал приносить добычу и складывать её вместе.

134. Одни принесли добросовестно, другие — дурно, ибо алчность, которая является корнем всех зол, не оставила их; с этого времени алчные начали утаивать вещи. И Господь наш стал любить их меньше. Ах, Боже, как верно они вели себя до этого момента! И Господь Бог хорошо показал им...

129. Следуя этому решению, они расположились перед стенами и башнями близ своих кораблей. Граф Балдуин Фландрский поселился в алых шатрах императора Мурзуфла, которые тот оставил поставленными; Анри, его брат, — перед Влахернским дворцом; маркиз Монферратский со своими людьми — в более глубоком квартале города. Так войско заняло свои квартиры, и Константинополь был взят приступом в понедельник Вербной недели. Граф Людовик Блуаский всю зиму изнемогал от четырёхдневной лихорадки, которая не позволила ему взять оружие в этом деле и всё ещё держала его больным на корабле, что было большим ущербом для войска, поскольку он был очень храбрым и доблестным человеком. Этой ночью наши отдыхали, утомлённые боем предыдущего дня; император Мурзуфл этого не делал, но, собрав всех людей, сделал вид, что хочет ночью внезапно напасть на французов, однако вместо того, чтобы сделать, как сказал, повернул по другим улицам как можно дальше от наших людей, пока не достиг Золотых ворот, через которые бежал и оставил город. За ним ушли все, кто смог, а люди войска этого не заметили.

130. В эту ночь возле места, где расположился маркиз Монферратский, какие-то люди, боявшиеся нападения греков, подожгли квартал, разделявший их; огонь мгновенно разгорелся так сильно, что продолжался всю ночь и следующий день до вечера. Это был третий пожар в Константинополе с тех пор, как французы пришли в эту страну, и он уничтожил больше домов, чем имеется в трёх крупнейших городах Франции. На следующее утро, во вторник, едва начало светать, как все рыцари и пешие воины вооружились, вышли из квартир и построились каждый в своём отряде, думая, что им предстоит сражаться ещё больше, чем прежде, потому что не знали о бегстве императора; однако они не встретили никого, кто оказал бы им сопротивление.

131. Маркиз Бонифаций Монферратский всё утро вёл свои войска прямо к дворцу Буколеон, который находившиеся внутри сдали ему с сохранением жизни; там нашли величайших принцесс мира, укрывшихся в замке, а именно сестру короля Франции, бывшую императрицей, и сестру короля Венгрии, также бывшую императрицей, вместе со многими другими знат-

ными дамами. Я не говорю о неисчислимых богатствах, находившихся во дворце; в то же время, когда он был передан маркизу Монферратскому, Влахернский дворец также перешёл во владение Анри, брата графа Фландрского, на тех же условиях, и там было найдено сокровище не меньшее, чем в Буколеоне.

132. Каждый из них поставил своих людей в переданном ему замке и велел тщательно охранять находившиеся там богатства; остальные, рассеявшись по городу, взяли огромную добычу, такую, что невозможно выразить, сколько они получили золота и серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата и других шёлковых тканей, изысканных мехов, куницы, белки, серого меха, горноста и прочих столь же дорогих вещей; поэтому можно поистине сказать, что со времени сотворения мира никогда в завоёванном городе не брали столь большой добычи.

133. Всё войско расположилось, где кому было угодно, потому что места хватало, и пилигримы, и венецианцы; среди них была великая радость по поводу знаменательной победы, которую Бог им даровал и благодаря которой те, кто прежде был доведён до крайней бедности и нужды, в одно мгновение оказались в изобилии всякого добра и наслаждений. Так они провели Вербное воскресенье и последовавший праздник Пасхи в чувствах необычайной радости, имея все мыслимые причины благодарить Бога за то, что, имея во всём войске лишь двадцать тысяч воинов, они стали хозяевами более чем четырёхсот тысяч человек в самом крепком, самом большом и лучше всего укреплённом городе мира. Тогда по всему лагерю от имени маркиза Монферратского как главного начальника войска, баронов и дожа Венеции было публично объявлено, чтобы вся добыча была принесена сообща, как было установлено клятвой и под угрозой отлучения. Для её сбора выбрали три церкви и поставили охранять их некоторое число французов и венецианцев из самых добрых и верных людей, каких можно было выбрать; после этого каждый начал приносить то, что взял при разграблении города, и складывать в общее место.

134. Одни поступили хорошо и честно, другие — нет; последние, движимые алчностью, которая является источником и корнем всех зол, с этого времени начали заботиться каждый о своём и утаивать взятое, и из-за этого Господь наш стал любить их меньше. Ах, Боже, как хорошо они держались до тех пор...

...что во всех их делах Он почтил и возвысил их над всеми прочими народами; но часто добрые терпят ущерб из-за дурных. Добычу и богатства собрали вместе; и знайте, что далеко не всё было принесено, однако собранное разделили между французами и венецианцами поровну, как было установлено их союзным договором. После раздела французы выплатили из своей половины венецианцам пятьдесят тысяч марок серебра и затем распределили между своими людьми около ста тысяч. А знаете как? Два пеших сержанта получали столько же, сколько один конный сержант, а два конных сержанта — столько же, сколько один рыцарь. И знайте, никогда честь их не была бы столь велика, если бы всё было сделано именно так, как постановили, и если бы добычу не утаивали. Тех же, кого уличали в утаивании, сурово карали, и немало было повешено.

135. Граф де Сен-Поль повесил одного из своих рыцарей, повесив ему на шею щит, за то, что тот удержал часть добычи. И было много таких, и малых и великих, которые тоже удержали добычу, но об этом не узнали. Вы можете понять, насколько огромно было богатство, если, не считая утаённого и не считая доли венецианцев, пришлось более четырёхсот тысяч марок серебра и около десяти тысяч верховых и вьючных животных. Так была разделена добыча Константинополя, как вы слышали.

136. Тогда они собрались на совет и спросили всё войско, что следует делать дальше, согласно тому, что было условлено. После долгих разговоров назначили другой день, когда должны были избрать двенадцать человек, которым предстояло совершить выбор. Не могло быть иначе, чтобы вокруг столь великой чести, как империя Константинополя, не оказалось многих желающих и завистников. Главный спор был между графом Балдуином Фландрским и Эно и маркизом Бонифацием Монферратским, и все говорили, что императором станет один из них. Когда добрые люди войска, державшиеся стороны того и другого, увидели это, они стали советоваться между собой и сказали: «Сеньоры, если избрать одного из этих двух великих людей, другой может вспылать такой завистью, что уведёт с собой всех своих людей, и тогда земля может быть потеряна; так едва не была потеряна Иерусалимская земля, когда после её завоевания избрали Готфрида Бульонского, ибо граф де Сен-Жиль позавидовал ему настолько, что побуждал других баронов и всех прочих оставить войско. Многие ушли, и оставшихся было так мало, что, если бы Бог не поддержал их, земля была бы потеряна. Поэтому следует остерегаться, чтобы с нами не случилось того же, и постараться удержать обоих: тому из них, кого Бог позволит избрать императором, другой не должен завидовать. Пусть избранный отдаст другому всю землю за проливом со стороны Турции и остров Крит, а тот станет его вассалом. Так мы сможем удержать обоих». Как было предложено, так и сделали, и оба охотно согласились. Настал день совета, собрание состоялось, и избрали двенадцать — шесть от одной стороны и шесть от другой. Они поклялись на святынях, что честно и добросовестно выберут того, кто более всего нужен и лучше всего способен управлять империей. После этого назначили день и собрались в богатом дворце, где жил дож Венеции, одном из прекраснейших в мире.

137. Там собралось великое множество людей, и это неудивительно, ибо каждый хотел увидеть, кто будет избран. Позвали двенадцать выборщиков и поместили их в очень богатую часовню внутри дворца. Совет длился до тех пор, пока они не пришли к согласию, и с общего согласия поручили говорить Нивелону, епископу Суассонскому, одному из двенадцати. Они вышли к баронам и дожу Венеции; и можете себе представить, сколько глаз было обращено на них и как все желали узнать результат. Епископ сказал: «Сеньоры, слава Богу, мы пришли к согласию и избрали императора; вы все поклялись признавать императором того, кого мы выберём, и помогать ему против всякого, кто станет противиться. И мы назовём его в час, когда родился Бог: граф Балдуин Фландрский и Эно». Во дворце поднялся громкий крик радости. Его понесли в церковь, и маркиз Бонифаций Монферратский шёл первым с одной стороны и оказывал ему все возможные почести. Так граф Балдуин Фландрский и Эно был избран императором, а день коронации назначили через три недели после Пасхи. И можете знать, что к коронации приготовили множество богатых одежд, а средств для этого у них было достаточно.

138. До коронации маркиз Бонифаций Монферратский женился на императрице, бывшей супруге императора Исаака и сестре короля Венгрии. В то же время умер один знатный барон войска — Эд Шамплитт. Его много оплакивали брат Гийом и другие его друзья, и похоронили с великими почестями в церкви Святых Апостолов.

135. Граф де Сен-Поль также велел повесить одного из своих рыцарей, обвинённого и уличённого в том, что тот удержал часть добычи, причём на шею ему повесили его щит. Было и много других, как знатных, так и простых, которые не принесли то, что должны были принести, хотя это не принадлежало им по праву, но их не разоблачили. Отсюда легко судить, насколько велика была добыча, взятая в Константинополе: даже без того, что было скрыто и утаено, и без доли венецианцев французам досталось более четырёхсот тысяч марок серебра и свыше

десяти тысяч животных — как верховых коней, так и вьючных. Так был произведён раздел всей добычи, взятой в Константинополе.

136. После этого они собрались и держали совет с общиной войска о том, что следует делать дальше согласно прежнему решению; после многих обсуждений постановили назначить другой день, в который будут избраны двенадцать человек для выбора императора. Нет сомнения, что на столь высокую честь и достоинство, как императорская власть в Константинополе, нашлось немало претендентов. Главными соперниками были Балдуин, граф Фландрии и Эно, и Бонифаций, маркиз Монферратский, и все полагали, что избран будет один из них. Видя это, добрые люди, державшие сторону того и другого, стали советоваться между собой и сказали: «Сеньоры, если будет избран один из этих двух великих и могущественных князей, следует опасаться, что другой из зависти уведёт с собой значительную часть войска, и тогда все наши завоевания могут быть потеряны, как едва не случилось со Святой землёй, когда после её завоевания королём избрали Готфрида Бульонского, а граф де Сен-Жиль настолько ему позавидовал, что стал убеждать сеньоров, баронов и остальных вернуться домой; многие тогда ушли, и людей осталось так мало, что, если бы Бог особенно не поддержал их, они могли бы потерять всю землю за морем. Поэтому надо позаботиться, чтобы с нами не случилось подобного, и сделать так, чтобы оба остались: пусть тот, кому Бог даст стать императором, удовлетворит другого. Для этого тот, кто получит империю, должен отдать другому все земли за проливом со стороны Турции вместе с островом Кандией, а тот принесёт ему оммаж и станет его вассалом; так мы сможем удержать обоих». С этим согласились, и оба соперника также приняли это условие. Когда настал назначенный день собрания, были выбраны двенадцать — шесть от одной стороны и шесть от другой; они поклялись на святых Евангелиях честно и добросовестно избрать того, кого по совести сочтут наиболее способным владеть империей и наиболее полезным для общего дела. Затем назначили другой день для самого избрания и в назначенный срок собрались во дворце дожа Венеции, одном из прекраснейших дворцов мира.

137. Там собралось великое множество народа, и неудивительно: всех влекло любопытство и желание узнать, кто будет избран. Двенадцать выборщиков были вызваны и помещены в очень богатую часовню внутри дворца, где совещались до тех пор, пока не пришли к единому мнению, после чего поручили Нивелону, епископу Суассонскому, одному из двенадцати, говорить за остальных; затем они вышли туда, где находились все бароны и дож Венеции. Можно представить, как многие смотрели на них, нетерпеливо желая узнать, кто избран. Тогда епископ сказал: «Сеньоры, слава Богу, мы пришли к согласию избрать императора; вы все поклялись и обещали признавать того, кого мы изберём, а если кто-либо станет противиться, помогать ему всеми силами; поэтому в час, когда родился Иисус Христос, мы называем вам его: это Балдуин, граф Фландрии и Эно». Тотчас по всему дворцу поднялся громкий крик радости; бароны понесли избранного прямо в церковь, и сам маркиз Монферратский прежде всех оказывал ему все почести, какие мог. Так Балдуин, граф Фландрии, был избран императором, а коронацию назначили через три недели после Пасхи. Между тем каждый готовился одеться настолько богато, насколько мог, и средств для этого у всех хватало.

138. В дни перед коронацией Бонифаций, маркиз Монферратский, женился на вдовствующей императрице, супруге покойного императора Исаака и сестре короля Венгрии. В те же дни умер один из знатных сеньоров войска, Эд Шамплитт; его очень оплакивали и сожалели о нём Гийом, его брат, и другие друзья, и он был с большой торжественностью похоронен в церкви Святых Апостолов.

139. Приблизился день коронации, и император Балдуин был коронован с великой радостью и почестями в церкви Святой Софии в год от воплощения Иисуса Христа 1204. О радости и празднестве нет нужды говорить, ибо бароны и рыцари сделали всё, что только могли. Маркиз Бонифаций Монферратский⁷⁰ и граф Людовик почитали его как своего государя. После великого торжества коронации его с великолепной процессией отвели в богатый дворец Буколеон, прекраснее которого едва ли можно было видеть; когда праздник завершился, он занялся делами.

140. Бонифаций, маркиз Монферратский, потребовал, чтобы император исполнил соглашение и передал ему землю за проливом со стороны Турции и остров Крит. Император признал, что обязан это сделать, и охотно согласился. Когда маркиз увидел, что император столь добросовестно намерен исполнить соглашение, он попросил вместо этой земли дать ему королевство Фессалоникийское⁷¹, поскольку оно находилось со стороны владений короля Венгрии, сестру которого он взял в жёны. Об этом много говорили различным образом, но в конце концов император согласился. Маркиз принёс ему оммаж, и всё войско очень обрадовалось, потому что маркиз был одним из доблестнейших рыцарей мира и одним из самых любимых, ибо никто не делился с людьми щедрее его. Так маркиз Монферратский остался в этой земле, как вы слышали.

139. Когда наступил день коронации, император Балдуин был с великой радостью и великолепием коронован в церкви Святой Софии в 1204 году от воплощения Господа нашего; маркиз Бонифаций Монферратский и граф Людовик Блуаский присутствовали и воздавали ему должные почести как своему верховному государю, как и все остальные бароны и рыцари. Оттуда его с большой пышностью и многочисленной свитой отвели в богатый и великолепный дворец Буколеон; когда церемония завершилась, он начал заниматься государственными делами.

140. Маркиз Монферратский прежде всего потребовал, чтобы, согласно договорённости, ему передали земли за проливом в сторону Натолии вместе с островом Кандией. Император, признавая справедливость требования, охотно согласился. Видя столь искреннюю готовность императора держать слово, маркиз попросил вместо тех земель дать ему королевство Фессалоники, потому что оно граничило с владениями короля Венгрии, на сестре которого он женился. Это некоторое время обсуждали, но в конце концов император согласился, и маркиз принял королевство от него в ленное владение и принёс оммаж. Войско всеобщей радостью встретило решение, потому что Бонифаций был одним из лучших рыцарей мира и одним из самых щедрых и благодетельных, и никто не раздавал своего имущества столь свободно, как он. Так маркиз Монферратский остался в завоёванной земле.

141. Император Мурзуфл ещё не удалился от Константинополя более чем на четыре дня пути и увёл с собой императрицу, бывшую женой императора Алексея, который прежде бежал, и её дочь. Тот император Алексей находился со всеми своими людьми в городе, называемом Мессинополем, и ещё удерживал значительную часть страны. Тогда знатные люди Греции разошлись, и многие переправились через пролив в сторону Турции, каждый захватывая для себя столько земли, сколько мог, а другие разошлись по различным областям империи, каждый в

⁷⁰ Греческая «Хроника Романии» сообщает нам, что после коронации Балдуина ломбардцы громко жаловались на то, что маркиз Монферратский не был избран; мудрость Энрико Дандоло успокоила недовольных.

⁷¹ Салоники, или Фессалоники, называемые турками Селаником, после Константинополя являются самым торговым городом Европейской Турции; в Салониках насчитывают около 70 000 жителей — турок, евреев и греков.

свою сторону. Вскоре император Мурзуфл захватил город Чурлот, который уже перешёл под власть императора Балдуина, разграбил его и взял всё, что там нашёл.

141. Между тем император Мурзуфл удалился от Константинополя не более чем на четыре дня пути и увёл с собой жену и дочь императора Алексея, который прежде захватил власть у своего брата Исаака, а затем бежал. Этот Алексей находился тогда со своими войсками в городе Мессинополе и ещё владел значительной частью окрестных провинций. С другой стороны, крупнейшие греческие сеньоры разошлись кто куда — как в Натолию за проливом, так и в другие части империи, где каждый становился хозяином тех областей и городов, которые находились ему под рукой. Мурзуфл также примерно в это время захватил город, уже признавший власть императора Балдуина, называвшийся Чурлотом, полностью его разграбил и унёс всё, что там смог найти.

142. Когда известие об этом дошло до императора Балдуина, он посоветовался с баронами и дожем Венеции. Совет постановил, чтобы он без промедления выступил со всем войском для завоевания земель империи, а Константинополь, недавно взятый и населённый греками, оставил под достаточной охраной. Решение было принято, войско призвали к походу и определили тех, кто останется в Константинополе. Остались граф Людовик Блуаский и Шартрский, который был болен и ещё не выздоровел, дож Венеции и Конон де Бетюн во дворцах Влахерн и Буколеон для охраны города. Жоффруа, маршал Шампани, Милон Брабантский и Манассе де Лиль со своими людьми, а также все остальные приготовились идти с императором.

143. Прежде чем император Балдуин вышел из Константинополя, его брат Анри по его приказу отправился вперёд примерно со ста очень добрыми воинами. Он шёл от города к городу, и всюду жители приносили императору клятву верности. Так он дошёл до Адрианополя⁷², очень хорошего и богатого города, где жители охотно приняли его и также принесли клятву верности императору. Анри расположился в городе со своими людьми и оставался там до прибытия императора Балдуина. Император Мурзуфл, узнав об их приближении, не осмелился ждать их и всё время отступал на два или три дня пути впереди них, пока не прибыл в Мессинополь, где находился император Алексей. Мурзуфл послал к нему гонцов и сообщил, что готов помогать ему и исполнять все его распоряжения. Император Алексей ответил, что тот будет принят как сын, что он хочет дать ему в жёны свою дочь и сделать его своим сыном. Тогда император Мурзуфл расположился лагерем перед Мессинополем, поставил шатры и павильоны, а Алексей жил внутри города. Они встретились и договорились быть как одно целое. Так они провели несколько дней — один в лагере, другой в городе. Затем император Алексей пригласил императора Мурзуфла прийти к нему на обед, после чего они вместе должны были пойти в баню; как было задумано, так и сделали.

144. Когда император Мурзуфл вошёл в его дом, император Алексей позвал его в одну комнату, велел повалить на землю и вырвать ему глаза — такой изменой, как вы слышали. Теперь судите, заслуживали ли эти люди владеть землёй, если они совершали друг против друга столь великие жестокости. Когда люди императора Мурзуфла узнали об этом, они рассеялись и бежали кто куда; некоторые перешли к императору Алексею, признали его государем и остались при нём.

⁷² Адрианополь, столица Румелии, называемый турками Эдирне, построен на берегах реки Тунджа и насчитывает около 100 000 мусульманских и христианских жителей.

142. Когда известие о взятии Чурлота дошло до императора Балдуина, он посоветовался с баронами и дожем Венеции, которые решили, что ему следует без дальнейшего промедления выступить со своей армией для завоевания земель империи и оставить недавно взятый Константинополь, населённый греками, с достаточным гарнизоном. Согласно этому решению войско должно было выступить, а людей для охраны города выбрали заранее: граф Людовик Блуаский и Шартрский, всё ещё нездоровый и не вполне оправившийся после болезни, дож Венеции и Конон де Бетюн остались во дворцах Влахерн и Буколеон; Жоффруа, маршал Шампани, Милон Брабантский, Манассе де Лиль со своими людьми и все остальные готовились сопровождать императора.

143. Но прежде чем император вышел из Константинополя, его брат Анри отправился вперёд примерно со ста добрыми воинами и прошёл от города к городу; в каждом месте жители переходили под власть императора и приносили ему клятву верности. Так он дошёл до Адрианополя, весьма хорошего и богатого города, жители которого хорошо приняли его и принесли ту же клятву и оммаж; затем он расположился там со своими людьми, ожидая брата, прибывшего несколькими днями позже. Как только император Мурзуфл узнал о движении французского войска, он не осмелился его ждать и всё время отступал перед ним на два или три дня пути, пока не оказался близ Мессинополя, где находился император Алексей. Он отправил к нему послов, сообщая, что готов прийти ему на помощь и повиноваться во всём, чего тот пожелает. Алексей ответил, что Мурзуфл будет желанным гостем, что он примет его как сына и хочет отдать ему в жёны свою дочь. Мурзуфл расположился лагерем перед Мессинополем и поставил шатры, тогда как Алексей находился в городе. Они встретились, поклялись взаимно помогать друг другу и отныне иметь общие интересы. После этого несколько дней один оставался в лагере, другой — в городе, пока Алексей, видя, что Мурзуфл ничего не подозревает, не пригласил его обедать у себя и затем вместе отправиться в баню. Так и было сделано.

144. Но едва император Мурзуфл вошёл в дом Алексея, тот велел завести его в комнату, бросить на землю и вырвать ему глаза. По этому примеру можно судить, достойны ли были столь вероломные люди владеть каким-либо государством, если они постоянно совершали друг против друга подобные жестокости. Узнав об этом, люди императора Мурзуфла рассеялись и разбежались кто куда; некоторые из них перешли к Алексею, признали его императором и впоследствии служили в его войске.

145. Примерно в то же время император Балдуин вышел из Константинополя со всей своей армией и пришёл прямо в Адрианополь, где встретил брата Анри и тех, кого тот привёл. Все земли, через которые он проходил, подчинялись ему. Тогда пришла весть, что император Алексей велел ослепить императора Мурзуфла; об этом много говорили и справедливо замечали, что люди, столь вероломно обращающиеся друг с другом, не имеют права владеть землёй. Император Балдуин решил идти прямо к Мессинополю, где находился Алексей; однако греки Адрианополя просили его как государя оставить в городе гарнизон из-за Иоанна, короля Влахии и Болгарии, который часто нападал на них. Император оставил им Эсташа де Сомбрюи, храброго и доблестного фламандского рыцаря, с сорока отборными рыцарями и ста конными сержантами.

146. Так император Балдуин вышел из Адрианополя и двинулся к Мессинополю, надеясь найти там императора Алексея. Все земли, через которые он проходил, приходили к нему в повиновение и отдавались на его милость. Увидев это, император Алексей покинул Мессинополь и бежал. Балдуин дошёл до города, жители вышли ему навстречу и сдали город под его власть. Тогда он сказал, что останется там ждать Бонифация, маркиза Монферратского, ещё

не прибывшего к войску, поскольку тот не мог двигаться так быстро, как император, ибо вёз с собой свою жену-императрицу. Маркиз шёл до тех пор, пока не подошёл к Мессинополю, расположился у реки, поставил шатры и павильоны, а на следующий день пришёл увидеть императора Балдуина и потребовать исполнения соглашения.

147. «Сир, — сказал он, — мне пришли вести из Фессалоники: люди той страны сообщают, что охотно примут меня своим государем. Я ваш вассал и держу эту землю от вас, поэтому прошу позволить мне отправиться туда. Когда я вступлю во владение своей землёй и городом, я привезу вам продовольствие, прибуду готовым исполнять ваши распоряжения; не разоряйте мою землю, а если вам угодно, пойдём против Иоанна, короля Влахии и Болгарии».

145. Примерно в то же время император Балдуин вышел из Константинополя и выступил со всей армией; он пошёл прямо к Адрианополю, где нашёл брата Анри и тех, кого тот привёл. Все места на его пути подчинились его власти. Тогда они узнали, что император Алексей приказал вырвать глаза Мурзуфлу; это дало им повод говорить, что люди, обращающиеся друг с другом с такой бесчеловечностью и вероломством, недостойны владеть империей. Балдуин решил идти прямо к Мессинополю, где находился Алексей, но греки Адрианополя просили его как своего государя оставить в городе гарнизон, потому что Иоанн, король Влахии и Болгарии, часто нападал на них. По их просьбе император оставил Эсташа де Сомбрюи, фламандского рыцаря, храброго и доблестного, с сорока отборными рыцарями и их конными людьми.

146. Отдав этот приказ, он покинул Адрианополь и двинулся с войском к Мессинополю, где рассчитывал ещё найти императора Алексея; все земли по пути также переходили под его власть. Но Алексей, заранее узнав о движении императора, уже покинул город и бежал. Когда Балдуин приблизился к Мессинополю, жители вышли навстречу и передали ему ключи. Войдя в город, он решил подождать маркиза Монферратского, ещё не прибывшего к войску, поскольку тот из-за императрицы, своей жены, не мог делать такие большие переходы, как император. Маркиз вскоре прибыл и расположился у реки, где поставил павильоны; на следующий день он пришёл к императору Балдуину и попросил исполнить договор.

147. «Сир, — сказал он, — я получил вести из Фессалоники, и жители этой земли сообщают, что охотно примут меня и признают своим государем; эту землю я держу от вас и являюсь вашим вассалом, поэтому разрешите мне отправиться туда. Когда я вступлю во владение городом и королевством, я вернусь к вам готовым исполнять ваши распоряжения и привезу продовольствие и припасы. А пока не разоряйте мою землю своей армией, но лучше, если вам угодно, пойдём против Иоанна, короля Влахии и Болгарии, который несправедливо захватил значительную часть страны».

148. Император Балдуин, не посоветовавшись, ответил, что не позволит ему идти и что сам направится к Фессалонике, чтобы принять сдачу города и области. Маркиз ответил, что если император войдёт в его землю, то он не пойдёт с ним и употребит все силы, чтобы помешать ему. Так между ними возник великий спор и сильный гнев; император двинулся к Фессалонике, а маркиз отошёл назад.

149. Маркиз Бонифаций Монферратский вернулся к Мессинополю, а оттуда отправился к городу, называемому Дидимотикой, одному из самых сильных и богатых в Романии. Жители сдали ему город, поскольку прежде уже были ему подчинены, и он оставил там свою жену-императрицу. Затем он собрал людей и пошёл к Адрианополю, где стоял императорский гар-

низон. Он расположился перед городом и начал осаду. Когда находившиеся в городе люди увидели это, они очень встревожились.

148. Император, не посоветовавшись ни с кем, ответил, что не даст ему разрешения идти туда и что сам хочет идти к Фессалонике, чтобы принять покорность города и страны. Маркиз, разгневавшись, заявил, что если император вступит в его владения, он не станет его сопровождать и употребит все силы, чтобы не допустить этого. Так между двумя государями возникло серьёзное разногласие, после чего император направился к Фессалонике, а маркиз повернул назад.

149. Бонифаций Монферратский вернулся к Мессинополю, затем двинулся к Дидимотике, одному из сильнейших и богатейших городов Романии. Жители передали ему город, поскольку прежде уже признавали его, и там он оставил императрицу, свою жену. Затем он собрал войска и подошёл к Адрианополю, где находился гарнизон императора, расположился перед городом и начал осаду; находившиеся внутри люди были сильно встревожены.

150. Эташ де Сомбрюи, которого император оставил в Адрианополе, узнав о приходе маркиза, немедленно отправил двух гонцов, ехавших день и ночь, в Константинополь к дожу Венеции, графу Людовику Блуаскому и другим баронам, оставшимся в городе, чтобы сообщить, что между императором и маркизом возник раздор, что маркиз занял Дидимотику, один из сильнейших и богатейших городов империи, и теперь осадил их в Адрианополе. Узнав это, они сильно опечалились, ибо ясно видели, что из-за этой ссоры все завоевания могут быть потеряны.

151. Дож Венеции, граф Людовик Блуаский и другие бароны, находившиеся в Константинополе, собрались во Влахернском дворце, сильно разгневанные на тех, кто посеял эту ссору. Они избрали послов и отправили их к маркизу, находившемуся под Адрианополем; среди них были Жоффруа, маршал Шампани, Манассе де Лиль и другие добрые люди. Они выехали из Константинополя и прибыли к Адрианополю, где шла осада. Маркиз, узнав об их прибытии, вышел им навстречу вместе с Жаком д'Авенем, Гийомом де Шамплиттом, Гуго де Колиньи и Оттоном де ла Рошем, главными людьми своего совета, и принял их с большими почестями.

152. Жоффруа, маршал Шампани, которому маркиз доверял и которого очень любил, сурово упрекнул его за то, что он столь поспешно выступил против земель императора и осадил его людей в Адрианополе, не пожаловавшись прежде тем, кто оставался в Константинополе и мог бы добиться возмещения причинённой ему несправедливости. Маркиз оправдывался тем, что несправедливость императора вынудила его поступить так. Но с помощью Бога и баронов, входивших в совет маркиза, маршал добился того, что маркиз согласился передать решение спора дожу Венеции, графу Людовику Блуаскому, Конону де Бетюну и Жоффруа де Виллардуэну, маршалу, которые хорошо знали соглашение между двумя сторонами. Так между войском маркиза и городом заключили перемирие. И знайте, что возвращению Жоффруа маршала и Манассе де Лилиа очень радовались как люди войска, так и жители города, желавшие мира с обеих сторон. И насколько французы были рады, настолько греки, желавшие войны и распри, были огорчены. Так осада Адрианополя была снята, а маркиз со всеми своими людьми вернулся в Дидимотику, где находилась его жена-императрица.

150. Эташ де Сомбрюи, которого император оставил для охраны Адрианополя, как только увидел, что маркиз подошёл к городу, поднял людей на стены и башни и приготовился к защите. Затем он послал двух гонцов, ехавших день и ночь, к дожу Венеции, графу Блуаскому

и другим людям, которых император оставил в Константинополе, сообщить, что между ним и маркизом возникла серьёзная ссора, что маркиз захватил Дидимотику, один из самых сильных и богатых городов Восточной империи, и оттуда пришёл осадить Адрианополь. Узнав это, они сильно опечалились, предвидя, что из-за этой распри все их завоевания могут быть потеряны.

151. Дож Венеции, граф Блуаский и другие бароны, находившиеся в Константинополе, собрались во Влахернском дворце, чрезвычайно раздражённые против тех, кто разжёл ссору. Они решили послать к маркизу, осаждавшему Адрианополь, Жоффруа, маршала Шампани, Манассе де Лиля и других добрых людей, которых сочли наиболее подходящими для примирения. Послы вышли из Константинополя и дошли до Адрианополя. Узнав об их прибытии, маркиз вышел навстречу в сопровождении Жака д'Авена, Гийома де Шамплитта, Гуго де Колиньи и Оттона де ла Роша, главных членов своего совета, и принял их с величайшим радушием.

152. Жоффруа, маршал Шампани, пользовавшийся его доверием и весьма им любимый, резко упрекнул его за то, что он столь легкомысленно напал на земли императора и осадил его людей в Адрианополе, не обратившись прежде к тем, кто оставался в Константинополе и мог добиться исправления всякой несправедливости, причинённой ему императором. Маркиз долго оправдывался, говоря, что несправедливость императора вынудила его к этому. Тем не менее маршал Шампани с помощью Бога и баронов совета маркиза, к которому сам маркиз был очень расположен, добился от него обещания передать спор на решение дожа Венеции, графа Блуаского, Конона де Бетюна и самого Жоффруа де Виллардуэна, хорошо знавших соглашения. Благодаря этому между войском маркиза и городом было заключено перемирие и прекращены военные действия; и люди обеих сторон, желавшие мира между двумя государями, очень радовались возвращению маршала и Манассе де Лилля. Но насколько французы были рады этому примирению, настолько греки были раздражены и огорчены, ибо страстно желали продолжения ссоры и войны. Так осада Адрианополя была снята, и маркиз возвратился со своей армией в Дидимотику, где оставил императрицу, свою жену.

153. Послы возвратились в Константинополь и рассказали, как исполнили поручение. Дож Венеции, граф Людовик и все остальные очень обрадовались тому, что маркиз передал им решение вопроса о мире. Тогда они избрали хороших послов, написали письма и отправили к императору Балдуину, сообщая, что маркиз передал спор на их решение и дал твёрдое обещание; поэтому и императору следует сделать то же, а они просят его согласиться, поскольку ни в каком случае не допустят продолжения войны и просят его заверить, что он примет их решение, как сделал маркиз. Между тем император Балдуин завершил дела у Фессалоники, вышел оттуда, оставив город под охраной своих людей и назначив начальником Ренье де Монса, очень храброго и доблестного человека. Тогда же до него дошли вести, что маркиз взял Дидимотику, владеет большой частью окрестной земли и осадил его людей в Адрианополе.

154. Император Балдуин очень разгневался, услышав эту новость, и поспешил, говоря, что пойдёт снимать осаду Адрианополя и причинит маркизу весь вред, какой сможет. Ах, Боже, какой ущерб мог возникнуть из этой распри: если бы Бог не послал совета, христианство было бы погублено. Балдуин двинулся обратно по своим переходам. Перед Фессалоникой с войском случилось большое несчастье: многие заболели, многие оставались в замках и городах на пути, не имея сил ехать дальше, а многих несли на носилках с великими страданиями.

155. Тогда в Серрах умер мэтр Жан де Нуайон, канцлер императора Балдуина, очень добрый, мудрый и учёный клирик, который много утешал войско словом Божиим, ибо умел хорошо проповедовать; знайте, добрые люди войска были очень опечалены его смертью.

Вскоре случилось ещё одно великое несчастье: умер Пьер д'Амьен, богатый и знатный человек, хороший и храбрый рыцарь. Граф Гуго де Сен-Поль, его двоюродный брат, и всё войско сильно его оплакивали. Затем умер Жирар де Машикур, что также огорчило всех, ибо он был очень уважаемым рыцарем, а также Жиль д'Онуай и многие другие добрые люди. На этом пути умерло сорок рыцарей, отчего войско сильно ослабело. Продолжая путь, император Балдуин встретил послов, выехавших из Константинополя ему навстречу. Один из них был рыцарем графа Людовика Блуаского, его вассалом, по имени Бег де Франсюра, человек мудрый и красноречивый. Он очень решительно передал слова своего государя и других баронов и сказал: «Сир, дож Венеции, граф Людовик, мой государь, и другие бароны в Константинополе шлют вам привет как своему государю и жалуются Богу и вам на тех, кто посеял распрю между вами и маркизом Монферратским, из-за чего едва не было погублено христианство; вы поступили очень дурно, поверив им. Теперь они сообщают вам, что маркиз передал им решение спора между вами и им; они просят вас как государя сделать то же и дать им уверение, что вы примете их решение; знайте также, они велели сказать вам, что ни в каком случае не допустят войны».

156. Император Балдуин удалился на совет и сказал, что даст им ответ. Многие из его советников, помогавших разжечь ссору, сочли послание из Константинополя тяжким оскорблением и сказали: «Сир, вы слышите, что они велят вам не мстить своему врагу; выходит, если вы не сделаете того, что они требуют, они будут против вас». Было сказано много резких слов, но в конце совет постановил, что император не желает терять дожа Венеции, графа Людовика и прочих, находившихся в Константинополе, и он ответил послам: «Я не обещаю передать им решение дела, но пойду в Константинополь и не стану более причинять вред маркизу». Так император Балдуин пришёл в Константинополь, а бароны и другие люди вышли ему навстречу и приняли с великими почестями как своего государя.

153. Послы возвратились в Константинополь и рассказали о результате своих переговоров; дож Венеции, граф Людовик и все остальные получили большое удовлетворение, особенно узнав, что маркиз полностью передал им решение спора. Они немедленно отправили гонца к императору Балдуину, сообщая всё это и добавляя, что, поскольку маркиз подчинился их решению, то же должен сделать и он, и настоятельно просили его так поступить, не желая ни в каком случае допустить, чтобы оба государя дошли до оружия; они просили также дать им слово и заверение, что он примет их решение, как сделал маркиз. Пока шли эти переговоры, император завершил свои дела у Фессалоники и вышел оттуда, оставив гарнизон и назначив губернатором Ренье де Монса, мудрого и доблестного рыцаря. На пути ему пришла весть, что маркиз овладел Дидимотикой и соседней областью и, кроме того, осадил его людей в Адрианополе.

154. Император, раздражённый этим, велел войску ускорить шаг, открыто заявляя, что хочет снять осаду Адрианополя и причинить маркизу весь возможный вред. Ах, добрый Боже, какое несчастье могла вызвать эта распря, если бы Бог не вмешался: христианство действительно подвергалось опасности великого поражения. Большая часть людей императора между тем заболела у Фессалоники; многие были вынуждены оставаться по дороге в городах и замках, через которые проходило войско, других с большими неудобствами несли на носилках и помостах.

155. Среди них в городе Серры умер мэтр Жан де Нуайон, канцлер императора, мудрый, добродетельный и хороший церковный человек, утешавший всё войско своими проповедями, ибо был красноречив и хорошо говорил; все добрые люди войска сожалели о нём. Вскоре произошло ещё одно большое несчастье — смерть Пьера д'Амьена, богатого и могущественного

сеньора и доблестного рыцаря; граф Гуго де Сен-Поль, его двоюродный брат, и всё войско показали великое горе. Затем умер Жирар де Машикур, также храбрый рыцарь, Жиль д'Онуай и многие другие люди знатного положения; всего в этом походе умерло около сорока рыцарей, отчего войско сильно ослабело. Когда император Балдуин продолжал путь, он встретил послов, которых ему навстречу послали из Константинополя. Среди них был рыцарь графа Блуаского и его вассал по имени Бег де Франсюра, весьма мудрый и рассудительный дворянин. От имени своего государя и других баронов он смело изложил поручение: «Сир, дож Венеции, граф Людовик, мой государь, и другие бароны, оставшиеся в Константинополе, приветствуют вас как своего верховного государя и жалуются прежде всего Богу, а затем вам на тех, кто своим злым советом разжёл распрю между вами и маркизом Монферратским, от которой едва не последовала полная гибель христианства; можем сказать вам по правде, что вы очень дурно поступили, когда прислушались к ним. Теперь же они просят вас: поскольку маркиз передал им решение спора между вами, поступите так же и дайте уверение, что примете их решение; кроме того, мне поручено сказать вам, что они ни в каком случае не позволят этой войне продолжаться».

156. Император Балдуин ответил, что посоветуется и сообщит им своё решение. Многие из его совета, сами побуждавшие его к войне, сочли послание из Константинополя великой дерзостью и оскорблением и сказали: «Сир, вы слышите, как они велят вам не мстить вашему врагу; их слова достаточно ясно означают, что, если вы не сделаете того, что они требуют, они объявят себя против вас». Было сказано ещё много слов, и в конце решили, что император, не желая оттолкнуть дожа Венеции, графа Блуаского и других, находившихся в Константинополе, ответит послам: «Я не хочу безусловно обещать, что передам им наш спор, но вернусь в Константинополь и не стану более причинять вред маркизу». После этого император продолжил путь и дошёл до Константинополя, где бароны и прочие вышли ему навстречу и с великими почестями приняли как своего верховного государя.

157. На четвёртый день император ясно понял, что ему дали дурной совет, побудив его вступить в ссору с маркизом. Тогда дож Венеции и граф Людовик сказали ему: «Сир, мы просим вас передать нам решение вашего спора, как уже сделал маркиз». Император ответил, что сделает это охотно. Тогда избрали послов, которые должны были поехать за маркизом и привести его. Среди них были Жерве дю Шатель, Ренье де Трит и Жоффруа, маршал Шампани; дож Венеции также отправил двоих своих людей. Послы ехали до Дидимотики, где нашли маркиза и императрицу, его жену, со множеством хороших людей, и объяснили, зачем прибыли. Тогда Жоффруа маршал, напомнив маркизу о данном обещании, попросил его прибыть в Константинополь, чтобы принять мирное решение тех, кому он передал спор; они обещали безопасно проводить его и всех, кто поедет с ним.

158. Маркиз посоветовался со своими людьми. Одни советовали ехать, другие — не ехать. В конце он отправился с послами в Константинополь, взяв с собой около ста рыцарей. Они ехали до тех пор, пока не прибыли в город. Маркиза приняли очень охотно; навстречу ему вышли граф Людовик Блуаский и Шартрский, дож Венеции и многие другие добрые люди, которые очень его любили. Затем они собрались на совет, и соглашение между императором Балдуином и маркизом Бонифацием было восстановлено. Фессалоника и её земля были возвращены маркизу, а Дидимотику, которой он владел, он передал в руки Жоффруа, маршала Шампани; тот обещал хранить её у себя до тех пор, пока не получит от маркиза послов с полномочиями или его запечатанные грамоты о том, что тот вступил во владение Фессалоникой, и тогда передаст город императору по его приказу. Так был заключён мир между императором

и маркизом, как вы слышали. Всё войско очень обрадовалось, ибо из-за этого дела могло произойти большое несчастье.

157. На четвёртый день после возвращения император ясно понял, что ему дали дурной совет, когда побудили его поссориться с маркизом. Дож Венеции и граф Блуаский воспользовались этим и сказали: «Сир, просим вас доверить нам решение ваших разногласий, как сделал маркиз». Император охотно согласился. Тогда выбрали послов, которым поручили поехать к маркизу и привести его; ими были Жерве дю Шатель, Ренье де Трит и Жоффруа, маршал Шампани, а дож Венеции присоединил двух своих людей. Они прибыли в Дидимотику, где нашли маркиза и императрицу, его жену, окружённых множеством добрых людей, и сообщили о своём поручении. Маршал Шампани, которому маркиз дал слово, особенно просил его исполнить обещание и прибыть в Константинополь, чтобы принять мирный договор, который составят избранные посредники, обещая безопасно проводить его и всех, кого тот пожелает взять с собой.

158. Маркиз посоветовался со своими людьми: одни советовали ехать, другие были против. В конце он решил ехать и взял около ста рыцарей. Прибыв в Константинополь, он был очень хорошо принят дожем Венеции, графом Блуаским и многими знатными людьми, которые вышли ему навстречу и любили его. Затем собрали совет, на котором возобновили соглашения между императором и маркизом, и Фессалоника со всеми принадлежностями была возвращена маркизу с условием, что Дидимотику, которой он овладел, он передаст Жоффруа, маршалу Шампани; тот поклялся держать её и не отдавать никому, пока не получит от маркиза особых послов с надлежащими полномочиями или хорошо запечатанные письма о том, что он вступил во владение Фессалоникой, после чего передаст Дидимотику императору. Всё войско проявило большую радость по поводу мира между двумя государями, тем более что эта ссора могла вызвать великие бедствия.

159. Затем маркиз простился и отправился к Фессалонике со всеми своими людьми и со всей своей семьёй; вместе с ним поехали послы императора. По мере того как он переходил от замка к замку, их передавали ему от имени императора вместе со всей властью над землёй. Так он пришёл в Фессалонику, и те, кто держал город, сдали его ему от имени императора.

Ренье де Монс, оставленный императором начальником города, умер; он был очень доблестным человеком, и его смерть стала большим ущербом.

160. Тогда земля и страна начали покоряться маркизу, и большая их часть переходила под его власть, кроме одного знатного грека по имени Леон Сгур, владевшего Коринфом и Наполи, двумя приморскими городами, одними из самых сильных под небом. Он не захотел подчиниться маркизу, но начал войну против него, и значительная часть страны держалась его стороны. Другой грек по имени Михаил пришёл с маркизом из Константинополя и, как тот полагал, был к нему хорошо расположен; однако он тайно от него отделился, отправился в город, называвшийся Дураццо, взял в жёны дочь богатого грека, державшего ту землю от императора, овладел землёй и также начал воевать с маркизом. Земля от Константинополя до Фессалоники находилась в таком мире, что дороги были совершенно безопасны для всякого, кто хотел ехать, хотя от одного города до другого было добрых двенадцать больших дневных переходов. К тому времени уже наступил конец сентября, император Балдуин находился в Константинополе, а страна пребывала в мире и под его властью.

161. Тогда в Константинополе умерли два добрых рыцаря — Эсташ де Кантеле и Эмери де Виллерау, что стало большим горем для их друзей. После этого начали делить земли. Венецианцы получили свою долю, а войско пилигримов — другую. Когда каждый был утверждён во владении своей землёй, мирская алчность, уже причинившая столько зла, не позволила им жить спокойно: каждый стал причинять зло в своей земле, один больше, другой меньше, и греки начали ненавидеть их и питать к ним дурное чувство.

162. Тогда император Балдуин дал графу Людовику герцогство Никейское, одно из самых высоких владений земли Романии, лежавшее за проливом со стороны Турции. Но вся земля за проливом ещё не покорилась императору и была против него. Затем он дал герцогство Филиппопольское⁷³ Ренье де Триту. Граф Людовик отправил для завоевания своей земли около ста двадцати рыцарей; начальниками их были Пьер де Бракекель и Пайен д'Орлеан. В праздник Всех Святых они вышли из Константинополя, переправились через пролив Святого Георгия у Абидоса и пришли в Леспигаль⁷⁴, приморский город, населённый латинянами, и оттуда начали войну с греками.

160. Тогда весь край стал покоряться маркизу и переходить под его власть, за исключением богатого и могущественного греческого сеньора по имени Леон Сгур, захватившего Коринф и Наполи Романийский — два хороших приморских города и одни из самых сильных, какие существуют под небом. Он не пожелал подчиниться маркизу и начал против него войну при поддержке большей части местных жителей, вставших на его сторону; кроме того, ещё один греческий сеньор по имени Михаил, пришедший из Константинополя вместе с маркизом и казавшийся тому преданным, тайно ушёл от него и отправился в город Дураццо, где женился на дочери богатого грека, которому император доверил управление этой землёй, после чего овладел как городом, так и всей областью. Таким образом, маркиз начал войну и с этой стороны. В остальном вся страна от Фессалоники до Константинополя была спокойна, а дороги настолько безопасны, что по ним можно было ходить без охраны, хотя между двумя городами было около двенадцати больших дневных переходов. Был конец сентября, император Балдуин находился в Константинополе, и вся земля пребывала в мире и под его властью.

161. В это время в Константинополе умерли два доблестных рыцаря — Эсташ де Кантеле и Эмери де Виллерау, и друзья сильно о них сожалели. Затем приступили к разделу и распределению земель: венецианцы получили свою часть, а войско пилигримов — свою. Но после того как каждый утвердился в доставшемся ему владении, алчность, всегда бывшая причиной стольких бед, недолго позволила им оставаться в покое. Они стали взимать тяжёлые поборы и грабить свои земли, одни больше, другие меньше, и это стало причиной того, что греки начали их ненавидеть и желать им зла.

162. Тогда император Балдуин пожаловал графу Блуаскому герцогство Никейское, одно из лучших и почётнейших владений всей Восточной империи, расположенное за проливом в стороне Натолии, хотя земля за проливом ещё не находилась под властью императора и продолжала противиться ему. В то же время он пожаловал Ренье де Триту герцогство Филиппопольское. После этого граф Блуаский отправил под начальством Пьера де Бракеделя и Пайена д'Орлеана около ста двадцати своих рыцарей для завоевания владения; в праздник Всех Святых они вышли из Константинополя, переправились через пролив Святого Георгия у Абидоса

⁷³ Филиппополь.

⁷⁴ Пига, называемая турками Бига, — местечко на берегу Эсепы, в трёх лье от Пропонтиды; в XIII веке существовали сеньоры Пиги или Лас-Пигас.

и прибыли в Пигу, приморский город, населённый тогда латинянами, откуда начали войну против греков.

163. В это время случилось, что император Мурзуфл, которому вырвали глаза и который убил своего государя императора Алексея, сына императора Исаака, того самого, которого пилигримы привели обратно в страну, тайно бежал за пролив с небольшим числом людей. Тьерри де Лос узнал, где он находится, схватил его и привёл к императору Балдуину в Константинополь. Император Балдуин очень обрадовался и спросил совета у своих людей, что делать с человеком, совершившим такое убийство своего государя. Совет постановил, что посреди Константинополя есть колонна⁷⁵, одна из самых высоких и искусно сделанных мраморных колонн, какую только видел глаз; Мурзуфла следует отвести туда и сбросить сверху на глазах у всего народа, ибо столь высокое правосудие достойно быть увиденным всем миром. Императора Мурзуфла отвели к колонне и подняли наверх, а весь народ города сбежался посмотреть на зрелище. Затем его толкнули вниз, и он упал с такой высоты, что при ударе о землю был совершенно разбит. Теперь послушайте великое чудо: на той колонне, с которой он был сброшен, было высечено множество мраморных изображений, и среди них одно представляло императора, падающего вниз, ибо издавна существовало пророчество, что в Константинополе будет император, которого сбросят с этой колонны. Так изображение и пророчество исполнились.

164. В то же время случилось и другое: маркиз Бонифаций Монферратский, находившийся у Фессалоники, схватил императора Алексея, который велел вырвать глаза императору Исааку, вместе с его женой-императрицей и отправил красные сапоги и императорские одежды своему государю императору Балдуину в Константинополь; тот был ему очень благодарен. Впоследствии маркиз отправил императора Алексея пленником в Монферрат.

163. Примерно в то же время Мурзуфл, уже ослеплённый и прежде предательски умертвивший императора Алексея, сына императора Исаака, которого пилигримы возвратили и восстановили в государстве, был схвачен Тьерри де Лосом, когда тайно бежал за пролив с небольшим числом людей, и доставлен в Константинополь к императору Балдуину. Император выразил большую радость по поводу его поимки и затем посоветовался с баронами, что следует сделать с человеком, который убил и умертвил своего государя. Все согласились подвергнуть его суровому наказанию и сказали, что в Константинополе есть мраморная колонна, одна из самых высоких и искусно сделанных, какие существуют; его следует отвести туда и сбросить сверху, чтобы столь примечательное и назидательное правосудие было увидено всем народом. В соответствии с решением императора Мурзуфла отвели к колонне, подняли наверх на глазах у всего народа и сбросили вниз, отчего он совершенно разбился. И вот произошло нечто удивительное: на колонне, с которой его сбросили, было высечено множество фигур, среди которых изображался император, падающий с колонны; издавна существовало предсказание,

⁷⁵ Вот что говорит монах Гюнтер об этой колонне: «Она сложена из больших камней, тесно соединённых железными обручами; внизу она очень толста и постепенно сужается до необычайной высоты. Говорят, что один отшельник устроил себе жилище на вершине этой колонны; не желая жить на земле, но ещё не будучи в состоянии достигнуть неба, он поместился между ними. Говорят также, что на основании этого памятника были высечены различные древние изображения, некоторые из которых представляли пророчества Сивиллы и будущую судьбу империи; там можно было видеть корабли и лестницы, по которым вооружённые люди поднимались, словно для нападения и взятия города, изображённого на колонне; греки до тех пор презирали эти изображения, не думая, что их город может испытать подобную судьбу, но когда увидели лестницы, поставленные на наших кораблях, вспомнили эти фигуры и начали бояться того, что прежде презирали. Тогда они стали разбивать их камнями и молотами, думая таким образом отвратить от себя дурное предзнаменование; надежда их обманула, и событие доказало, что эти пророческие изображения говорили правду». Колонна, о которой здесь идёт речь, вполне может быть той, которая прежде называлась Пурпурной колонной, а ныне называется Обгоревшей колонной, расположенной недалеко от Ат-Мейдана, на третьем холме Константинополя; она составлена из кусков порфира, почерневших от огня пожаров, и скреплена выпуклыми медными обручами, скрывающими стыки камней.

что одного из императоров Константинополя сбросят с неё. Так изображение осуществилось на деле, а пророчество исполнилось.

164. Примерно в то же время маркиз Монферратский, находившийся у Фессалоники, захватил императора Алексея, велевшего ослепить императора Исаака, вместе с императрицей, его женой, и отправил пурпурные сапоги и императорские одежды императору Балдуину в Константинополь, за что тот был ему благодарен; затем он велел отправить Алексея пленником в Монферрат.

165. Около следующего праздника Святого Мартина Анри, брат императора, вышел из Константинополя и спустился вдоль пролива Святого Георгия до устья у Абидоса, имея с собой около ста двадцати рыцарей, все хорошие люди; он переправился через пролив к городу Абидосу и нашёл его хорошо снабжённым всем необходимым — зерном, мясом и всеми вещами, нужными человеку. Он овладел городом и расположился там. Тогда на этой стороне началась война с греками, а армяне, которых в стране было много и которые сильно ненавидели греков, начали переходить на его сторону.

166. В то же время Ренье де Трит вышел из Константинополя и отправился к Филиппополь, который император Балдуин дал ему. Он повёл с собой около ста двадцати рыцарей, очень добрых людей, прошёл своими переходами мимо Адрианополя и пришёл в Филиппополь. Жители страны приняли его и подчинились как государю и были очень рады его видеть. Им крайне нужна была помощь, потому что Иоанн, король Влахии, сильно теснил их войной. Ренье хорошо им помог и удержал большую часть страны; значительная часть тех, кто прежде перешёл на сторону Иоанна, вернулась к нему. Так в тех местах началась большая война между ними.

167. Император также отправил около ста рыцарей за пролив Святого Георгия напротив Константинополя под начальством Макара де Сент-Мену; с ним пошли Матье де Валенкур и Робер де Ронсуа. Они пришли в город, называемый Никомидией, стоявший на морском заливе примерно в двух днях пути от Константинополя. Услышав об их приближении, греки покинули город и ушли. Французы расположились в нём, укрепили и вновь закрыли его и оттуда начали войну в той области за проливом. Владыкой земли был грек по имени Феодор Ласкарис, женатый на дочери того императора, которого французы изгнали из Константинополя и который приказал ослепить своего брата; через жену Ласкарис предъявлял права на эту землю. Он вёл войну против французов во всех местах за проливом, где они находились. Император Балдуин оставался в Константинополе с графом Людовиком и небольшим числом людей, а граф Гуго де Сен-Поль был тяжело болен подагрой, поразившей его колени и ступни.

168. В это время прибыл большой отряд из земли Сирии и тех, кто оставил войско и отправился через другие порты. Среди прибывших были Этьен дю Перш и Рено де Монмирай, двоюродный брат графа Людовика; тот оказал им большие почести и очень обрадовался их прибытию. Император Балдуин и остальные также охотно их приняли, потому что это были знатные и богатые люди и привели много хороших воинов. Из Сирии прибыли Гуго де Табария, Рауль, его брат, Тьерри де Тенремонд и множество людей той страны — рыцарей, туркополов и сержантов. Затем император Балдуин дал Этьену дю Перша герцогство Филадельфийское⁷⁶.

⁷⁶ Филадельфия, город в Лидии.

169. Среди других вестей император Балдуин получил одну, которая очень его опечалила: графиня Мария, его жена, которую он, ещё будучи графом, оставил во Фландрии беременной, потому что она не могла отправиться с ним, родила дочь. После родов, оправившись, она отправилась за море вслед за своим супругом и отплыла из Марселя. Когда она прибыла в Акру, вскоре пришло известие, что Константинополь завоёван и её муж стал императором, отчего во всём христианском мире была великая радость. После этой вести дама решила ехать к нему, но заболела и умерла, что вызвало великое горе во всём христианстве, ибо она была очень доброй и почитаемой дамой. Те, кто прибыл из Святой земли, принесли весть императору Балдуину; он и все бароны страны очень опечалились, потому что сильно желали увидеть её своей государыней.

165. Около следующего праздника Святого Мартина Анри, брат императора, вышел из Константинополя и спустился вдоль пролива Святого Георгия до Абидосского прохода, имея с собой около ста двадцати рыцарей, все добрые люди. Он высадился у Абидоса, который нашёл обильно снабжённым продовольствием, мясом и другими необходимыми человеку вещами, овладел городом и расположился в нём, начав оттуда войну с окрестными греками. Армяне, жившие в этих краях и ненавидевшие греков, немедленно перешли на его сторону.

166. В то же время Ренье де Трит вышел из Константинополя и направился к Филиппополю, который император Балдуин пожаловал ему; он взял около ста двадцати хороших рыцарей, прошёл через Адрианополь и дошёл до Филиппополя, где жители приняли его, принесли присягу верности как своему государю и были тем более рады его прибытию, что очень нуждались в помощи, поскольку Иоанн, король Влахии, сильно воевал с ними и теснил их. Ренье оказал им такую помощь, что большая часть области и даже многие из прежде принявших сторону Иоанна перешли к нему; отныне война между ними в тех краях стала большой.

167. Вскоре император переправил сто рыцарей за пролив Святого Георгия напротив Константинополя под начальством Макара де Сент-Мену, вместе с которым находились Матье де Валенкур и Робер де Ронсуа. Они направились прямо к Никомедии, городу на морском заливе примерно в двух днях пути от Константинополя. Греки, узнав об их приближении, немедленно покинули город и бежали; наши нашли его пустым, расположились там, закрыли и укрепили его, после чего начали оттуда войну в Натолии. В то время там был греческий сеньор по имени Феодор Ласкарис, женатый на дочери императора — того самого, которого французы изгнали из Константинополя и который ослепил своего брата; от имени жены он владел некоторыми землями и сеньориями в этих краях. Он вёл войну против французов, переправившихся через пролив, во всех местах, которые они занимали. Между тем император Балдуин оставался в Константинополе с графом Людовиком Блуаским и небольшим числом войск, а граф Гуго де Сен-Поль страдал от сильной подагры в коленях и ступнях.

168. Примерно в то же время прибыл большой флот из Святой земли с теми, кто покинул наше войско, когда оно собиралось в Венеции, и отправился через другие порты; среди них были Этьен дю Перш и Рено де Монмирай, родственник графа Блуаского, который принял их с большими почестями и бесконечно радовался их прибытию. Император Балдуин и другие французские бароны были также рады видеть их, потому что это были великие, могущественные и богатые сеньоры, приведшие с собой многих храбрых людей. Из Палестины прибыли Гуго де Табария, его брат Рауль и Тьерри де Тенремонд с большим числом людей той страны — рыцарей, туркополов и пеших воинов. Тогда император Балдуин пожаловал Этьену дю Перша герцогство Филадельфийское.

169. Но затем пришла дурная весть, сильно огорчившая императора, о графине Марии, его жене. Она приняла крест вместе с мужем, но оставалась беременной во Фландрии, когда он отправился в поход, и поэтому не могла сопровождать его. Позднее она родила дочь, а оправившись после родов, отправилась в Марсель, чтобы оттуда отплыть в Святую землю и попытаться присоединиться к мужу. Едва она прибыла в Акру, как узнала о взятии Константинополя и о том, что её муж избран императором, к радости всего христианства. Когда она готовилась ехать к нему, её постигла болезнь, от которой она умерла; прежняя радость сменилась печалью, ибо это была весьма добрая и добродетельная дама, любимая всеми. Те, кто, как уже сказано, прибыли из Святой земли, принесли императору эту весть, и он испытал крайнее горе и сожаление, как и все бароны империи, горячо желавшие видеть её своей государыней.

170. В это время те, кто отправился в город Пигу и чьими начальниками были Пьер де Браекель и Пайен д'Орлеан, укрепили замок, называемый Палормом⁷⁷, оставили там гарнизон из своих людей и пошли дальше завоёвывать землю. Феодор Ласкарис собрал всех людей, каких только смог, и в день Святого Николая перед Рождеством обе стороны встретились на равнине под замком, называемым Пиманиноном⁷⁸. Нашим пришлось очень тяжело, потому что врагов было чрезвычайно много, а у них самих было не более ста сорока рыцарей, не считая конных сержантов. Но Господь наш дарует исход событий, как Ему угодно по Своей благодати и воле: французы победили греков и разбили их, и те понесли большой урон. В течение недели большая часть страны сдалась французам. Им сдали Пиманинон, очень сильный замок, Лопадиион, один из лучших городов земли, и Пулмах, стоявший на пресноводном озере, один из самых сильных и лучших замков, какие только можно найти. Знайте, эта победа очень помогла этим людям, и с Божьей помощью они устроили в стране всё по своей воле.

170. В те же дни люди, отправленные к Пиге под начальством Пьера де Браекеля и Пайена д'Орлеана, укрепили замок Палорм, оставили там гарнизон и двинулись дальше к новым завоеваниям. Между тем Феодор Ласкарис, собрав все войска, какие смог, встретил их на равнине под замком Пиманинон в день зимнего Святого Николая. Нашим пришлось трудно из-за огромного числа врагов и собственного малочисленного отряда, насчитывавшего всего около ста сорока рыцарей, не считая лёгкой конницы; однако с помощью Господа нашего, Который располагает событиями и непредвиденными случаями по Своей воле, французы разбили греков, причинив им большие потери. В течение недели большая часть страны перешла к ним: им сдались замок Пиманинон, очень сильное место, Лопадиион, один из лучших городов области, и замок Пулмах на пресноводном озере, один из самых крепких и лучших, какие можно найти. Эта победа пришлась нашим людям весьма кстати: они сумели ею воспользоваться и с Божьей помощью стали хозяевами всей покорившейся им страны.

171. В это же время Анри, брат императора Балдуина Константинопольского, по совету армян вышел из города Абидоса, оставив его укрепленным и снабженным гарнизоном, и направился к городу Адрамиттию⁷⁹, лежавшему на море в двух днях пути⁸⁰ от Абидоса. Город сдался ему, и он расположился внутри. Тогда же ему покорилась значительная часть страны, ибо город был хорошо снабжен зерном, продовольствием и другими благами. Отсюда он вел войну с греками. Феодор Ласкарис, разбитый у Пиманинона, собрал всех людей, каких только смог, составил большое войско и поручил его своему брату Константину, одному из лучших греков

⁷⁷ Положение этого места нам неизвестно.

⁷⁸ В этом абзаце упоминается несколько замков, географическое положение которых трудно установить точно.

⁷⁹ Адрамиттий, древний Антандрос, расположен в глубине залива на азиатском берегу.

⁸⁰ От Абидоса до Адрамиттия считают три дня пути.

Романии, который двинулся прямо к Адрамиттию. Анри узнал через армян, что на него идёт большое войско, приготовился и построил свои отряды; с ним было много очень добрых людей.

172. С ним находились Балдуин де Бовуар, Никола де Майи, Ансо де Кайё, Тьерри де Лос и Тьерри де Тенремонд. В субботу перед серединой Великого поста Константин Ласкарис подошёл со своим большим войском к Адрамиттию. Узнав о его приближении, Анри посоветовался и сказал, что не позволит запереть себя внутри города, но выйдет наружу. Он вышел, когда противник подошёл со всем войском и большими пешими и конными отрядами; началась битва, великая схватка и сеча. Но с Божьей помощью французы победили и разбили греков; многие были убиты, взяты в плен и ранены, а добыча была очень велика. Тогда французы оказались в большом достатке и богатстве, ибо жители страны перешли на их сторону и начали приносить им свои ренты.

171. Тем временем Анри, брат императора, по совету армян вышел из Абидоса, позаботившись о его безопасности, и направился к городу Адрамиттию, расположенному на море в двух днях пути от Абидоса. Город сдался ему, и он расположился внутри, поскольку тот был хорошо снабжён зерном, продовольствием и другими припасами; благодаря этому большая часть области перешла под его власть, и там началась война с греками. С другой стороны, Феодор Ласкарис, разбитый у Пиманинона, собрал всех людей, каких только смог, и в короткое время составил большое и сильное войско, которое передал под командование своему брату Константину, одному из лучших воинов Восточной империи; тот двинулся прямо к Адрамиттию. Князь Анри был предупреждён армянами о приближении врага, приготовился к встрече и построил свои войска, имея при себе множество храбрых людей.

172. Среди них были Балдуин де Бовуар, Никола де Майи, Ансо де Кайё, Тьерри де Лос и Тьерри де Тенремонд. Константин со своим сильным войском подошёл к Адрамиттию в субботу перед серединой Великого поста. Едва Анри узнал об этом, он собрал совет и сказал, что не намерен позволить запереть себя в городе, а предпочитает выйти в поле. Он так и сделал; когда Константин приблизился с большим числом пеших и конных воинов, наши вышли ему навстречу и вступили в упорную битву. В конце концов с Божьей помощью они одержали победу над греками и полностью их разбили, оставив множество убитых и пленных и захватив большую добычу. Это пришлось им очень кстати не только из-за полученных благ, но и потому, что после поражения жители страны перешли на их сторону и начали платить подати.

173. Теперь оставим тех, кто был со стороны Константинополя, и вернёмся к маркизу Бонифацию Монферратскому, находившемуся у Фессалоники. Он пошёл против Леона Сгура, державшего Наполи и Коринф, два из самых сильных городов мира, и осадил оба одновременно. Жак д'Авен остался перед Коринфом с другими добрыми людьми, а остальные пошли к Наполи и осадили его.

В это время Жоффруа де Виллардуэн, племянник Жоффруа, маршала Романии и Шампани, сына его брата, вышел из Сирии с тем флотом, который прибыл в Константинополь; ветер и случай занесли его в порт Модон, где его корабль был повреждён, так что он поневоле должен был провести зиму в той стране. Один грек, весьма могущественный в тех местах, узнал об этом, пришёл к нему, оказал большие почести и сказал: «Добрый сир, французы завоевали Константинополь и поставили императора. Если бы вы захотели соединиться со мной, я храню бы вам добрую верность, и мы вместе завоевали бы немалую часть этой страны». Они поклялись друг другу и вместе завоевали значительную часть земли. Жоффруа де Виллардуэн нашёл в этом греке великую верность. Но, как случаются события по воле Божией, грек заболел

и умер. Его сын восстал против Жоффруа де Виллардуэна и предал его; замки, которые они укрепили, перешли против него. Тогда он услышал, что маркиз осаждает Наполи с таким числом людей, какое смог собрать, и направился к нему, проехав с великим риском около шести дней через вражескую землю. В лагере его приняли очень хорошо; маркиз и остальные оказали ему большие почести, и это было справедливо, ибо он был очень храбрым, доблестным и хорошим рыцарем.

174. Маркиз предлагал ему много земли и богатства, чтобы он остался при нём, но Жоффруа ничего не захотел принять. Он поговорил с Гийомом де Шамплигтом, своим близким другом, и сказал ему: «Сир, я прибыл из очень богатой страны, называемой Мореей. Возьмите столько людей, сколько сможете собрать, оставьте это войско, и с Божьей помощью пойдём завоевывать ту страну; ту часть завоеваний, которую вы пожелаете мне дать, я буду держать от вас и стану вашим вассалом». Гийом, очень ему доверявший и любивший его, пошёл к маркизу и сообщил об этом предприятии. Маркиз позволил ему идти. Так Гийом де Шамплигт и Жоффруа де Виллардуэн вышли из войска, взяв с собой около ста рыцарей и много конных сержантов, вступили в Морею и дошли до города Модона.

175. Михаил услышал, что они находятся в стране с таким малым числом людей, собрал огромное войско и двинулся вслед, полагая, что всех их уже держит в руках. Когда французы узнали о его приближении, они укрепили Модон, стены которого давно были разрушены, оставили там обоз и людей, мало пригодных к бою, а сами прошли один день пути и построили в боевой порядок столько воинов, сколько имели. Положение было очень тяжёлым: у них было не более пятисот конных, тогда как у противника — более пяти тысяч. Но, как случаются события по воле Божией, они вступили в бой с греками, разбили и победили их, и греки понесли большие потери. Французы захватили множество коней, оружия и другого имущества и с великой радостью вернулись в Модон.

176. Затем они направились к приморскому городу Корону и осадили его. Осада продолжалась недолго, город сдался. Гийом отдал его Жоффруа де Виллардуэну, который стал его вассалом и поставил там гарнизон из своих людей. После этого они подошли к замку, называемому Каламата⁸¹, очень сильному и красивому, и осадили его. Этот замок причинил им много труда, и осада длилась долго; наконец он сдался. После этого большинство греков страны стало переходить к ним гораздо охотнее, чем прежде.

177. Маркиз Бонифаций всё ещё стоял под Наполи, но ничего не мог сделать, потому что город был слишком силён, и его люди сильно страдали. Жак д'Авен продолжал осаду Коринфа, как оставил ему маркиз. Леон Сгур, находившийся в Коринфе и бывший человеком мудрым и хитрым, увидел, что у Жака немного людей и что они недостаточно хорошо несут караул. Однажды утром он сделал сильную вылазку и дошёл до самых шатров; прежде чем французы успели вооружиться, многие были убиты. Там погиб Дрё де Сен-Трюен, очень храбрый и доблестный человек, и о нём сильно скорбели; Жак д'Авен, начальник войска, был тяжело ранен в ногу. Но те, кто находился там, хорошо держались и благодаря своей доблести спаслись; знайте, они были очень близки к полной гибели, но с Божьей помощью силой загнали греков обратно в замок. Однако греки не оставили злобы, которую носили в сердце, ибо были весьма вероломны. Увидев, что французы рассеяны по разным землям и каждый занят своим делом, они решили, что теперь могут их предать. Тайно избрали послов от всех городов страны и отправили их к Иоанну, королю Влахии и Болгарии, который прежде воевал с ними и всё ещё про-

⁸¹ Каламата расположена примерно в четверти часа пути от моря, в глубине Мессенского залива.

должал войну. Они предложили сделать его императором, обещали все ему подчиниться, убить всех французов и присягнуть ему как своему государю, если он, со своей стороны, поклянется защищать их как своих подданных. Так обе стороны принесли клятвы.

173. Пока эти события происходили у Константинополя, Бонифаций, маркиз Монферратский, которому император возвратил Фессалонику, предпринял войну против Леона Сгура, владевшего Наполи и Коринфом, двумя из сильнейших крепостей мира, и осадил их одновременно. Жак д'Авен остался под Коринфом с хорошим числом войск, а остальные отправились осаждать Наполи. В это время Жоффруа де Виллардуэн, племянник Жоффруа, маршала Романии и Шампани, вышедший из Святой земли с флотом тех, кто прибыл в Константинополь, был бурей занесён в порт Модон. При входе его корабль получил серьёзные повреждения, и он вынужден был провести там всю зиму. Один греческий сеньор, владевший несколькими землями и крепостями в тех местах, узнал о нём, пришёл и оказал ему много почестей, сказав: «Сир, не знаю, известно ли вам, что французы завоевали Константинополь и сделали одного из своих императором. Если бы вы захотели соединиться со мной, я хранил бы вам совершенную верность, и мы вместе завоевали бы добрую часть этой страны». Они поклялись друг другу в союзе и вместе захватили несколько мест, причём Жоффруа находил в этом греке полную верность. Но, поскольку Бог располагает событиями, как Ему угодно, грек заболел и умер, оставив сына, который немедленно отдалился от Жоффруа и предал его, так что завоёванные замки восстали против него. Узнав, что маркиз с сильной армией осаждает Наполи, Жоффруа решил отправиться к нему; после шести дней пути через вражескую землю, сопряжённого с большой опасностью, он наконец прибыл в лагерь, где маркиз и остальные приняли его очень хорошо, что было заслуженно, ибо он был храбрым и доблестным рыцарем.

174. Маркиз предлагал ему достаточно земель, сеньорий и другого имущества, чтобы удержать его при себе, но Жоффруа, поблагодарив, отказался и пришёл к Гийому де Шамплитту, своему другу, которому сказал: «Сир, я прибыл из очень богатой провинции, называемой Мореей; если вы возьмёте столько войск, сколько сможете собрать, и покинете этот лагерь, мы вместе с Божьей помощью отправимся туда делать завоевания, а ту долю, которую вам будет угодно мне дать, я буду держать от вас как вассал и ваш человек». Гийом, сильно доверявший ему и очень его любивший, поверил ему и немедленно пошёл к маркизу, которому рассказал о замысле; маркиз согласился. Тогда Гийом де Шамплитт и Жоффруа де Виллардуэн вышли из лагеря, взяв около ста рыцарей и большое число пеших и конных людей, вступили в Морею и дошли до Модона.

175. Михаил, узнав, что они вошли в страну с таким малым числом людей, быстро собрал большое войско и двинулся за ними, считая, что они уже попались в его сети. Но, как только французы узнали о его движении, они поспешно восстановили и укрепили Модон, давно лишённый укреплений, оставили там обоз и тех, кто не годился к бою, а сами вышли в поле и построились для встречи противника; предприятие было весьма дерзким, поскольку у них было не более пятисот коней, а у противника — более пяти тысяч. Однако, поскольку Бог даёт исход, противоположный человеческим замыслам, наши решительно напали на греков и полностью разбили их; греки понесли заметные потери, а французы захватили много коней, оружия и другой добычи, с которой радостно вернулись в Модон.

176. Продолжая успех, они осадили Корон, приморский город, который через короткое время сдался. Гийом де Шамплитт отдал его Жоффруа де Виллардуэну; тот принёс ему оммаж и поставил свой гарнизон. После взятия Корона они пошли к замку Каламата, чрезвычайно красивому и сильному, и также осадили его. Этот замок доставил им много труда и держался

долго, но в конце концов сдался; после его падения греки страны стали переходить на сторону французов в гораздо большем числе, чем прежде.

177. Тем временем маркиз Бонифаций всё ещё стоял перед Наполи, не достигая успеха, потому что город был необычайно крепок, а его армия терпела большие лишения. Осада Коринфа, где он оставил Жака д'Авена, также затягивалась. Леон Сгур, защищавший город, был человеком разумным и хитрым; заметив, что французов мало и они плохо несут стражу, однажды утром он сделал вылазку, дошёл до самого лагеря и шатров и убил многих прежде, чем те успели вооружиться. Среди прочих погиб Дрё де Стрюен, доблестный рыцарь, смерть которого вызвала большое горе; сам начальник Жак д'Авен был тяжело ранен в ногу. Однако люди, оказавшиеся в этом деле, проявили столько мужества, что избежали явной гибели и с Божьей помощью силой загнали врага обратно в крепость. Греки не ослабили злобы против наших и не забывали никакой измены, которая могла бы помочь им добиться цели. Видя французов рассеянными по разным местам и каждого занятым собственной защитой, они задумали новое предательство. Тайно выбрали послов от каждого города и отправили их к Иоанну, королю Влахии и Болгарии, который прежде причинял им много бед и всё ещё воевал с ними, предложив сделать его императором, подчиниться ему и даже убить всех французов, а затем принести ему присягу верности и повиноваться как законному государю, с условием, что он поклянётся хранить и защищать их как своих подданных. Так и было условлено, и обе стороны принесли клятвы.

178. В то же время в Константинополе случилось большое несчастье: граф Гуго де Сен-Поль, долго лежавший с подагрой, умер. Это вызвало великое горе и стало большим ущербом; его люди и друзья много его оплакивали. Его с великими почестями похоронили в церкви Святого Георгия Манганского. При жизни граф Гуго держал замок Дидимотику, очень сильный и богатый, и в нём находились его рыцари и сержанты. Греки, присягнувшие королю Влахии убивать и предавать французов, осуществили измену в этом замке: многих убили и захватили, а немногие спасшиеся бежали в Адрианополь, который тогда держали венецианцы. Вскоре восстали и греки Адрианополя; люди, державшие город, были вынуждены покинуть его с большой опасностью. Известие пришло в Константинополь к императору Балдуину, у которого было очень мало людей, как и у графа Блуаского.

179. Эти вести очень встревожили и испугали их; день за днём приходили всё более дурные новости: греки восставали повсюду и убивали французов, которым были поручены земли. Венецианцы и другие люди, покинувшие Адрианополь, пришли в Чурлот, принадлежавший императору Балдуину, и нашли там Гийома де Бланюэля, поставленного императором охранять город. Благодаря его поддержке и тому, что он лично пошёл с ними с таким числом людей, какое смог собрать, они вернулись к Аркадиополю, находившемуся примерно в двенадцати лье оттуда и принадлежавшему венецианцам. Город оказался пустым; они вошли и укрепили его. На третий день греки страны собрались и подошли на один день пути к Аркадиополю, затем со всех сторон начали большой и яростный штурм. Защитники хорошо оборонялись, открыли ворота и сделали сильную вылазку. По Божьей воле греки были разбиты; их начали теснить и убивать, преследовали целое лье, убили многих и захватили множество коней и другого имущества. Так победители с великой радостью вернулись в город. О победе сообщили императору Балдуину в Константинополь, и он очень обрадовался. Однако они не решились удерживать Аркадиополь, на следующий день оставили его и вернулись в Чурлот. Там они находились в великом страхе, опасаясь жителей города не меньше, чем внешнего врага, ибо и те дали клятву королю Влахии предать их. Многие не осмелились там остаться и ушли обратно в Константинополь.

180. Тогда император Балдуин, дож Венеции и граф Людовик держали совет и увидели, что теряют всю страну. Они решили послать приказ Анри, брату императора, находившемуся в Адрамиттии, оставить всё завоёванное и поспешить на помощь. Граф Людовик отправил приказ Пайену д'Орлеану и Пьеру де Бракелю, находившимся в Лопадии, и всем их людям также оставить все завоевания, кроме Пиги, стоявшей на море, оставить там как можно меньше людей, а остальным спешить на помощь. Император также приказал Макару де Сент-Мену, Матье де Валенкуру и Роберу де Ронсуа, находившимся в Никомедии с примерно ста рыцарями, оставить город и прибыть к нему.

181. По приказу императора Балдуина Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии и Шампани, и Манассе де Лиль вышли из Константинополя с тем числом людей, какое смогли собрать, а их было очень мало, ибо вся страна гибла. Они дошли до Чурлота, находившегося в трёх днях пути от Константинополя. Там нашли Гийома де Бланюэля и его людей, пребывавших в большом страхе, и своим прибытием сильно их ободрили. Они пробыли там четыре дня. Император Балдуин посылал вслед маршалу всех людей, каких мог собрать, так что на четвёртый день в Чурлоте у них было около восьмидесяти рыцарей. Тогда Жоффруа маршал, Манассе де Лиль и их люди выступили вперёд и пришли в Аркадиополь, где остановились на один день; затем отправились в другой город, называемый Булгарофигоном, который греки покинули, и расположились там. На следующий день они пришли в город Никицу, очень красивый, сильный и хорошо снабжённый всем необходимым; оказалось, что греки также оставили его и все ушли в Адрианополь. Никица находилась в девяти французских лье от Адрианополя, где собралась большая масса греков. Они решили ожидать там императора Балдуина.

178. В то же время в Константинополе произошло большое несчастье — умер Гуго, граф де Сен-Поль, долго страдавший подагрой; его смерть причинила глубокую скорбь его людям и друзьям и стала большой потерей для наших. Его весьма почётно похоронили в церкви Святого Георгия Манганского. При жизни он владел замком Дидимотикой, богатой и сильной крепостью, в которой держал несколько своих рыцарей и пеших людей. Греки, поклявшись королю Болгарии предать и умертвить французов, исполнили свой замысел: большую часть людей в замке убили, немногим удалось бежать в Адрианополь, который тогда держали венецианцы. Вскоре восстали и греки Адрианополя, и наши, охранявшие город, вынуждены были оставить его и выйти оттуда с большой опасностью. Известие немедленно пришло к императору Балдуину в Константинополь, где у него и графа Блуаского было мало людей.

179. Это происшествие сильно их встревожило, тем более что ежедневно приходили новые известия о восстании греков и о том, что повсюду, где они находили французов во владении недавно завоёванными землями и крепостями, они их убивали. Венецианцы и другие люди, покинувшие Адрианополь, пришли в Чурлот, принадлежавший императору Балдуину, и нашли там Гийома де Бланюэля, назначенного императором губернатором. Под защитой отряда, который тот дал им и сам повёл с таким числом людей, какое смог собрать, они повернули назад на двенадцать лье и пришли в Аркадиополь, принадлежавший венецианцам, но найденный ими пустым; они укрепили его. На третий день греки страны, собравшись и вооружившись, пришли к городу и дали сильный штурм, который защитники доблестно выдержали; затем, выйдя через одни из ворот, не только убили многих нападавших, но преследовали остальных более одного лье, перебили ещё немало и захватили множество коней и другой добычи, после чего славно вернулись в город. Они немедленно известили об этой победе императора Балдуина в Константинополе, и тот очень обрадовался. Однако, не осмеливаясь дольше держать Аркадиополь, они на следующий день вышли и оставили его, отступив к Чур-

лоту, где также не чувствовали себя в безопасности, опасаясь и жителей города, и внешних врагов, поскольку все дали королю Болгарии клятву предать их; поэтому многие не решились там остаться и вернулись прямо в Константинополь.

180. Император Балдуин, видя, что вся страна восстаёт, посоветовался с дожем Венеции и графом Блуаским; они решили отозвать его брата Анри из Адрамиттия, приказав без колебаний оставить все завоевания и со всеми войсками поспешить на помощь. Граф Блуаский, со своей стороны, приказал Пайену д'Орлеану и Пьеру де Браекелю, находившимся в Лопадии, и всем их людям оставить все завоевания, кроме Пиги, приморского города, причём оставить там как можно меньше людей, чтобы остальные могли прийти к нему в большем числе. Император также приказал Макару де Сент-Мену, Матье де Валенкуру и Роберу де Ронсуа, находившимся в Никомедии примерно со ста рыцарями, оставить город и как можно скорее прибыть к нему.

181. С другой стороны, по приказу императора Балдуина Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии и Шампани, и Манассе де Лиль вышли из Константинополя с теми людьми, каких смогли собрать; их было очень мало, потому что страна повсюду терялась. Они дошли до Чурлота, в трёх днях пути от Константинополя, где нашли Гийома де Бланюэля и его людей, сильно напуганных; их прибытие придало тем уверенность. Они оставались там четыре дня, в течение которых император отправлял вслед маршалу всех людей, каких мог собрать, так что к четвёртому дню в Чурлоте у них оказалось около восьмидесяти рыцарей. Тогда маршал, Манассе де Лиль и их люди вышли в поле и дошли до Аркадиополя, где остановились на один день; оттуда перешли в город Булгарофигон, недавно покинутый греками, и провели там ночь, а на следующий день прибыли в Никицу — красивое, сильное и прекрасно снабжённое место в девяти французских лье от Адрианополя. Греки также оставили его и ушли в Адрианополь, где собралась большая их часть. Французы решили ждать в Никице императора Балдуина.

182. Теперь книга рассказывает о великом и удивительном событии. Ренье де Трит находился в Филиппополе, в девяти днях пути от Константинополя, имея при себе около ста двадцати рыцарей. Его сын Ренье, брат Жиль, племянник Жак де Бондин и Шарль де Верден, женатый на его дочери, покинули его, уведя с собой около тридцати его рыцарей, намереваясь вернуться в Константинополь, и оставили Ренье в великой опасности, как вы слышите. Но они нашли страну восставшей против них и были разбиты. Греки взяли их в плен и затем передали королю Влахии, который впоследствии приказал отрубить им головы. И знайте, люди мало их оплакивали, потому что они столь дурно поступили с тем, с кем не должны были так обращаться. Когда другие рыцари Ренье де Трита, не столь близкие ему родственники, увидели это, они также покинули его — около восьмидесяти рыцарей все вместе — и ушли другой дорогой. Ренье де Трит остался среди греков с очень малым числом людей: у него было не более двадцати пяти рыцарей в Филиппополе и в Стенимаке, очень сильном замке, которым он владел и где впоследствии долго находился в осаде.

183. Теперь оставим Ренье де Трита и вернёмся к императору Балдуину, находившемуся в Константинополе с очень малым числом людей, сильно встревоженному и стеснённому, ожидая своего брата Анри и всех людей, находившихся за проливом. Первыми пришли люди из Никомедии — Макар де Сент-Мену, Матье де Валенкур и Робер де Ронсуа; в их отряде было около ста рыцарей. Император очень обрадовался, увидев их, и поговорил с графом Людовиком Блуаским и Шартрским. Они решили выйти с тем числом людей, какое имели, и последовать за Жоффруа, маршалом Шампани, который ушёл вперёд.

184. Увы, какой это был ущерб, что они не дождались всех остальных, находившихся за проливом, ибо людей у них было мало для столь опасных мест, куда они направлялись. Они вышли из Константинополя примерно со ста сорока рыцарями и шли день за днём, пока не пришли к замку Никице, где расположился Жоффруа маршал. Ночью они держали общий совет.

182. В то же время произошло странное событие. Ренье де Трит находился в Филиппополе, в девяти днях пути от Константинополя, примерно со ста двадцатью рыцарями, когда его сын Ренье, брат Жиль, племянник Жак де Бондин и Шарль де Верден, женатый на его дочери, покинули его и увели тридцать рыцарей, намереваясь вернуться в Константинополь, оставив его в большой опасности среди врагов и без надежды на помощь. Но они нашли всю страну восставшей, были разбиты и взяты греками, а затем переданы королю Болгарии, который велел всем отрубить головы. Французы почти не оплакивали и не сожалели о них из-за неверности и вероломства, с которыми они поступили по отношению к тому, кого не должны были оставлять. Другие рыцари Ренье де Трита, менее близкие ему, а потому меньше боявшиеся позора подобного поступка, также ушли — около восьмидесяти человек вместе — другой дорогой; так Ренье де Трит остался среди греков с очень малым числом людей, всего с двадцатью пятью рыцарями в Филиппополе и Стенимаке, сильном замке, которым он владел и где впоследствии долго был заперт.

183. Между тем император Балдуин оставался в Константинополе с малым числом людей, весьма огорчённый столькими дурными событиями и не зная, что предпринять, всё ещё ожидая своего брата Анри и войска из-за пролива. Первыми прибыли люди из Никомедии — около ста рыцарей под начальством Макара де Сент-Мену, Матье де Валенкура и Робера де Ронсуа. Император был очень рад их прибытию и вместе с графом Блуаским решил выступить в поле со всеми силами, какие сумеет собрать, чтобы соединиться с Жоффруа, маршалом Шампани, ушедшим впереди.

184. Но, увы, каким несчастьем было то, что они не дождались остальных, ещё находившихся за проливом, ибо их войска были слишком слабы для мест, через которые им неизбежно предстояло пройти. Они вышли из Константинополя примерно со ста сорока рыцарями и прибыли в Никицу, где расположился маршал Жоффруа. В ту же ночь они держали совет.

184. Содержание совета было таково: утром они пойдут прямо к Адрианополю и осадят его. Они построили свои отряды и очень хорошо распределили небольшое число людей, которыми располагали. Когда утром рассвело, они двинулись так, как было решено, пришли к Адрианополю и нашли его хорошо укреплённым. На стенах и башнях они увидели знамёна Иоанна, короля Влахии и Болгарии; город был очень силён, богат и наполнен людьми у ворот. Это было во вторник Страстной недели. Так они три дня стояли перед городом, терпя большие лишения и имея мало людей.

185. Тогда прибыл Энрико Дандоло, дож Венеции; он был уже стар и совершенно слеп. Он привёл столько людей, сколько имел, примерно столько же, сколько вместе привели император Балдуин и граф Людовик, и расположился перед одними из ворот. На следующий день к ним пришёл отряд конных сержантов, однако очень хотелось бы, чтобы они стоили больше, чем стоили. Продовольствия было так мало, что невозможно было обеспечить рынок; за фуражом также нельзя было ездить, потому что по стране было столько греков, что это было невозможно. Иоанн, король Влахии, шёл на помощь Адрианополю с великим войском, состоявшим из владов и болгар и примерно четырнадцати тысяч куманов, которые не были крещены.

186. Из-за недостатка продовольствия граф Людовик Блуаский и Шартрский в Вербное воскресенье отправился за припасами. С ним пошли Этьен дю Перш, брат покойного графа дю Перша, Рено де Монмирай, брат графа Гуго Неверского, Жерве дю Шатель и более половины всего войска. Они пришли к замку, называемому Пентасом, который нашли хорошо укреплённым греками, и дали большой и яростный штурм, но ничего не смогли сделать и вернулись без всякого успеха. Так они провели Страстную неделю, изготавливая различные осадные машины и посылая минёров под землю, чтобы подкопать стену. Пасху они встретили перед Адрианополем с малым числом людей и малым количеством продовольствия.

187. Тут пришло известие, что Иоанн, король Влахии, приближается, чтобы помочь городу. Они устроили своё дело так: Жоффруа маршал и Манассе де Лиль будут охранять лагерь, а император Балдуин и все остальные выйдут навстречу, если Иоанн приблизится для битвы. Так они оставались до среды после Пасхи. Иоанн подошёл уже настолько близко, что стоял лагерем примерно в пяти лье от них, и послал своих куманов делать набеги перед лагерем. В войске поднялась тревога; французы беспорядочно вышли и очень неразумно преследовали куманов добрую лье. Когда же стали возвращаться, куманы резко повернули и начали сильно стрелять по ним, ранив многих коней. Французы вернулись в лагерь, были вызваны к императору Балдуину на совет, и им сказали, что они совершили большую глупость, так далеко преследуя людей, вооружённых столь легко.

188. Совет постановил, что если Иоанн снова придёт, войско выйдет, построится перед лагерем и будет ждать его там, не двигаясь с места; по всему войску объявили, чтобы никто, каким бы шумом или криком он ни был возбужден, не смел нарушить этот приказ. Жоффруа маршалу и Манассе де Лиллю поручили охранять сторону города. Так прошла ночь до утра четверга пасхальной недели. Они выслушали мессу и пообедали, когда куманы вновь прискакали до самых шатров. Поднялась тревога, все бросились к оружию, и все отряды вышли из лагеря построенными, как было приказано накануне.

189. Граф Людовик первым вышел со своим отрядом и начал преследовать куманов, послав сказать императору Балдуину, чтобы тот поддержал его. Увы, как дурно они соблюли то, что решили накануне вечером: они преследовали куманов почти две лье, догнали их и долго гнали; тогда куманы повернули, начали кричать и стрелять. В отряде было много людей, помимо рыцарей, недостаточно знавших военное дело, и они стали пугаться и расстраивать строй. Граф Людовик, вступивший в бой одним из первых, был тяжело ранен в двух местах. Его конь пал; рыцарь по имени Жан де Фриэз спешился и посадил графа на своего коня. Многие люди говорили графу: «Сир, уходите, ибо вы очень тяжело ранены в двух местах». Он ответил: «Не дай Бог, чтобы мне когда-нибудь ставили в упрёк, будто я бежал с поля и оставил императора».

190. Император, которого враги сильно теснили, призывал своих людей и говорил, что не побежит и что они не должны его оставлять; и те, кто там был, свидетельствуют, что никогда тело рыцаря не защищалось лучше, чем он. Бой длился долго; некоторые оставили его. Наконец, поскольку Бог попускает несчастья, французы были разбиты. На поле остались император Балдуин, который не захотел бежать, и граф Людовик. Император Балдуин был взят живым, а граф Людовик убит.

185. Сразу после этого прибыл Энрико Дандоло, дож Венеции, уже старый человек и совершенно слепой, с тем числом войск, какое у него было, примерно равным силам, приве-

дённим вместе императором и графом Блуаским; он расположился перед одними из ворот. На следующий день в подкрепление прибыла рота лёгкой конницы, хотя лучше было бы, если бы её люди были доблестнее. Войско испытывало большой недостаток в продовольствии; нельзя было ни устроить безопасный рынок, ни посылать людей за фуражом из-за большого числа греков, заполнивших окрестности. Кроме того, король Болгарии шёл на помощь Адрианополю с сильной армией из влахов, болгар и примерно четырнадцати тысяч куманов — народа неверного.

186. Из-за великого голода в лагере граф Блуаский в Вербное воскресенье лично отправился в набег за продовольствием. С ним пошли Этьен дю Перш, брат покойного графа дю Перша, Рено де Монмирай, брат графа Неверского, Жерве дю Шатель и более половины войска. Они дошли до замка Пентас, хорошо занятого греками, и дали сильный штурм, но были отбиты и вынуждены вернуться, ничего не добившись. Всю Страстную неделю они употребили на изготовление различных машин и на подведение подземных мин под основание стены, чтобы сделать пролом. Так они встретили Пасху перед Адрианополем, имея мало людей и мало припасов.

187. Между тем пришла весть, что Иоанн, король Болгарии, идёт на них с большими силами, чтобы освободить город. Они немедленно распорядились делами и постановили, что Жоффруа маршал и Манассе де Лиль останутся охранять лагерь, а император Балдуин со всем остальным войском выйдет в поле ждать болгар, если те захотят дать сражение. Так они оставались до среды после Пасхи, когда король Болгарии приблизился и расположился в пяти лье от них, послав куманов делать набеги вплоть до лагеря. Поднялась тревога; наши беспорядочно выскочили и крайне неразумно гнали их добрую лье. Когда они начали возвращаться, куманы повернули, стали стрелять по ним и ранили множество коней. По возвращении в лагерь их вызвали на совет в присутствии императора и упрекнули за серьёзную ошибку — столь беспорядочно и далеко преследовать столь легко вооружённую конницу.

188. Чтобы впредь избежать подобного, они постановили: если болгарин придёт, они выйдут из лагеря и построятся перед ограждениями, где будут ждать его неподвижно, не продвигаясь вперёд. По всему войску трубным гласом объявили, чтобы никто не смел нарушить этот приказ, какой бы шум или тревога ни возникли. Было также решено, что Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии, и Манассе де Лиль останутся охранять сторону города. Так прошла ночь до четверга пасхальной недели; после мессы и трапезы куманы вновь пришли, напали на лагерь и дошли до шатров и павильонов. Поднялся крик, каждый побежал к оружию, и все отряды вышли за ограждения в установленном порядке.

189. Граф Блуаский первым двинулся вперёд со своим отрядом и начал атаковать куманов, послав императору Балдуину сказать, чтобы тот шёл следом и поддержал его. Но, увы, как плохо они соблюдали то, что постановили накануне: на всём скаку они преследовали врага почти две лье, пока куманы, увидев своё преимущество, внезапно не повернули, крича и стреляя по нашим. Поскольку не все французы были одинаково опытны в военном деле, они начали пугаться и сами расстраивать свои ряды. Граф Блуаский, одним из первых вступивший в бой, был тяжело ранен в двух местах и сбит на землю; один из его рыцарей, Жан де Фриэз, тотчас сошёл со своего коня и посадил на него графа. Многие убеждали его удалиться из-за ран, но он дал великодушный ответ: «Не дай Бог, чтобы мне когда-либо поставили в упрёк, будто я бежал с поля битвы или оставил императора».

190. С другой стороны, император, теснимый врагами, старался собрать людей и уверял их, что сам не намерен бежать, умоляя не оставлять его в столь крайней нужде. Те, кто находился рядом, свидетельствовали, что ни один рыцарь никогда не защищался лучше и доблестнее, чем он в этой битве, продолжавшейся долго, пока некоторые не обратились в бегство. Наконец, поскольку Бог в Своём Провидении допускает несчастья, наши были совершенно разбиты. Император и граф Блуаский, не решившиеся бежать, остались на поле: император был взят в плен, граф убит.

191. Там погибли Пьер, епископ Вифлеемский, Этьен дю Перш, брат графа Жоффруа, Рено де Монмирай, брат графа Неверского, Матье де Валенкур, Робер де Ронсуа, Жан де Фриэз, Готье де Нёйи, Тьерри д'Эр, Жан, его брат, Эсташ де Шомон, Жан, его брат, Балдуин де Нёвиль и многие другие, о которых книга здесь не говорит. Те, кто смог спастись, бежали к лагерю. Увидев их, Жоффруа, маршал Шампани, охранявший одни из городских ворот, вышел как можно скорее со своими людьми и послал Манассе де Лиллю, охранявшему другие ворота, приказ немедленно следовать за ним. Он со своим отрядом быстро поскакал навстречу бегущим, и те стали собираться вокруг него. Манассе де Лиль также пришёл со своими людьми настолько быстро, насколько мог, и соединился с ним. Тогда произошёл ещё более тяжёлый бой, и всех беглецов, которых удавалось остановить, включали в этот отряд. Так преследование было остановлено между девятым часом и вечерней.

192. Но многие были настолько испуганы, что бежали мимо них прямо к шатрам и жилищам. Наконец бегство было остановлено, как вы слышали. Куманы, влахи и греки, которые преследовали их, остановились и стали теснить этот отряд луками и стрелами; люди отряда стояли неподвижно лицом к ним. Так они оставались до самого вечера. Затем куманы и влахи начали отходить.

193. Тогда Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани и Романии, послал за дожем Венеции, находившимся в лагере, старым и слепым человеком, но очень мудрым, доблестным и деятельным, и просил его прийти к его отряду в поле. Дождь пришёл. Увидев его, маршал отвёл его в сторону на совет и сказал: «Сир, вы видите несчастье, постигшее нас. Мы потеряли императора Балдуина, графа Людовика и большую часть наших лучших людей. Теперь подумаем, как спасти остаток, ибо, если Бог не сжадется над нами, мы погибли». В конце они решили вернуться в лагерь, ободрить людей, приказав каждому оставаться вооружённым в своём жилище и шатре, а Жоффруа маршал со своим отрядом останется вне лагеря в полном боевом порядке до наступления ночи; ночью они уйдут от города.

191. В этой битве также погибли Пьер, епископ Вифлеемский, Этьен дю Перш, брат графа Жоффруа, Рено де Монмирай, брат графа Неверского, Матье де Валенкур, Робер де Ронсуа, Жан де Фриэз, Готье де Нёйи, Ферри д'Эр, его брат Жан, Эсташ де Эмон, его брат Жан, Балдуин де Нёвиль и многие другие знатные люди. Остальные, кому удалось уйти, во весь опор возвращались в лагерь. Узнав от беглецов о поражении, маршал Шампани, стоявший на страже перед одними из городских ворот, быстро вышел со всеми имевшимися у него людьми и послал Манассе де Лиллю, стоявшему у других ворот, приказ немедленно следовать за ним. Сам он на полном скаку двинулся навстречу бегущим и добился, чтобы они собирались вокруг него; Манассе вскоре присоединился со своим отрядом. Их маленькое войско стало увеличиваться, поскольку все беглецы, которых удавалось остановить, становились в строй. Так бегство было остановлено между девятым часом и вечерней.

192. Однако большая часть была настолько напугана, что бежала мимо них до самых палаток и павильонов, и остановить их было невозможно. Наконец бегство прекратилось, и наши несколько пришли в себя. Куманы также прекратили преследование, как и валахи и греки, так энергично гнавшиеся за ними и мучившие их луками и стрелами. Наши стояли твёрдо в боевом порядке, не двигаясь ни вперёд, ни назад, и оставались так до вечера, когда куманы и валахи начали отходить.

193. Тогда Жоффруа, маршал Шампани и Романии, послал к дожу Венеции, человеку великой энергии и необычайной мудрости, хотя лишённому зрения, и попросил его немедленно прийти к нему в поле и соединиться с ним. Дож пришёл. Маршал отвёл его в сторону и сказал: «Сир, вы видите постигшее нас несчастье: мы потеряли императора Балдуина и графа Блуаского, а также большую и лучшую часть наших людей. Теперь надо позаботиться о спасении оставшегося; несомненно, если Бог не окажет нам особой милости, мы все погибнем». Они решили вернуться к лагерю, чтобы укрепить дух воинов, потрясённых поражением; каждый должен был оставаться вооружённым в палатке и жилище, а Жоффруа, маршал Шампани, с войсками будет стоять за укреплениями в боевом порядке до наступления ночи, после чего они оставят город и соберут обоз для отступления.

194. Дож Венеции должен был идти впереди, Жоффруа маршал — составлять арьергард со своими людьми. Так они ждали до ночи. Когда наступила ночь, дож вышел первым из лагеря согласно решению, а Жоффруа маршал шёл в арьергарде. Они двигались медленно, увозя всех своих людей — пеших и конных, раненых и прочих, — не оставив ни одного человека. Они направились к приморскому городу Родосто⁸², находившемуся примерно в трёх днях пути. Так они ушли, как вы слышали. Это несчастье случилось в год от воплощения Иисуса Христа 1205. В ту ночь, когда войско покинуло Адрианополь, некоторые пошли более прямой дорогой и двигались быстрее остальных, за что получили большой укор. Среди них был ломбардский граф по имени граф Грас, человек маркиза, Эд де Ам, сеньор замка Ам в Вермандуа, и около двадцати пяти других рыцарей, которых книга не называет. Поражение произошло в четверг вечером, а они уже в субботу вечером прибыли в Константинополь, хотя между городами было пять больших дневных переходов, и рассказали дурную весть кардиналу Пьеру де Капуе, бывшему там от папы Иннокентия, Конону де Бетюну, охранявшему Константинополь, Милону Брабантскому и другим добрым людям. Они сильно испугались и были уверены, что весь остаток войска, оставшийся перед Адрианополем, погиб, поскольку никаких известий о нём не было.

194. Было решено, что дож Венеции пойдёт впереди, а маршал со своими людьми составит арьергард. Дождавшись ночи, дож первым вышел из лагеря, а маршал следовал в арьергарде. Они шли медленно, увозя всех — пеших и конных, раненых и остальных, не оставив ни одного человека, и направились к Родосто, приморскому городу в трёх днях пути. Это поражение произошло в 1205 году от воплощения Господа нашего Иисуса Христа. В ночь отступления некоторые избрали более прямой и короткий путь и спешили больше других, за что были сильно осуждены; среди них был ломбардский граф по имени граф Грас из владений маркиза, Гуго де Ам, сеньор одноимённого замка в Вермандуа, и около двадцати пяти других рыцарей, имена которых история умалчивает из уважения. Поскольку поражение было в четверг вечером, они уже в субботу вечером прибыли в Константинополь, несмотря на пять больших дневных переходов, и сообщили дурную весть кардиналу Пьеру де Капуе, легату папы Иннокентия, Конону де Бетюну, оставленному охранять Константинополь, Милону Брабантскому и другим

⁸² Родосто находится в восемнадцати лье к западу от Константинополя. Следует читать: в трёх днях пути оттуда.

баронам. Те были сильно уstraшены и полагали, что остаток наших, оставленный перед Адрианополем, погиб, поскольку ещё не получили от него никаких известий.

195. Теперь оставим тех, кто в Константинополе пребывал в великой скорби, и вернёмся к дожу Венеции и Жоффруа маршалу. Они шли всю ночь после выхода из Адрианополя до рассвета и пришли к городу, называемому Памфилой. Послушайте, как происходят события по воле Божией: в этом городе ночевали Пьер де Браекель, Пайен д'Орлеан и все люди графа Людовика — около ста добрых рыцарей и ста сорока конных сержантов, которые возвращались из-за пролива и шли к войску под Адрианополем. Увидев приближающийся отряд, они быстро схватились за оружие, думая, что это греки. Они послали разведать, кто идёт, и узнали, что это люди, возвращающиеся после поражения; от них они услышали, что император Балдуин потерян, как и их государь Людовик, от земли и дома которого они происходили. Более скорбной вести им нельзя было сообщить.

196. Тогда вы увидели бы много слёз, много ударов ладонями от горя и сострадания. Все вооружённые, как были, они пошли навстречу и дошли до Жоффруа, маршала Шампани, который с большим трудом вёл арьергард. Иоанн, король Влахии и Болгарии, на следующий день после их выхода пришёл к Адрианополю со всем войском, увидел, что французы ушли, и двинулся по их следу; великой удачей было то, что он не настиг их, ибо, если бы настиг, все были бы безвозвратно потеряны. Подойдя к маршалу, эти люди сказали: «Сир, что вы хотите, чтобы мы делали? Мы сделаем всё, что вам будет угодно». Он ответил: «Вы видите, в каком положении мы находимся. Вы и ваши кони свежи. Поэтому вы составите арьергард, а я поеду впереди и буду удерживать наших людей, которые сильно напуганы и очень нуждаются в этом». Они охотно сделали так, как он велел, и очень хорошо составили арьергард, как люди, умевшие это делать, ибо были хорошими и почтенными рыцарями.

197. Жоффруа, маршал Шампани, поехал впереди и вёл войско до города, называвшегося Хариополем. Он увидел, что их кони устали от ночного перехода, и около полудня ввёл людей в город и расположил на отдых. Коней накормили, а сами люди съели то небольшое, что смогли найти. Они провели в городе весь день до ночи. Иоанн, король Влахии, весь день шёл по их следу и расположился примерно в двух лье от них. Когда наступила ночь, все находившиеся в городе вооружились и вышли. Жоффруа маршал снова шёл впереди, как и днём. Они ехали всю ночь и на следующий день в великом страхе и с великим трудом, пока не пришли в Родосто, богатый и очень сильный город, населённый греками. Жители не осмелились защищаться; французы вошли, расположились там и наконец оказались в безопасности. Так спаслись люди войска из-под Адрианополя, как вы слышали.

198. Тогда в Родосто они держали совет. Они были обеспокоены теми, кто находился в Константинополе, не меньше, чем самими собой, и решили послать человека морем, который будет идти день и ночь и сообщит им не падать духом, потому что большая часть войска спаслась после поражения.

195. Между тем дож Венеции и Жоффруа, маршал Шампани, шли всю ночь после выхода из Адрианополя до рассвета, когда оказались у Памфилы. В эту ночь там стояли Пьер де Браекель и Пайен д'Орлеан примерно со ста рыцарями и ста сорока лёгкими конниками, возвращавшимися из Натолии к лагерю под Адрианополем. Увидев приближение отряда, они быстро вооружились, думая, что идут греки; посланные на разведку обнаружили, что это возвращавшиеся после поражения, от которых они узнали о потере императора Балдуина и своего госу-

даря графа Блуаского, чьими вассалами и земляками были. Более печальной новости для них быть не могло.

196. Можно было видеть, как они проливали горячие слёзы и били себя в грудь от горя и сострадания. Все вооружённые, они двинулись к маршалу Жоффруа, который в большой опасности вёл арьергард. На следующий день после выхода французов из Адрианополя туда прибыл Иоанн, король Болгарии, со всем войском и, увидев, что они ушли, начал преследование; большим счастьем было, что он их не настиг, ибо иначе завершил бы их разгром без надежды спастись кому-либо. Присоединившись к маршалу, рыцари сказали: «Сир, что вы хотите, чтобы мы делали? Мы готовы исполнить всё, что вам будет угодно, и полностью следовать вашим приказам». Он ответил: «Вы видите, в каком мы состоянии. Вы свежи и мало устали, как и ваши кони; поэтому вам следует составить арьергард, а я поеду вперёд удерживать наших людей, которые напуганы и очень нуждаются в поддержке». Они охотно согласились и прекрасно исполнили обязанность арьергарда, как люди, хорошо знавшие это дело и бывшие добрыми воинами и храбрыми рыцарями.

197. Маршал перешёл к переднему отряду и принял его ведение. Около полудня они дошли до Хариополя; поскольку кони были совершенно измучены ночным переходом, люди расположились в городе, накормили коней, сами поели то немного, что смогли найти, и отдыхали до ночи. Король Болгарии всё это время продолжал преследовать их и вечером расположился в двух лье. С наступлением ночи наши снова вооружились и вышли из города; маршал вновь вёл авангард. Они шли всю ночь и на следующее утро с большими трудностями и в большой опасности пришли в Родосто — богатый, сильный город, населённый греками; те не решились обороняться, и наши вошли, расположились там и с этого времени оказались в большей безопасности.

198. Так армия, стоявшая перед Адрианополем, спаслась от ярости болгар. Находясь в Родосто, они собрали совет и, будучи не меньше обеспокоены судьбой людей в Константинополе, чем собственной, решили отправить человека по морю, чтобы он день и ночь спешил туда и сообщил им не падать духом и что большая часть войска спаслась после поражения.

199. Мэтр Пьер де Капуа, кардинал от папы Римского Иннокентия, Конон де Бетюн, охранявший Константинополь, Милон Брабантский и многие другие добрые люди пошли к пяти кораблям и со слезами просили находившихся на них пожелать христианство и своих сюзеренов, погибших в битве, и ради Бога остаться. Но те не пожелали слушать никаких слов; они вышли из гавани, подняли паруса и отправились в путь, как пожелал Бог, и ветер привёл их в порт Родосто на следующий день после того, как туда прибыли люди, спасшиеся после поражения. Жоффруа маршал и находившиеся с ним со слезами и мольбами просили их смиловаться и пожелать эту землю и остаться, ибо никогда уже они не смогут оказать помощи какой-либо земле в столь великой нужде. Те ответили, что посоветуются и дадут ответ на следующий день.

200. Теперь послушайте, что произошло в ту ночь в этом городе. Среди людей графа Людовика был рыцарь по имени Пьер де Фруавиль, уважаемый и известный человек; ночью он тайно ушёл, оставил всё своё снаряжение и сел на корабль Жана де Вирсена, происходившего из владений графа Людовика Блуаского и Шартрского. А люди с пяти кораблей, которые должны были утром дать ответ Жоффруа маршалу и дожу Венеции, едва увидев рассвет, подняли паруса и ушли, не поговорив ни с кем. За это их сильно порицали и в той стране, куда они отправились, и в той, откуда ушли, а Пьера де Фруавиля — больше всех прочих. Поэтому

и говорят, что весьма дурно поступает тот, кто из страха смерти совершает поступок, который будут ставить ему в укор до конца его дней.

201. Теперь оставим их и расскажем об Анри, брате императора Балдуина Константинопольского, который покинул Адрамиттий и спешил к Адрианополю на помощь своему брату императору Балдуину; вместе с ним переправились армяне, помогавшие ему против греков, числом около двадцати тысяч, со своими жёнами и детьми, ибо они не осмеливались оставаться в стране. Тогда от греков, спасшихся после поражения, до него дошла весть, что его брат император Балдуин потерян, а также граф Людовик и другие бароны; затем пришло известие от спасшихся и находившихся в Родосто, которые просили его как можно скорее спешить к ним. Желая прибыть скорее, он оставил армян, которые были пешими и везли с собой повозки, жён и детей; поскольку они не могли двигаться так быстро, он полагал, что они безопасно придут вслед за ним и им нечего опасаться. Сам же он расположился в селении, называвшемся Кортакополь⁸³. В тот же день Ансо де Курсель, племянник Жоффруа маршала, которого тот посылал в области Макры, Траянополя и аббатства Вера — земли, пожалованные ему во владение, — вместе с людьми, вышедшими из Филиппополя и присланными Ренье де Тритом, соединился с ним. В этом отряде было около ста весьма добрых рыцарей и около пятисот конных сержантов, и все они шли к Адрианополю на помощь императору Балдуину.

202. По дороге они, как и остальные, получили известие, что император и его спутники разбиты, и также повернули к Родосто; на ночлег они остановились в селении Кортакополь, где находился Анри, брат императора Балдуина. Когда люди Анри увидели их приближение, они схватились за оружие, думая, что это греки; пришедшие, со своей стороны, подумали о них то же самое. Но, когда они приблизились, то узнали друг друга, очень обрадовались встрече, почувствовали себя безопаснее и провели ночь в этом селении до следующего дня. Утром они выступили и направились прямо к Родосто, куда прибыли вечером; там нашли дожа Венеции, Жоффруа маршала и других, спасшихся после поражения, которые очень обрадовались их прибытию, и было пролито много слёз из-за погибших друзей. Ах, Боже, какое несчастье, что все эти силы не находились с остальными под Адрианополем, когда там был император Балдуин, ибо тогда они ничего не потеряли бы; но Богу было угодно иначе. На следующий день и ещё один день после него они оставались там, приводя свои дела в порядок, и было решено, что Анри, брат императора Балдуина, примет управление как наместник империи вместо своего брата. Тогда же произошло несчастье с армянами, которые шли вслед за Анри, братом императора Балдуина: жители страны собрались, разбили армян, и все они были взяты, убиты или погибли.

199. Мэтр Пьер де Капуа, кардинал-легат папы Иннокентия, Конон де Бетюн, которому была поручена охрана Константинополя, Милон Брабантский и большая часть знатных людей пришли к этим пяти кораблям и со слезами умоляли находившихся там проявить сострадание к христианству и к своим государям и сюзеренам, оставшимся на поле битвы, и ради Бога не уезжать. Но те остались глухи к их увещаниям и не пожелали уступить. Они вышли из гавани, подняли паруса и ушли в открытое море, пока ветер и судьба не привели их в порт Родосто на следующий день после того, как туда прибыли наши. Маршал де Виллардуэн и находившиеся с ним обращались к ним с теми же мольбами и слезами, что и в Константинополе, прося пожалеть эту страну и остаться ещё на некоторое время, ибо никогда больше они не смогут

⁸³ Очень трудно определить точное положение и современные названия различных городов Македонии, упоминаемых Виллардуэном далее в этой истории; географию Европейской Турции в Средние века ещё только предстоит составить; мы сожалели, что не смогли посетить эти области во время нашего путешествия на Восток.

оказать помощь какой-либо земле в столь подходящий момент и при столь великой нужде. Те ответили, что посоветуются и сообщат своё решение на следующий день.

200. Но в ту же ночь произошло следующее: один рыцарь из владений графа Блуаского, храбрый и пользовавшийся большой известностью, тайно ушёл, оставив всё своё снаряжение, и сел на корабль Жана де Вирсена, также происходившего из владений графа Блуаского. Что же до людей с пяти кораблей, которые должны были утром дать ответ маршалу и дожу Венеции, то, едва рассвело, они снялись с якоря и поставили паруса, не поговорив ни с кем; за это их сильно порицали как в стране, куда они отправились, так и в той, которую покинули, а особенно Пьера де Фруавиля. Отсюда и обычная поговорка: весьма дурно поступает тот, кто из страха смерти делает то, что ему будут ставить в укор до конца жизни.

201. Между тем принц Анри, покинув Адрамиттий, большими переходами шёл к Адрианополю на помощь своему брату императору Балдуину; его сопровождали армяне, вставшие на сторону французов в Анатолии против греков, числом около двадцати тысяч, переправившиеся через пролив вместе с ним со своими жёнами и детьми, поскольку не осмеливались оставаться в стране. В пути он от самих греков, спасшихся после поражения, узнал, что император Балдуин, граф Блуаский и другие знатные люди были убиты или взяты в плен. Вскоре это известие подтвердили наши, спасшиеся от разгрома и прибывшие в Родосто, откуда они просили Анри поспешить и как можно скорее присоединиться к ним. Исполняя это, он немедленно выступил; чтобы идти быстрее, ему пришлось оставить позади армян, которые были пешими и имели большое число повозок с жёнами и детьми, поэтому не могли двигаться с такой же скоростью, а он полагал, что они смогут безопасно прийти следом. Сам он прошёл дальше и остановился в селении Кортакополь. В то же время Ансо де Курсель, племянник маршала Шампани, которого тот отправил в области Макры, Траянополя и аббатства Верау — земли, назначенные ему в долю завоеваний, — шёл к войску под Адрианополем на помощь императору вместе с людьми, вышедшими из Филиппополя и посланными Ренье де Тритом; их было около ста рыцарей и приблизительно пятьсот конных сержантов.

202. Они также по дороге узнали о поражении императора и тех, кто находился с ним, и, направляясь к Родосто, пришли ночевать в селение Кортакополь, где уже находился принц Анри. Сначала обе стороны, приняв друг друга за греков, бросились к оружию; но, приблизившись, узнали друг друга и чрезвычайно обрадовались соединению, почувствовав себя после этого гораздо увереннее. Эту ночь они провели в селении, а на следующий день выступили и направились к Родосто, куда прибыли вечером; там они нашли дожа Венеции, маршала и других, спасшихся после битвы, которые очень обрадовались их появлению. При этой встрече было пролито много слёз из-за друзей, потерянных в последнем сражении. Великим несчастьем для христианства было то, что все эти войска не находились вместе с силами императора при осаде Адрианополя: несомненно, тогда поражения не произошло бы; но Бог этого не допустил. Они оставались там на следующий день и ещё один день после него, приводя свои дела в порядок, и тогда было решено, что Анри, брат императора Балдуина, будет управлять государством как наместник и регент империи. Пока они находились в Родосто, с армянами, шедшими вслед за братом императора, произошло великое несчастье: жители страны собрались против них и всех либо убили, либо взяли в плен.

203. Иоанн, король Влахии и Болгарии, находился со всем своим войском и овладел всей страной; земли, города и замки держались его стороны, а куманы совершали набеги вплоть до самых стен Константинополя. Анри, наместник империи, дож Венеции и Жоффруа маршал всё ещё находились в Родосто, далеко от Константинополя; они держали совет, и дож Венеции

оставил в Родосто гарнизон из венецианцев, поскольку город принадлежал им. На следующий день они построили свои отряды и двинулись переходами к Константинополю. Когда они пришли в Силиври⁸⁴, город в двух днях пути от Константинополя, принадлежавший императору Балдуину Константинопольскому, Анри, его брат, оставил там часть своих людей для охраны; с остальными они продолжили путь к Константинополю, где их приняли с большой радостью, ибо жители страны были чрезвычайно напуганы. И неудивительно: они потеряли почти всю страну, так что вне Константинополя у них оставались лишь Родосто и Силиври. Всей остальной землёй владел Иоанн, король Влахии и Болгарии. По другую сторону пролива Святого Георгия они удерживали только замок Пигай, а всей остальной землёй владел Феодор Ласкарис.

204. Тогда бароны решили послать к папе Иннокентию в Рим, во Францию, Фландрию и другие страны просить помощи. За этой помощью были отправлены Нивелон Суассонский, Никола де Майи и Жан де Блио; остальные оставались в Константинополе в великой нужде, как люди, боявшиеся потерять страну. Так продолжалось до Пятидесятницы. За это время войско понесло очень большую потерю: Энрико Дандоло заболел, скончался и был с великими почестями похоронен в церкви Святой Софии. Когда наступила Пятидесятница, Иоанн, король Влахии и Болгарии, уже совершивший в стране многое по своей воле, не смог больше удерживать куманов, потому что летом они не могли оставаться в походе, и те вернулись в свою землю. Он же со всеми своими болгарам и греками пошёл против маркиза к Фессалонике; маркиз, узнав о поражении императора Балдуина, снял осаду Наполи и с таким числом людей, какое смог собрать, отправился в Фессалонику и укрепил её.

203. Тем временем король Болгарии со своим войском овладел всей страной; все города и замки переходили на его сторону, а куманы продолжали свои набеги до самых стен Константинополя. Анри, регент империи, дож Венеции и Жоффрау, маршал Шампани, всё ещё находились в Родосто, далеко от Константинополя, и решили оттуда выступить, причём дож Венеции оставил гарнизон из венецианцев для охраны Родосто, принадлежавшего республике. На следующий день они двинулись в сторону Константинополя, всё время идя строем, и пришли в Силиври, находившуюся в двух днях пути от города и принадлежавшую императору Балдуину; там принц, его брат, оставил некоторое число войск для охраны. Оттуда они с остальными направились к Константинополю, где их приняли очень хорошо, поскольку весь народ был страшно напуган, и не без причины: из всех завоеваний за пределами Константинополя у них оставались только Родосто и Силиври, а всем остальным владел король Болгарии; за проливом, в Анатолии, они удерживали лишь замок Пигай, а всё остальное повиновалось Феодору Ласкарису.

204. Видя себя доведёнными до такой крайности, они держали совет и решили отправить в Рим к папе Иннокентию, во Францию, Фландрию и другие страны послов, чтобы просить помощи. Для этого были избраны и отправлены Нивелон, епископ Суассонский, Никола де Майи и Жан де Блио; остальные оставались в Константинополе, терпя большие лишения и постоянно опасаясь потерять всё завоёванное. В таком положении они находились до Пятидесятницы. За это время войско постигло новое несчастье: Энрико Дандоло, дож Венеции, заболел и умер. Его с почестями похоронили в церкви Святой Софии. Когда наступила Пятидесятница, король Болгарии, беспрепятственно расширявший свои завоевания на землях империи, уже не мог удерживать куманов из-за летней жары, во время которой они не привыкли воевать, и не смог воспрепятствовать их возвращению на родину. Сам же он вместе со своими болга-

⁸⁴ Силиври, или Селимбрия, находится на берегу Пропонтиды, в десяти лье к западу от Константинополя.

рами и греками, державшими его сторону, решил идти к Фессалонике, где находился маркиз; тот, получив известие о поражении императора Балдуина, снял осаду Наполи и вернулся в Фессалонику с тем количеством войск, какое смог собрать, снабдив город всем необходимым.

205. Анри, брат императора Балдуина, вышел из Константинополя с таким числом людей, какое мог повести, и двинулся против греков до земли, называемой Чурлот, находившейся в трёх днях пути от Константинополя; она сдалась ему, и греки принесли ему присягу верности, которую в те времена соблюдали очень дурно. Затем он дошёл до города Аркадиополя и нашёл его пустым, потому что греки не осмелились ждать его; оттуда отправился к городу Визои, очень сильному и хорошо снабжённому греками, и тот сдался ему. Оттуда он пошёл к городу Наполи, который также был хорошо наполнен греками; когда французы приготовились его штурмовать, жители предложили переговоры и обещали сдаться. Пока с одной стороны велись переговоры, люди войска с другой стороны вошли в город, так что Анри, наместник империи, и те, кто вёл переговоры, ничего об этом не знали и были этим очень недовольны. Французы начали убивать греков, захватывать городское имущество и брать всё; многие были убиты и взяты в плен. Так был взят Наполи, и войско оставалось там три дня. Греки были настолько уstraшены этой резнёй, что покинули все города и замки страны и все бежали в Адрианополь и Дидимотику, очень сильные и хорошие города.

206. В это время Иоанн, король Влахии и Болгарии, двинулся со всем войском против маркиза к городу, называемому Серры⁸⁵; маркиз очень хорошо снабдил его людьми и поместил туда Гуго де Колиньи, очень хорошего рыцаря и знатного человека, Гийома д'Арля, своего маршала, и значительную часть лучших людей. Иоанн, король Влахии, осадил их. Осада продолжалась недолго, когда он силой взял предместье. При взятии предместья случилось большое несчастье: Гуго де Колиньи был убит, получив удар в глаз; когда погиб тот, кто был лучшим среди них, остальные очень испугались и отступили в весьма сильный замок. Иоанн осадил их и поставил свои камнемёты; прошло немного времени, прежде чем находившиеся внутри заговорили о заключении соглашения, за что впоследствии их порицали и укоряли. Соглашение было таким: они сдавали замок Иоанну, а Иоанн заставил двадцать пять знатнейших людей своего войска поклясться, что он безопасно проведёт их со всеми конями и оружием либо в Фессалонику, либо в Константинополь, либо в Венгрию — куда из этих трёх мест они пожелают.

205. С другой стороны, брат императора собрал столько сил, сколько мог, и выступил против греков до города, называемого Цурулумом, в трёх днях пути от Константинополя; город сдался, а греки принесли ему клятву верности, которую в те времена соблюдали весьма плохо. Оттуда он направился в Аркадиополь, который нашёл пустым, поскольку жители не осмелились его ждать; затем пришёл в Визои, сильное и прекрасно укреплённое место, также сдавшееся ему. Из Визои он двинулся к городу Апре, где находилось множество греков; едва увидев, что наши готовятся к нападению, они попросили переговоров, но пока с одной стороны составляли условия капитуляции, люди войска вошли в город с другой, ничего не сообщив ни регенту, ни тем, кто занимался составлением статей, отчего те были сильно раздражены. Между тем французы начали большую резню греков, разграбили город и забрали всё, что там было; число убитых и пленников оказалось велико. После того как Апре был таким образом взят приступом, войско оставалось там три дня; остальные греки были настолько напуганы примером этой жестокой расправы, что покинули все города и замки страны и укрылись в Адрианополе и Дидимотике — хороших и очень сильных крепостях.

⁸⁵ Серры, или Серес.

206. Король Болгарии, со своей стороны, продолжал своё предприятие и со всеми войсками двинулся в земли маркиза; прежде всего он подошёл к городу Серры, который маркиз хорошо укрепил и куда поместил много храбрых людей, среди них Гуго де Колиньи, доблестного рыцаря и знатного сеньора, Гийома д'Арля, своего военного маршала, и значительную часть своих сил. Едва болгарин осадил город, как силой овладел предместьем; при его взятии по несчастью Гуго де Колиньи, лучший среди них, получил рану в глаз и был убит. Его смерть так испугала остальных, что они отступили в замок, который был очень силен. Болгарин осадил его и установил машины для обстрела, но защитники вскоре не решились продолжать сопротивление и попросили переговоров, за что подверглись и порицанию, и упрёкам. Условием капитуляции было, что они передадут крепость королю Болгарии, а он взамен обещает и заставит двадцать пять главных людей своего лагеря поклясться, что безопасно проведёт их с конями, оружием и снаряжением в Фессалонику, Константинополь или Венгрию — в любое из этих трёх мест, какое они выберут. После сдачи города болгарин велел вышедшим расположиться лагерем рядом с ним, три дня показывал им доброе расположение и посылал множество подарков.

207. Но вскоре он переменялся и нарушил слово, которое столь торжественно им поклялся соблюдать: отняв всё имущество, он велел заковать их, как рабов, и босыми и раздетыми, связанными и скованными, погнал в Влахию, где наиболее знатных обезглавили, а бедных и простых солдат, не имевших высокого положения, отправили в Венгрию. Вот как поступил с ними этот лживый и вероломный варвар; это была одна из самых тяжёлых потерь, которые наши понесли в тех краях. Затем он приказал разобрать замок и город и продолжил путь против маркиза.

207. Между тем регент со своим войском пошёл к Адрианополю и осадил его, хотя предприятие было очень опасным, поскольку и внутри, и снаружи находилось много вооружённых людей, державших их так тесно, что они не могли покупать продовольствие и едва могли отходить от лагеря, чтобы добывать его. Поэтому они укрепили лагерь хорошими заграждениями и палисадами, назначив часть людей охранять внешнюю сторону укреплений, пока остальные будут штурмовать город. Для этого они сделали машины различных видов, лестницы и множество других приспособлений и приложили большие усилия, чтобы взять город. Но это оказалось невозможно, потому что город был очень силен и прекрасно снабжён людьми. Они трудились напрасно, потеряв множество добрых воинов помимо раненых; среди них Пьер де Браекель, один из лучших рыцарей войска, получил удар камнем из мангонели в лоб и едва не умер, но по воле Божией выздоровел и был увезён на носилках. Увидев, что город взять невозможно, Анри, наместник империи, и французское войско сняли осаду и отступили; жители страны и другие греки сильно тревожили их в пути, пока наконец они не прибыли в город, называемый Памфилой. Там они расположились и оставались два месяца, время от времени совершая походы в сторону Дидимотики и других мест, откуда приводили большую добычу. Войско оставалось там до начала зимы, получая продовольствие и припасы из Родосто и морем.

208. Теперь оставим здесь Анри, наместника империи, и расскажем об Иоанне, короле Влахии и Болгарии, которому были сданы Серры, как вы слышали выше, и который предательски убил сдавшихся ему людей; он двинулся к Фессалонике, долго оставался там и разорил большую часть страны. Маркиз Бонифаций находился в Фессалонике, очень разгневанный и опечаленный потерей своего государя императора Балдуина, других баронов, замка Серры, который он потерял, и своих людей. Когда Иоанн увидел, что больше ничего не сможет там сделать, он повернул назад к своей стране со всем своим войском.

208. Иоанн, король Болгарии, после взятия Серр, как было рассказано, и жестокой расправы над теми, кто сдался, положившись на его верность и слово, двинулся к Фессалонике, где некоторое время оставался, грабя и разоряя страну, тогда как маркиз Монферратский находился в городе, стораю от досады как оттого, что у него на глазах разоряли его земли и он не мог этому воспрепятствовать, так и из-за потери замка Серры, но особенно из-за потери своего государя императора Балдуина и других баронов, оставшихся с ним. Наконец болгарин, увидев, что больше ничего не сможет предпринять в этих местах, повернул назад и со всем войском возвратился в свою страну.

209. Когда Ренье де Трит узнал об этом в городе, он испугался, как бы жители не сдали его Иоанну. Поэтому он вышел оттуда с теми людьми, какие у него были, прошёл один дневной переход и подошёл к одному из предместий города, где жили павликиане, перешедшие на сторону Иоанна; он поджёг это предместье и сжёг значительную его часть, после чего отправился в замок Стенимак, находившийся в трёх лье оттуда и занятый его людьми, вошёл туда и затем долго оставался в осаде, целых тринадцать месяцев, терпя великие лишения и нужду и от голода поедая своих лошадей; замок находился в девяти днях пути от Константинополя, так что ни одна сторона не могла получать известий от другой. Тогда Иоанн отправил своё войско к Филиппополю; оно недолго простояло там, потому что жители города сдались ему, и он обещал им безопасность. Но после того как они сдались под его защиту, он прежде всего велел убить архиепископа города, знатных людей приказал одних содрать живьём, другим отрубить головы, а всех остальных увёл в цепях; город же велел совершенно разрушить, башни, стены, великолепные дворцы и богатые дома сжечь и снести. Так был уничтожен благородный город Филиппополь, один из трёх лучших городов империи Константинополя.

210. Теперь оставим Филиппополь и Ренье де Трита, запертого в замке Стенимак, и вернёмся к Анри, брату императора Балдуина, который оставался в Памфиле до начала зимы. Тогда он посоветовался со своими людьми и баронами, и совет постановил укрепить город, называемый Русион, лежавший в очень плодородной местности посреди страны. Начальниками этого гарнизона были назначены Тьерри де Лос, сенешаль, и Тьерри де Термонд, коннетабль. Анри, наместник империи, оставил им около ста сорока рыцарей и множество конных сержантов и приказал вести войну против греков и охранять границу. Сам он с остальными пошёл до города Визои, укрепил его и назначил начальником Ансо де Кайё, оставив ему около ста двадцати рыцарей и большое число конных сержантов. Другой город, называемый Аркадиополем, укрепили венецианцы; а город Апре брат императора Балдуина передал Бранасу, женатому на сестре французского короля, единственному из греческих вельмож, державшему сторону латинян. Все эти гарнизоны вели войну против греков и совершали многочисленные набеги, а греки, в свою очередь, делали то же против них. После этого Анри с остальными своими людьми вернулся в Константинополь. Иоанн, король Влахии и Болгарии, также не бездействовал: будучи очень богат и силен, он собрал большое войско куманов и влахов и через три недели после Рождества отправил их в Романию на помощь жителям Адрианополя и Дидимотики. Получив такое подкрепление, те стали смелее и начали действовать увереннее.

211. Тьерри де Термонд, бывший начальником и коннетаблем, за четыре дня до праздника Сретения совершил набег и всю ночь ехал примерно со ста двадцатью рыцарями, оставив Русион с очень малым гарнизоном. На рассвете он подошёл к селению, где стояли куманы и вlahи, и застал их врасплох, так что находившиеся в селении ничего не узнали заранее; французы многих убили и захватили около одиннадцати их коней. Совершив это, они повернули обратно к Русиону. Но той же ночью куманы и вlahи, числом около семи тысяч, вышли на

грабёж и утром подошли к Русиону, где простояли довольно долго. В городе было мало людей, и жители закрыли ворота и поднялись на стены; тогда куманы и влахи повернули назад. Они отошли от города не более чем на полтора лье, когда встретили отряд французов, которым командовал Тьерри де Термонд.

212. Увидев их, французы построились в четыре отряда и решили медленно отступать к Русиону, надеясь, что, если Бог позволит им добраться до города, они будут спасены. Куманы, влахи и местные греки двинулись к ним, потому что их было чрезвычайно много, настигли арьергард и начали сильно теснить его. Арьергард составляли люди Тьерри де Лоса, сенешаля, который сам находился в Константинополе, а командовал ими его брат Вилен. Куманы, влахи и греки так сильно давили на них и ранили столь многих коней, что поднялся великий крик и шум; наконец силой и непрерывным натиском они столкнули их на отряд Андре д'Юрбуаза и Жана де Шуази, и те долго выдерживали натиск, потом немного оправились, но их снова оттеснили на отряд Тьерри де Термонда, коннетабля, а вскоре и на отряд Шарля де Френя. Они отступали уже так долго, что увидели Русион менее чем в половине лье, однако враги теснили их всё сильнее. Поднялся страшный шум; многие люди и кони были ранены, и, как Бог допускает случаться несчастьям, французы не смогли устоять и были разбиты, потому что были тяжело вооружены, тогда как их противники двигались налегке и начали их убивать.

213. Увы, каким скорбным днём был этот день для христианства: из всех ста двадцати рыцарей спаслось не более десяти, а остальные были убиты или взяты в плен; спасшиеся бежали к Русиону и соединились с людьми, находившимися внутри. Там погибли Тьерри де Термонд, Орри де Лиль, весьма добрый и прославленный рыцарь, Жан де Сомпон, Андре д'Юрбуаз, Жан де Шуази, Ги де Шонлан, Шарль де Френь, Вилен, брат Тьерри сенешаля, и многие другие, имена которых книга не может перечислить. Это была одна из величайших скорбей и одна из самых тяжёлых потерь, когда-либо постигших христиан Романии.

214. Куманы, греки и влахи повернули назад, совершив всё, что хотели, и захватив множество хороших коней и хороших доспехов; это несчастье случилось накануне кануна Сретения. Те, кто уцелел после поражения, и те, кто оставался в Русионе, как только наступила ночь, покинули город и всю ночь бежали, а утром прибыли в Родосто. Эта печальная весть пришла к Анри, наместнику империи, когда в день Сретения он шёл на процессию к Богородице Влахернской. Знайте, в Константинополе пришли в великий страх и решили, что страна действительно потеряна.

215. Тогда Анри, наместник империи, решил укрепить Силиври, находившуюся в двух днях пути от Константинополя, и послал туда Машера де Сент-Менеу с пятьюдесятью рыцарями для охраны города. Когда Иоанн, король Влахии и Болгарии, узнал о победе своих людей, он очень обрадовался, потому что убитые и пленённые французы составляли значительную часть лучших сил их войска. Тогда он собрал со всей своей земли столько людей, сколько смог, набрал большое войско куманов, греков и владх и вторгся в Романию. Большинство городов и замков перешли на его сторону, и людей у него стало так много, что это казалось невероятным. Услышав о его приближении, венецианцы покинули Аркадиополь. Иоанн прошёл дальше и подошёл к Апре, где находился гарнизон из греков и латинян; Бранас, женатый на сестре французского короля, был сеньором этого города, а латинянами командовал Бег де Франсюра, рыцарь из Бовези. Иоанн, король Влахии, приказал штурмовать город силой.

216. При штурме произошло такое избиение людей, что это было ужасно. Бег де Франсюра был приведён к Иоанну, и тот немедленно велел его убить; всех прочих, как греков, так

и латинян, кто не имел большого значения, а также простых людей, женщин и детей он велел увести пленниками во Влахию. После этого приказал полностью разрушить город, который был очень хорош, богат и стоял в прекрасной местности. Так был уничтожен город Апре, как вы слышали. В двенадцати лье оттуда на море лежал Родосто, очень богатый, сильный и большой город, хорошо занятый венецианцами; туда же прибыл отряд конных сержантов, около двух тысяч человек, пришедших для усиления гарнизона.

217. Когда находившиеся там услышали, что Апре взят силой и Иоанн велел убить жителей, их охватил такой страх, что они сами себя погубили, как Бог иногда допускает подобные несчастья. Венецианцы толпами бросились на корабли, стараясь попасть туда раньше друг друга, почти не видя, кто находится рядом; конные сержанты из Франции, Фландрии и других земель бежали по суше. Послушайте, какое это было ненужное несчастье: город был настолько силен и окружён такими хорошими стенами и башнями, что никто не осмелился бы его штурмовать, и Иоанн вообще не собирался туда идти. Но когда он услышал, что защитники бежали, хотя сам находился ещё в половине дня пути оттуда, он направился к городу.

218. Оставшиеся в городе греки сдались ему, а он немедленно велел схватить всех, и малых и великих, кроме тех, кому удалось бежать, отправил их пленниками во Влахию и приказал разрушить город. Увы, какой это был ущерб, ибо Родосто являлся одним из лучших городов Романии и стоял в прекрасном месте. Оттуда он пошёл к другому городу, называемому Панидором, который также сдался ему; Иоанн велел его разрушить, а жителей увести во Влахию так же, как и в предыдущем городе. Затем он двинулся к Гераклее, стоявшей у хорошей морской гавани и принадлежавшей венецианцам, которые оставили там слабый гарнизон. Он штурмовал город и взял его силой; произошло великое избиение людей, а оставшихся он велел увести во Влахию, после чего разрушил и этот город.

219. Затем Иоанн направился к Цурулumu, который прежде сдался ему, и велел разрушить город, а мужчин и женщин увести в плен. Ни одного соглашения, заключённого с жителями, он не соблюдал. После этого куманы и влахи дошли в своих набегах до ворот Константинополя, где Анри, наместник империи, находился с тем небольшим числом людей, какое у него было, сильно опечаленный и разгневанный тем, что не имел достаточно сил для защиты страны. Куманы захватывали добычу, мужчин, женщин и детей, разрушали города и замки и произвели такое опустошение, о каком никто никогда не слышал.

220. Затем они подошли к городу, называемому Атирой, в двенадцати лье от Константинополя, который Анри, брат императора, дал Пайену д'Орлеану. В городе находилось очень много людей, потому что туда бежали жители всей округи. Они напали на город, взяли его силой и устроили там такое избиение, какого не было ни в одном другом городе, куда они приходили. Знайте, что все города и замки, сдавшиеся Иоанну и получившие от него обещание безопасности, были разрушены, а жители уведены во Влахию, как вы слышали. В пределах пяти дней пути от Константинополя не осталось ничего, что ещё можно было бы разорить, кроме Визои и Силиври, занятых французскими гарнизонами. В Визои находился Ансо де Кайё примерно со ста двадцатью рыцарями, а в Силиври Машер де Сент-Менеу с пятьюдесятью. Анри, брат императора Балдуина, оставался в Константинополе с остальными. Знайте, они были доведены до крайнего положения, потому что за стенами Константинополя удерживали только эти два города.

221. Когда греки, находившиеся в войске Иоанна, которые сдались ему и восстали против французов, увидели, что он разрушает их города и замки и не соблюдает никаких соглашений,

они сочли себя погибшими и преданными. Они стали говорить между собой, что то же самое он сделает с Адрианополем и Дидимотикой, когда вернётся туда, а если разрушит и эти два города, то Романия будет потеряна навсегда. Они тайно избрали послов и отправили их в Константинополь к Бранасу с просьбой просить милости у Анри, брата императора Балдуина, и у венецианцев, чтобы те заключили с ними мир; они предлагали передать Бранасу Адрианополь и Дидимотику, после чего все греки перейдут на его сторону, и так греки и французы смогут быть вместе. Совет по этому поводу был долгим и разным, но в конце постановили передать Адрианополь и Дидимотику со всеми их владениями Бранасу и его жене-императрице, сестре короля Франции Филиппа, с тем чтобы он нёс за них службу императору и империи. Так договор был заключён и исполнен, и между греками и французами был установлен мир.

222. Иоанн, король Влахии и Болгарии, долго находившийся в Романии и разорявший всю страну в течение Великого поста и ещё долго после Пасхи, повернул назад к Адрианополю и Дидимотике, намереваясь поступить с ними так же, как с остальными. Когда греки, находившиеся с ним, увидели, что он идёт к Адрианополю, они стали тайно уходить от него ночью и днём, по двадцать, тридцать, сорок и сто человек. Подойдя к городу, Иоанн потребовал, чтобы его впустили внутрь, как прежде впускали в другие города, но жители отказались и сказали: «Сир, когда мы сдались тебе и восстали против французов, ты поклялся хранить нас добросовестно и защищать. Ты этого не сделал, а разрушил Романию, и мы хорошо знаем, что с нами ты поступишь так же, как с прочими». Услышав это, Иоанн осадил Дидимотику, поставил вокруг шестнадцать больших камней, начал строить различные осадные машины и разорять всю страну вокруг.

223. Тогда жители Адрианополя и Дидимотики отправили послов в Константинополь к Анри, наместнику империи, и к Бранасу и стали просить их ради Бога прийти на помощь Дидимотике. Когда в Константинополе получили эту весть, там держали совет о помощи городу. Многие не решались советовать выходить из Константинополя и подвергать опасности столь немногочисленные силы христиан, какие ещё оставались. Тем не менее в конце было постановлено выступить и дойти до Силиври. Кардинал, посланный папой Римским, проповедовал об этом и даровал отпущение грехов всем, кто пойдёт и погибнет в бою. Тогда Анри вышел из Константинополя с теми людьми, каких смог собрать, дошёл до Силиври и расположился перед городом примерно на восемь дней. Каждый день к нему приезжали послы из Адрианополя и просили его сжалиться над ними и помочь, говоря, что, если он не придёт, они окончательно погибнут.

224. Тогда Анри посоветовался с баронами, и совет постановил идти к очень хорошему и сильному городу Визои. Они пришли туда и расположились перед городом накануне праздника Святого Иоанна Крестителя в июне. В тот же день прибыли послы из Адрианополя и сказали Анри, брату императора Балдуина: «Сир, знай, что, если ты не придёшь на помощь Дидимотике, она не сможет продержаться ещё и восьми дней, потому что камни Иоанна разрушили стену в четырёх местах, а его люди уже дважды поднимались на стены».

225. Тогда Анри спросил совета, что делать. Было сказано много слов за и против, но в конце решили: «Сеньоры, мы уже зашли так далеко, что будем опозорены, если не придём на помощь Дидимотике; поэтому пусть каждый исповедуется и причастится, и построим наши отряды». Они подсчитали, что имеют около четырёхсот рыцарей и не больше. Послов из Адрианополя спросили, сколько людей у Иоанна, и те ответили, что у него около сорока тысяч вооружённых всадников, не считая пехоты, числа которой они не знают. Ах, Боже, какая опасная битва столь малого числа против столь многих! Утром в праздник Святого Иоанна Крести-

теля все исповедались и причастились, а на следующий день выступили. Авангард был поручен Жоффруа, маршалу Романии и Шампани, вместе с Машером де Сент-Менеу; вторым отрядом командовал Конон де Бетюн, третьим Милон Брабантский, четвёртым Пайен д'Орлеан и Пьер де Бракеель, пятым Ансо де Кайё, шестым Балдуин де Бовуар, седьмым Гуго де Белин, восьмым Анри, брат императора Балдуина; арьергардом командовали Готье д'Эскорне и фламандец Тьерри де Лос, сенешаль.

226. Так они шли в полном порядке три дня; никогда ещё столь малочисленное войско не шло искать битвы с таким великим риском. Опасность была двойной: их было мало, а тех, с кем они шли сражаться, очень много; кроме того, они не доверяли грекам, с которыми недавно заключили мир, и боялись, что в решающий момент те перейдут на сторону Иоанна, который уже почти взял Дидимотику, как вы слышали. Когда Иоанн узнал о приближении французов, он не осмелился ждать их, а сжёг свои осадные машины и снял осаду. Так он ушёл от Дидимотики, и знайте, весь мир счёл это великим чудом. Анри, наместник империи, на четвёртый день подошёл к Адрианополю и расположился на прекраснейших лугах у реки.

227. Когда жители Адрианополя увидели их приближение, они вышли из города с крестами и процессией и встретили их с величайшей радостью, когда-либо виденной; и у них была для этого причина, потому что положение их было тяжёлым. Тогда в лагерь французов пришла весть, что Иоанн расположился у замка Родестин. Наутро французское войско выступило в ту сторону, желая найти его и дать битву, но Иоанн снялся с места и отступил к своей земле. Французы преследовали его пять дней, а он всё время уходил впереди. На пятый день они остановились в красивом месте у замка, называемого Френ, и провели там три дня. Тогда часть хороших людей войска покинула его из-за ссоры с Анри, братом императора Балдуина. Начальником этой группы был Балдуин де Бовуар, вместе с ним ушли Гуго де Белин, Гийом де Гоменьи и Дрё де Бёрен; всего вместе с ними ушло около пятидесяти рыцарей, полагавших, что оставшиеся не осмелятся оставаться в стране перед лицом врагов.⁸⁶

228. Тогда Анри, наместник империи, и оставшиеся с ним бароны держали совет и решили идти ещё два дня; они расположились в прекрасной долине у замка Мониак, который им сдался, и оставались там около пяти дней. Они решили идти выручать Ренье де Трита, который был осаждён в Стенимаке и находился там запертым уже около тринадцати месяцев. Анри, наместник империи, остался в лагере со значительной частью людей, а остальные отправились к Стенимаку. Знайте, они шли с великим риском, и редко предпринималась столь опасная выручка, потому что три дня они двигались через вражескую землю. В этот поход пошли Конон де Бетюн, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии и Шампани, Машер де Сент-Менеу, Милон Брабантский, Пьер де Бракеель, Пайен д'Орлеан, Ансо де Кайё, Тьерри де Лос, Гийом де Першуа и отряд венецианцев под командованием Андре Валье; наконец они пришли к Стенимаку.

229. Ренье де Трит, находившийся на стенах замка, увидел авангард, которым командовал Жоффруа, маршал Романии и Шампани, а затем и другие отряды, двигавшиеся в хорошем порядке. Сначала он не мог понять, кто это, и неудивительно: уже давно у него не было никаких известий, и он думал, что к нему идут греки для новой осады. Жоффруа маршал взял туркополов и конных арбалетчиков и послал их вперёд узнать состояние замка, потому что не знали даже, живы ли ещё его защитники. Когда они подошли к замку, Ренье де Трит и его люди

⁸⁶ Этот замок Родестин не следует смешивать с городом Родосто на берегу Пропонтиды; Родестин был замком в окрестностях Адрианополя; Дюканж, переводя это название как Родосто, по-видимому, ошибся.

узнали их. Можно понять, какую радость они испытали. Они вышли навстречу своим друзьям, и обе стороны встретились с великой радостью; затем бароны расположились в очень хорошем городе у подножия замка, откуда прежде вели его осаду.

230. Тогда бароны сказали, что много раз слышали, будто император Балдуин умер в плену у Иоанна, но не верили этому; Ренье де Трит сообщил им, что это действительно правда, и они ему поверили. Многие очень опечалились, хотя уже ничем не могли этого исправить. Наутро они ушли из города, покинули Стенимак и ехали два дня; на третий пришли к войску, где Анри, брат императора Балдуина, ожидал их у замка Мониак, стоявшего на реке Арзе. Войско очень радовалось тому, что Ренье де Трит был освобождён из заточения, и большой честью было для тех, кто его вывел, потому что они совершили этот поход с великим риском.

231. Тогда бароны решили идти в Константинополь и короновать Анри, брата императора Балдуина. Бранаса они оставили со всеми греками страны и ещё с сорока рыцарями, которых Анри, наместник империи, дал ему. Анри и другие бароны отправились в Константинополь и переходами дошли до города, где их приняли с большой радостью. Затем в воскресенье после праздника Успения Богоматери Анри, брат императора Балдуина, был с великой радостью и почестями коронован императором в церкви Святой Софии. Это произошло в 1206 году от воплощения Господа нашего Иисуса Христа. Так Анри был коронован в Константинополе, как вы слышали, а Бранас остался в области Адрианополя и Дидимотики. Узнав об этом, Иоанн, король Влахии и Болгарии, собрал столько людей, сколько смог. Бранас ещё не успел восстановить стены Дидимотики, разрушенные камнями и мангонелями Иоанна, и город был плохо укреплён. Иоанн подошёл к Дидимотике, взял её, разрушил и сровнял стены с землёй, после чего стал разорять всю страну, захватывая мужчин, женщин, детей и добычу и причиняя великое опустошение.

232. Тогда жители Адрианополя послали к императору Анри, прося помощи, потому что Дидимотика была потеряна таким образом. Император Анри собрал столько людей, сколько мог, вышел из Константинополя и переходами направился к Адрианополю. Иоанн, король Влахии, находившийся в стране, когда услышал о его приближении, отступил к своим владениям. Император Анри дошёл до Адрианополя и расположился лагерем на лугу за городом. Тогда местные греки пришли к нему и сообщили, что Иоанн уводит мужчин, женщин и добычу, разрушил Дидимотику и всю страну вокруг и находится всего в одном дне пути оттуда. Совет императора постановил вступить с ним в бой, если тот остановится, и попытаться освободить пленников, которых он уводил. Анри пошёл вслед за ним, но Иоанн постоянно уходил вперёд, и так император преследовал его четыре дня. Затем он пришёл к городу, называвшемуся Верой. Когда жители увидели приближение войска императора Анри, они бежали в горы и покинули город. Император со всем войском подошёл туда, расположился перед городом и нашёл его наполненным зерном, продовольствием и другими благами. Он оставался там два дня и посылал людей разорять окрестности; они захватили множество быков, коров, буйволов и другой добычи. Затем он ушёл оттуда со всей добычей и пришёл к другому городу, находившемуся в одном дне пути и называвшемуся Близмой. Как греки покинули предыдущий город, так они оставили и этот; император нашёл его наполненным всеми благами и расположился перед ним.

233. Тогда пришло известие, что в долине в трёх лье от войска находятся пленники и пленницы, которых Иоанн уводил вместе со всей их добычей и повозками. Император Анри распорядился, чтобы греки из Адрианополя и Дидимотики отправились за ними, и дал им два отряда рыцарей. Так и было сделано на следующий день. Одним отрядом командовал Эсташ, брат императора Анри Константинопольского, а другим — Машер де Сент-Менеу. Они вме-

сте с греками дошли до указанной долины и нашли там людей, как им и говорили. Воины Иоанна вступили в бой с людьми императора Анри; с обеих сторон были ранены и убиты мужчины, женщины и кони. Но по милости Божией французы одержали верх, повернули пленников обратно и погнали их перед собой. Знайте, это было немалое освобождение: там находилось около двадцати тысяч мужчин, женщин и детей и около трёх тысяч повозок, нагруженных одеждой и имуществом, не считая прочей добычи, которой было очень много. Когда вся эта масса двигалась к лагерю, её колонна растянулась более чем на два больших лье. Ночью они пришли в лагерь, и император Анри и все бароны очень обрадовались. Он велел разместить освобождённых отдельно, и те не потеряли ничего из своего имущества, даже на один день.

234. На следующий день император Анри остался на месте ради освобождённого народа. Ещё через день он покинул эту землю и переходами вернулся к Адрианополю. Там он отпустил освобождённых мужчин и женщин, и каждый пошёл туда, куда хотел, в свою родную землю или в другое место. Остальную добычу, которой было очень много, разделили между людьми войска, как полагалось. Император Анри провёл пять дней в Адрианополе, а затем поехал к Дидимотике, чтобы увидеть, как сильно она разрушена и можно ли её восстановить. Он расположился перед городом, и он сам и бароны увидели, что в таком состоянии восстановить его невозможно.

235. В это время в войско прибыл послом от маркиза Бонифация Монферратского Оттон де ла Рош и заговорил о браке, который прежде уже обсуждался, между дочерью маркиза Бонифация Монферратского и императором Анри; он сообщил, что дама прибыла из Ломбардии, куда отец посылал за ней, и теперь находится в Фессалонике. Брак был утверждён с обеих сторон. После этого посол Оттон де ла Рош вернулся в Фессалонику. Император собрал своих людей, которые доставили в безопасное место добычу, взятую ими у Визои во время похода, и снова выступил, прошёл мимо Адрианополя и вторгся в землю Иоанна, короля Влахии и Болгарии. Они пришли к городу, называвшемуся Ферма, взяли его и вошли внутрь, захватив очень большую добычу. Они оставались там три дня, разоряли всю страну вокруг, взяли огромную добычу и разрушили город, называвшийся Аквила.

236. В это время Феодор Ласкарис, владевший землями по другую сторону пролива, нарушил заключённое с императором Анри перемирие. Император посоветовался и отправил за пролив в Пигай Пьера де Бракеля, которому была назначена земля в тех местах, Пайена д'Орлеана, Ансо де Кайё, его брата Эсташа и значительную часть лучших людей, около ста сорока рыцарей. Они начали большую и ожесточённую войну против Феодора Ласкариса, причиняли его земле великий ущерб и дошли до местности, называемой Скизой, почти со всех сторон окружённой морем. У входа в неё прежде были стены, башни и рвы, но укрепления пришли в упадок. Французы вошли внутрь, и Пьер де Бракель, которому была отведена эта земля, начал восстанавливать укрепления и строить два замка у двух входов. Оттуда они стали совершать набеги во владения Ласкариса, захватывали большую добычу и приводили её внутрь своей области. Ласкарис часто приходил к Скизе; там неоднократно происходили столкновения, и обе стороны несли потери. Война в тех местах была велика и опасна.

237. Теперь оставим их и расскажем о Тьерри де Лосе, сенешале, которому должна была принадлежать Никомедия, находившаяся в одном дне пути от Великой Никеи, столицы земли Феодора Ласкариса. Он отправился туда со значительной частью людей императора Анри, обнаружил, что замок разрушен, и укрепил церковь Святой Софии, высокую и прекрасную, после чего стал оттуда вести войну.

238. В то же время маркиз Бонифаций Монферратский вышел из Фессалоники и отправился в Серры, которые Иоанн разрушил; он восстановил их, а затем укрепил другой город, называемый Драмой, в долине Филиппа. Вся окружающая страна сдалась ему и подчинилась, и там он провёл зиму.

Примечание. Здесь исправлена ошибка Дюканжа, который прочитал в тексте *guina* вместо *uerna*.

239. Между тем прошло время и миновало Рождество. Тогда послы маркиза прибыли к императору в Константинополь и сообщили, что маркиз отправил свою дочь на галерах к городу Абидосу. Император Анри послал за ней Жоффруа, маршала Романии и Шампани, и Милона Брабантского. Они переходами дошли до Абидоса, нашли там даму, которая была очень добра и прекрасна, приветствовали её от имени своего государя и с великими почестями привезли в Константинополь. Император Анри обвенчался с ней в Святой Софии в воскресенье после Сретения с великой радостью и честью; оба носили короны, а пышные свадебные празднества состоялись во дворце Буколеон. Так был заключён брак императора с дочерью маркиза Бонифация, носившей имя императрицы Агнессы.

240. Феодор Ласкарис, воевавший с императором Анри, отправил послов к Иоанну, королю Влахии и Болгарии, и сообщил ему, что все люди императора Анри находятся по другую сторону пролива в Турции и воюют с ним, а сам император остался в Константинополе с малым числом людей; теперь Иоанн может отомстить, если нападёт с одной стороны, пока Ласкарис будет действовать с другой, потому что у императора столь мало людей, что он не сможет обороняться от обоих. Иоанн собрал столь большое войско владхов и болгар, какое только мог. Тем временем наступил Великий пост. Машер де Сент-Менеу начал укреплять замок Каракс, стоявший на морском заливе в шести лье от Никомедии со стороны Константинополя, а Гийом де Сен начал укреплять другой замок в Кивотосе на Никомедийском заливе со стороны Никеи. Знайте, император Анри и бароны страны находились тогда в чрезвычайно тяжёлом положении; Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии и Шампани, свидетельствует, что никогда люди не были так обременены войной, потому что силы их были рассеяны по столь многим местам.

241. Тогда Иоанн Влахский со всем своим войском и большим отрядом пришедших к нему куманов вторгся в Романию; куманы дошли набегами до ворот Константинополя, а Иоанн осадил Адрианополь. Он поставил тридцать три больших камнемёта, которые били по стенам и башням. В Адрианополе находились только греки и Пьер де Радингем с десятью рыцарями. Они немедленно отправили к императору весть об осаде и просили спешной помощи. Узнав это, император чрезвычайно встревожился, потому что его люди были рассеяны по Анатолии, а в самом Константинополе оставалось очень мало сил. Всё же он решил выступить примерно через две недели после Пасхи со всем, что сможет собрать, и послал в Скизу приказ всем своим главным людям прибыть к нему. Эсташ, брат императора, Ансо де Кайё и большая часть лучших людей стали переправляться, оставив Пьера де Бракеля с немногими в Скизе.

242. Как только Феодор Ласкарис узнал, что Адрианополь осаждён и император вынужден отзывать своих людей, не зная, куда прежде спешить, он собрал все силы, какие мог, и поставил шатры перед воротами Скизы. Там неоднократно происходили стычки, в которых обе стороны теряли людей. Видя, что в крепости осталось мало защитников, Ласкарис взял значительную часть войска и морских судов и отправил их к замку Кивотос, который укреплял Гийом де Сен. Они осадили его с моря и с суши в субботу на середине Великого поста. Внутри

находилось сорок весьма добрых рыцарей, которыми командовал Машер де Сент-Менеу, а замок ещё не был хорошо укреплён, поэтому враги могли сходить с ними вплотную, на мечях и копьях. Штурм длился всю субботу; защитники оборонялись превосходно. Книга свидетельствует, что никогда сорок рыцарей не защищались с большим трудом против такого множества людей: среди всех находившихся там рыцарей едва ли пятеро не были ранены, а один, Жиль, племянник Милона Брабантского, был убит.

243. Прежде чем этот штурм начался, в субботу утром гонец примчался в Константинополь и нашёл императора Анри во Влахернском дворце за столом. Он сказал: «Сир, знай, что люди Кивотоса осаждены с моря и суши, и, если ты не поможешь им немедленно, они будут взяты и убиты». С императором находились Конон де Бетюн, Жоффруа, маршал Шампани, Милон Брабантский и лишь немного людей. Решение было принято сразу: император вышел к берегу и сел в галеру, каждый — в какое судно смог. По всему городу объявили, чтобы все шли вслед за ним на помощь его людям, которые погибнут, если их не выручить. Тогда венецианцы, пизанцы и другие люди, знавшие море, со всех сторон бросились к судам; с ними садились рыцари во всём вооружении, и каждый корабль, как только был готов, сразу выходил из гавани вслед за императором. Они всю оставшуюся часть дня и всю ночь гребли изо всех сил, а немного спустя после восхода солнца император уже увидел Кивотос и войско, осаждавшее его с моря и суши. Защитники всю ночь не спали, а укрепляли место, несмотря на болезни и раны, как люди, ожидавшие только смерти. У императора к тому времени было всего семнадцать судов, больших и малых, тогда как у греков около шестидесяти. Он понял, что, если станет ждать остальных и позволит неприятелю начать новый штурм, защитники погибнут или попадут в плен; поэтому решил атаковать их на море. Его суда пошли на них единым фронтом, а люди стояли в полном вооружении, со шлемами на головах. Греки, готовившиеся к штурму, увидели подходящую помощь и отошли от замка навстречу. Всё их сухопутное войско расположилось на берегу, чтобы помогать стрелами и метательным оружием. Император своими семнадцатью судами удерживал их до тех пор, пока не появились корабли, шедшие из Константинополя; ещё до наступления ночи подошло столько судов, что французы получили полное превосходство на море. Всю ночь они оставались вооружёнными на якорях, намереваясь на рассвете атаковать неприятеля у берега и отнять его корабли. Но около полуночи греки вытащили свои суда на берег, подожгли их все и бежали.

244. Император Анри и его люди очень радовались победе, дарованной им Богом, и тому, что спасли своих товарищей. Утром они отправились к Кивотосу и нашли большую часть защитников больными и ранеными. Осмотрев укрепление, император и его люди решили, что оно слишком слабо и его невозможно удержать; поэтому всех посадили на корабли и покинули замок. Иоанн, король Влахии, тем временем не бездействовал под Адрианополем: его камнемёты непрерывно били по стенам и башням, он подвёл к стенам землекопов и неоднократно штурмовал город. Греки и латиняне внутри защищались очень хорошо и постоянно посылали императору просьбы о помощи, уверяя, что без неё окончательно погибнут. Император оказался в тяжелейшем положении: когда он хотел помочь своим людям с одной стороны, Феодор Ласкарис так сильно теснил его с другой, что приходилось возвращаться. Иоанн весь апрель простоял под Адрианополем и подошёл к взятию города так близко, что разрушил стены и башни в двух местах до земли, и уже можно было сходить с врукопашную на мечях и копьях. Было много тяжёлых штурмов и много убитых и раненых с обеих сторон. Но, как Бог устраивает события по своей воле, куманы, которых Иоанн посылал разорять страну и которые дошли почти до Константинополя, вернулись в лагерь со всей добычей и объявили, что больше не останутся с ним, а уйдут в свою землю. Они действительно ушли. Увидев это, Иоанн не решился оставаться под Адрианополем без них и снял осаду. Знайте, это сочли вели-

ким чудом, потому что столь могучий человек оставил город тогда, когда тот был почти взят. Жители Адрианополя немедленно послали к императору просьбу скорее прийти, потому что, если Иоанн возвратится, они будут убиты или пленены.

245. Император Анри уже собирался идти к Адрианополю, когда получил тяжёлую весть: Стурион, адмирал галер Феодора Ласкариса, с семнадцатью галерами вошёл через устье Абидоса в пролив Святого Георгия и пришёл к Скизе, где находились Пьер де Браекель и Пайен д'Орлеан; он осадил их со стороны моря, а Ласкарис со стороны суши. Жители Скизы восстали против Пьера де Браекеля, как и жители Мармары, бывшие его людьми и приносившие ему оммаж, и убили многих его людей. Когда эта весть пришла в Константинополь, там очень испугались.

246. Император Анри держал совет со своими людьми, баронами и венецианцами; они решили, что, если не помочь Пьеру де Браекелю и Пайену д'Орлеану, те погибнут и вся земля будет потеряна. Тогда очень быстро снарядили четырнадцать галер и посадили на них лучших венецианцев и лучших баронов императора. На одну сел Конон де Бетюн со своими людьми, на другую Жоффруа де Виллардуэн, маршал, на третью Машер де Сент-Менеу, на четвёртую Милон Брабантский, на пятую Ансо де Кайё, на шестую Тьерри де Лос, сенешаль, на седьмую Гийом де Першуа, на восьмую Эташ, брат императора; так император распределил по галерам лучших людей. Все, кто видел, как они выходили из гавани Константинополя, говорили, что никогда галеры не были лучше вооружены и не имели лучших людей. Поход к Адрианополю снова пришлось отложить. Галеры пошли вниз по проливу к Скизе. Неизвестно, как адмирал Стурион узнал об их приближении, но он покинул Скизу и бежал вниз по проливу; французы преследовали его два дня и две ночи, более сорока миль за устье Абидоса. Увидев, что догнать его невозможно, они повернули и вернулись к Скизе, где нашли Пьера де Браекеля и Пайена д'Орлеана. Феодор Ласкарис также снялся с места и отошёл в свою землю. Так была спасена Скиза. Затем галеры вернулись в Константинополь, и снова начали готовить поход к Адрианополю.

247. Феодор Ласкарис отправил большую часть своих сил в область Никомедии. Люди Тьерри де Лоса, укрепившие церковь Святой Софии, и находившиеся там послали своему сеньору и императору просьбу о помощи, говоря, что без неё не удержатся, а главное, что у них совсем нет продовольствия. По крайней нужде император Анри и его люди вынуждены были снова отказаться от пути к Адрианополю и переправиться через пролив Святого Георгия в сторону Турции с теми силами, какие имели, чтобы помочь Никомедии. Услышав о его приближении, люди Ласкариса оставили страну и отошли к Великой Никее. Тогда император посоветовался и решил оставить Тьерри де Лоса, сенешаля Романии, в Никомедии со всеми его рыцарями и сержантами для охраны земли, Машера де Сент-Менеу в Караксе, а Гийома де Першуа в Скизе, чтобы каждый оборонял свой участок.

248. После этого император с остатком людей вернулся в Константинополь и снова начал готовиться к походу на Адрианополь. Пока он готовил выступление, Тьерри де Лос в Никомедии и Гийом де Першуа вместе со своими людьми однажды отправились за фуражом. Люди Феодора Ласкариса узнали об этом, устроили засаду и напали на них. Греков было очень много, французов мало. Завязалась битва, и немногочисленные не смогли выдержать натиск множества. Тьерри де Лос и его люди сражались превосходно; его дважды сбивали с коня, и люди дважды силой вновь сажали его верхом. Гийом де Першуа также был сбит, спасён и снова посажен на коня. Но в конце французы были разбиты. Тьерри де Лос попал в плен, будучи тяжело ранен в лицо; с ним пленили множество его людей, и немногие спаслись. Гийом де Першуа ускольз-

нул на верховой лошади, раненный в руку, и вместе с прочими уцелевшими укрылся в церкви Святой Софии. Автор этой истории не знает, справедливо или несправедливо, но слышал, что рыцаря Ансо де Реми, вассала Тьерри де Лоса и начальника его людей, сильно порицали за то, что он покинул своего сеньора. Гийом де Першуа и Ансо де Реми из Никомедии отправили в Константинополь быстрого гонца к императору Анри и сообщили, что сенешаль и его люди пленены, что оставшиеся осаждены в церкви Святой Софии в Никомедии, имеют еды не более чем на пять дней и без помощи будут убиты или пленены.

249. Император Анри тотчас переправился через пролив Святого Георгия со своими людьми, кто быстрее мог, на помощь Никомедии; поход к Адрианополю снова был отложен. Люди Ласкариса и его брат, командовавший ими, узнав о приближении императора, сняли осаду и поспешно отступили за гору Олимп к Никее. Император расположился лагерем по ту сторону Никомедии на прекрасном лугу у реки, со стороны горы, поставил палатки и послал людей грабить окрестную страну, восставшую во время пленения сенешаля. Они захватили большую добычу и множество пленных. Император оставался на лугу пять дней. В это время Феодор Ласкарис послал к нему послов с предложением перемирия на два года при условии, что французы позволят разрушить укрепления Скизы и церкви Святой Софии, а он возвратит всех пленников, взятых в последнем поражении и в других местах, которых у него было много.

250. Император посоветовался со своими людьми, и они решили, что не могут одновременно вести две войны и что лучше понести этот ущерб, чем потерять Адрианополь и прочую землю; кроме того, так они разделят своих врагов, Иоанна, короля Влахии и Болгарии, и Феодора Ласкариса, которые были союзниками и помогали друг другу в войне. Поэтому условия были приняты. Император вызвал Пьера де Бракеля из Скизы и убедил его передать Ласкарису Скизу и укрепление Святой Софии для разрушения. Так перемирие было утверждено, укрепления разрушены, а Тьерри де Лос и все остальные пленники освобождены.

251. Затем император Анри вернулся в Константинополь и снова решил идти к Адрианополю со всеми людьми, каких сможет собрать. Он сосредоточил войско в Силиври; время уже перешло за праздник Святого Иоанна в июне. Он дошёл до Адрианополя и расположился на лугах перед городом. Жители, долго ждавшие его, вышли навстречу процессией и приняли с великой радостью; пришли и все местные греки. Император пробыл перед городом только один день, осматривая ущерб, причинённый Иоанном стенам и башням траншеями и камнемётами. На следующий день он выступил к земле Иоанна и шёл четыре дня. На пятый подошёл к подножию Влахской горы, к городу Эулой, который Иоанн недавно снова населил. Когда жители увидели приближение войска, они покинули город и бежали в горы.

252. Император Анри расположился перед городом, а разведчики разошлись по стране и захватили множество быков, коров, буйволов и других животных. Люди из Адрианополя, привезшие с собой повозки и страдавшие от недостатка продовольствия, нагрузили их пшеницей и другим зерном; также было взято множество прочих запасов. Войско простояло там три дня, и каждый день люди ходили за добычей по стране. Местность была гористой и имела трудные проходы, поэтому некоторые из тех, кто безрассудно уходил далеко, погибали.

253. Наконец император Анри отправил для охраны добытчиков Ансо де Кайё, своего брата Эсташа, племянника Тьерри Фландрского, Готье д'Эскорне и Жана де Блио. Эти четыре отряда вошли в очень трудные горы. Когда их люди закончили грабёж и хотели вернуться, они обнаружили проходы занятыми и сильно укреплёнными; местные влахи собрались и напали на них, причинив большой ущерб людям и коням. Французы едва не были разбиты и вынуждены

были спешиться и сражаться пешими; с помощью Бога они всё же вернулись к войску, хотя понесли тяжёлые потери. На следующий день император Анри и французское войско покинули страну и вернулись в Адрианополь, куда доставили взятое зерно и продовольствие. Император оставался на лугах перед городом около пятнадцати дней.⁸⁷

254. В это время Бонифаций, маркиз Монферратский, находившийся в восстановленных им Серрах, совершил поход до Мессинополя, и страна подчинилась его власти. Он отправил послов к императору Анри и предложил встретиться у реки, протекавшей ниже Кипселы. До этого они не могли встретиться с самого завоевания страны, потому что между ними было слишком много врагов. Когда император и его совет узнали, что маркиз Бонифаций находится в Мессинополе, они очень обрадовались и через тех же послов ответили, что император придёт на встречу в назначенный день. Перед отъездом из Адрианополя он оставил Конона де Бетюна охранять эту землю со ста рыцарями. Затем император направился к месту встречи, на прекрасный луг близ Кипселы; он пришёл с одной стороны, маркиз с другой, и они встретились с великой радостью, поскольку давно не виделись. Маркиз спросил о своей дочери, императрице Агнессе, и ему сказали, что она беременна; он очень этому обрадовался.⁸⁸

255. Тогда маркиз стал вассалом императора Анри и держал от него свою землю, как прежде держал от его брата императора Балдуина. Затем маркиз Бонифаций дал Жоффруа де Виллардуэну, маршалу Романии и Шампани, город Мессинополь со всеми владениями или, по его выбору, Серры; Жоффруа стал его ленным вассалом, сохраняя верность императору Константинополя. Два дня они провели на этом лугу в великой радости и говорили, что, раз Бог позволил им соединиться, теперь они снова смогут причинить вред врагам. Они назначили встречу на конец октября со всеми силами на лугах Адрианополя, чтобы вместе выступить против короля Влахии. Затем они расстались очень довольные: маркиз вернулся в Мессинополь, император Анри — в Константинополь.

256. Маркиз пробыл в Мессинополе не более пяти дней, когда по совету местных греков отправился в поход в горы Мессинополя более чем на большой дневной переход. Когда он собирался возвращаться, местные болгары собрались, увидели, что у маркиза мало людей, пришли со всех сторон и напали на арьергард. Услышав крик, маркиз вскочил на коня совершенно без доспехов, с копьём в руке, поспешил к арьергарду, где уже шёл бой, бросился на неприятеля и долго гнал его назад. Но там Бонифаций Монферратский получил смертельный удар в верхнюю часть руки под плечом, и из раны хлынула кровь. Увидев это, его люди стали терять мужество и плохо держаться. Ближайшие поддерживали маркиза; он потерял много крови и начал терять сознание. Когда люди поняли, что уже не получают от него помощи, их охватил страх, и они начали его оставлять. Так по несчастью они были разбиты. Те, кто остался с маркизом, были убиты, а самому Бонифацию Монферратскому отрубили голову. Местные жители отправили эту голову Иоанну, и это была одна из величайших радостей, какие тот когда-либо испытывал.

257. Увы, какой скорбный ущерб понесли император Анри и все латиняне Романии, потеряв по такому несчастью человека, бывшего одним из лучших баронов, одним из самых щедрых и одним из лучших рыцарей во всём остальном мире. Это несчастье произошло в 1207 году от воплощения Иисуса Христа.

⁸⁷ Следует читать Серры; это тот же город Македонии, о котором уже говорилось.

⁸⁸ Кипсела, на берегах реки Марицы, со стороны Адрианополя.

Примечание. Эта фраза плохо передаёт смысл текста; проще было следовать оригиналу и сказать: «Так они по несчастью были разбиты». Уже не раз в этой версии читатель мог заметить, что Дюканж лишь весьма несовершенно воспроизводил формы повествования Виллардуэна. Как уже было сказано в «Предуведомлении», мы сожалеем, что время не позволило нам попытаться создать лучший перевод.

КОНЕЦ МЕМУАРОВ ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНА.

ОБ ОСНОВАНИИ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ УКАЗАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ДОКУМЕНТОВ.

МЕМУАРЫ АНРИ ДЕ ВАЛАНСЬЕННА.

Ни в древнем мире, ни в мире Средних веков, в эпохах, наиболее богатых великими деяниями, вы не найдёте ничего более увлекательного и величественного, чем завоевание Константинополя французами и венецианцами. Священник из Нёйи проповедует крестовый поход; поднимается весь цвет французского воинства, а Венеция, тогдашняя владычица морей, подобно нынешней Англии, покрывает воды Адриатики самым прекрасным и многочисленным флотом, какой она когда-либо снаряжала. В это время молодой изгнанный император странствовал, добиваясь возвращения своего престола; крестовый поход против турок, захвативших Святой Гроб, превращается в крестовый поход против государя, присвоившего чужую корону. Но сколько неожиданных событий, сколько революций, совершившихся с поразительной быстротой! Как быстро идёт разрушение, когда оно обрушивается на старые, испорченные империи! В короткий промежуток времени пять императоров переходят с престола в могилу или с престола в изгнание; Византия, несмотря на хорошие стены и четыреста тысяч жителей, дважды покорена нашими рыцарями, и люди, считавшие, что лишь ненадолго отклоняются от пути паломничества, основывают империю и делят между собой древнее наследство ста восточных царей. Какие люди — Балдуин Фландрский и его брат Анри, дож Дандоло, Бонифаций Монферратский, Виллардуэн, Конон де Бетюн! Когда следишь за всей этой великой историей, кажется, будто читаешь сказочные повествования, и, если бы мы захотели сравнить героев этих эпических рассказов с людьми нашего века, мы сказали бы о них то же, что Гомер говорил о героях «Илиады» по сравнению с людьми своего времени, менее сильными и менее способными к великим делам. Французская империя Востока пала после короткого существования из-за недостатка людей, недостатка населения. Известно, какие толпы паломников следовали за армиями Первого крестового похода; если бы спутники Готфрида взяли Константинополь, новая империя могла бы заселиться тремя или четырьмя сотнями тысяч европейцев; эта восточная Франция имела бы большое будущее, и, без сомнения, судьбы Азии были бы совершенно изменены. Но франкские воины, покорившие Византию, не имели за собой народа, а к той эпохе энтузиазм крестовых походов уже заметно ослаб. Эта французская империя, столь блестяще основанная руками исполинов, быстро пришла к концу и кончилась без славы; первые её страницы принадлежат эпосу, последние — плохой хронике; это Рейн, теряющийся в песках, по прекрасному образу Монтескьё, это исполненный славы Граник, который внезапно исчезает в безымянном болоте.

Невозможно без интереса следить за зрелищем этих быстрых завоеваний наших рыцарей, особенно сегодня, когда революции, исходящие из Европы, угрожают совершить и довести до конца против мусульманской империи то, что наш XIII век сделал против империи греческой. Мы не станем приводить здесь все рассказы и все исторические свидетельства, относящиеся к этой эпохе; повествование Анри де Валансьенна, о котором речь пойдёт далее, является единственным, которое мы сочли необходимым напечатать целиком, потому что оно содержит много фактов и очень мало известно; что касается остальных рассказчиков, мы ограничимся их характеристикой и дадим о них достаточно ясное представление, иногда извлекая наиболее любопытные места.

Начнём с монаха Гунтера, о котором нам уже приходилось говорить в нашем предисловии к Виллардуэну. Гунтер, очевидец, видел или слышал всё, что рассказывает; его суждения и рассказы должны быть бережно сохранены историей. Читая Виллардуэна, мы узнаём, каковы были мысли князей и рыцарей; читая монаха-хрониста, узнаём мнение духовенства

крестового похода и массы паломников. Излагая причины, приведшие французское оружие против Греческой империи, он прежде всего настаивает на тайных замыслах божественной благодати, готовившей возвращение греков в лоно святой вселенской Церкви; он считает справедливым, чтобы этот народ был наказан потерей всего своего имущества, а паломники обогатились добычей гордых. После первого описания осады Константинополя и бегства узурпатора Гунтер даёт весьма подробный рассказ о последующих событиях; он останавливается на изображении, во-первых, затруднений молодого Алексея, которого с одной стороны теснили его союзники-латиняне, требовавшие исполнения клятвы, а с другой — греческий народ, упрекавший его в том, что он грабит и продаёт их в пользу чужеземцев; во-вторых, критического положения французского войска, которое после смерти поставленного им на престол молодого императора оказалось обречено на нужду и отчаяние и вынуждено было любой ценой попытаться овладеть столицей, защищённой хорошими стенами и четырьмястами тысячами жителей. Далее следуют некоторые военные подробности, которых нет ни у Виллардуэна, ни у Никиты, и черты нравов, которые следует считать выражением идей той эпохи.

Есть один рассказ Гунтера, который мы не побоимся привести целиком перед глазами читателя: в нём монах-паломник показывает нам аббата Мартина, героя своей хроники, граблящего святыне Византии, чтобы и он получил свою долю добычи Греческой империи. Вот перевод этого рассказа:

«Пока победители грабили город, которым право войны сделало их хозяевами, аббат Мартин также подумал о своей добыче и, чтобы не остаться с пустыми карманами, в то время как все остальные обогащались, решил обратить свои освящённые руки к грабежу. Но, считая недостойным себя похищать мирские вещи, он задумал присвоить реликвии святых, которых, как он знал, в Константинополе было великое множество. Он взял с собой капеллана и, движимый каким-то сильным предчувствием, отправился в церковь, которую особенно почитали, потому что там была погребена мать знаменитого императора Мануила. Там хранили большие сокровища и драгоценные реликвии, перенесённые из соседних церквей и монастырей в напрасной надежде, что здесь они будут в большей безопасности. Наши узнали об этом обстоятельстве ещё до штурма города от тех греков, которых оттуда изгнали. Пока крестоносцы толпами врываются в эту церковь и со всех сторон уносят золото, серебро и найденные драгоценности, аббат Мартин, полагая недостойным совершать святотатство, если оно не ради святынь, проник в скрытое место, где религия, казалось, обещала ему то, чего он больше всего желал. Там он нашёл красивого старца с длинной белой бородой; это был священник, но по одежде очень отличавшийся от наших. Аббат, приняв его за мирянина, сказал ему спокойным видом, но страшным голосом: „Вероломный старик, покажи мне драгоценные реликвии, которые ты хранишь, или готовься к смерти“. Старик, больше испугавшийся тона, чем слов, которых не понял, попытался смягчить аббата, произнеся с мольбой несколько латинских слов. Тогда аббат на том же языке объяснил, чего от него требует. Старик, по виду и одежде аббата рассудив, что монах будет больше бояться и уважать святыне реликвии, чем миряне, которые, быть может, осквернили бы их окровавленными руками, открыл железный сундук и показал сокровище, которое аббат Мартин ценил выше всех богатств Греции. При этом зрелище аббат тотчас жадно погрузил руки в сундук и наполнил священной кражей полы своей одежды и одежды сопровождавшего его капеллана. Оба, ловко скрыв драгоценные реликвии, быстро вышли из церкви и направились к своим кораблям. Те, кто знал и любил аббата, увидев его, спросили, какую добычу он только что захватил. Мартин радостно ответил: „Всё для нас идёт хорошо“, на что они ответили: „Deo gratias“. Но аббат, не терпевший никакой задержки, поспешно вошёл на свой корабль и спрятал в своей маленькой каюте обетную добычу своей экспедиции, ожидая, пока стихнут смятение и шум, наполнявшие город. Три дня он провёл в этой каюте,

отдаваясь всей пламенности своего благочестия; никто не знал тайны, кроме капеллана и старика, передавшего ему реликвии. Последний увидел в Мартине человека благожелательного и великодушного и довольно близко к нему привязался. Он приготовил аббату приличный и удобный дом возле одной из городских церквей, вполне соответствовавший его положению. Когда смятение в Константинополе улеглось, аббат, нагруженный драгоценной добычей, вместе с капелланом перебрался в предназначенное ему жилище; там он провёл лето, беспрестанно целуя свои священные реликвии. Он почитал их с тайной, но весьма живой любовью, а жар внутреннего благочестия заменял ему то, чего недоставало внешнему почитанию. Несколько причин побудили аббата продлить пребывание в городе. Он узнал, что перемирие, нарушенное сарацинами, было возобновлено; кроме того, морское плавание было недостаточно безопасно среди столь больших перемен в делах; его удерживала также любовь к товарищам по паломничеству; наконец, он ожидал, пока определится судьба города и империи, чтобы сообщить об этом тем, кто его послал».

Аббат Генэ, отвечая Вольтеру, хотел снять с латинян упрёк в разграблении благочестивых сокровищ константинопольских церквей; это доказывает, что автор «Писем некоторых евреев» не был знаком с хроникой Гунтера. Хорошо заметить, что благочестие христиан к реликвиям не было совершенно бескорыстным; святые останки апостола или мученика являлись для церкви источником хороших доходов, и история может сказать, что среди завоевателей императорского города аббат Мартин, нагруженный реликвиями, оказался не из тех, кому досталось меньше всего.

Мы могли бы вовсе не говорить о Никите, потому что он хорошо известен; но наша задача здесь — указать все источники, из которых может черпать писатель, желающий восстановить историю этой эпохи. Никита является естественным дополнением Виллардуэна; следует читать Никиту, чтобы знать всё, что происходило внутри захваченной греческой столицы, чтобы иметь возможность судить о поведении победителей и узнать мнение покорённого народа о своих новых господах. Факты изобилуют в анналах Никиты Хониата; обе осады Константинополя рассказаны с подробностями, проясняющими повествование маршала Шампани; три пожара столицы, бесчинства, которыми латиняне запятнали свою победу, характер греческих императоров и облик их двора, постыдная трусость и мятежный дух греческого народа — всё, что помогает узнать события и внутренние чувства народов, выведенных на сцену, изображено чертами иногда весьма острыми. Общая беспристрастность отличает повествование Никиты; временами память о несчастьях империи и собственных несчастьях могла ожесточить его дух, но следует сказать, что любовь к истине никогда не перестаёт одушевлять историка.

Вот несколько любопытных черт из рассказа Никиты: «Молодой Алексей, — говорит он, — проводил целые дни и ночи за играми в лагере итальянцев. Особенно презирали его греки за наглую фамильярность, которую позволяли себе с ним крестоносцы; часто венецианцы дерзали срывать с его головы диадему, украшенную золотом и драгоценными камнями, и надевать её на себя, а Алексею вместо неё надевали шерстяную шапку по обычаю своей страны». Говоря о старом императоре Исааке, греческий хронист выражается так: «Исаак льстил себя надеждой, что вновь обретёт зрение, исцелится от подагры и, подобно змее, меняющей кожу, начнёт новую жизнь, полную силы и здоровья; отвратительные монахи с длинными бородами, которые, к собственному стыду, носили одежду, любимую Богом, теснились за его столом и, набив желудки самыми крупными рыбами и самыми изысканными винами, кормили его воображаемыми обещаниями; целуя его руки, почти парализованные болями подагры, они уверяли его, что однажды он чудесным образом выздоровеет». Ничто так не характерно, как развлечения и весёлые маскарады латинян после победы: «Крестоносцы, — говорит Никита, — надевали

не по нужде, а чтобы выставить на посмешище, расписные одежды, обычный костюм греков; они надевали наши полотняные головные уборы на головы своих лошадей и привязывали им на шею шнуры, которые по нашему обычаю должны свисать сзади; некоторые держали в руках бумагу, чернила и письменные принадлежности, чтобы издеваться над нами, словно мы были лишь плохими писцами или простыми переписчиками. Они целые дни проводили за столом; одни наслаждались изысканными блюдами, другие, согласно обычаю своей страны, ели лишь варёную говядину и солёную свинину, чеснок, муку, бобы и очень острый соус». Известна речь Никиты Хониата о памятниках, уничтоженных или изуродованных крестоносцами; эта речь, столь драгоценная для истории искусств, переводилась и печаталась много раз, и мы можем не останавливаться на ней.

Narratio Nicetæ Choniatae de Statuis, cap. etc. Imperium orientale, tome I, pars tertia, p. 107 et suiv.

Среди других греческих хронистов Акрополит, Пахимер и Никифор Григора могут быть полезно прочитаны для знакомства с событиями от основания Французской империи до её окончательного падения; из латинских авторов для тех же эпох мы имеем Альберика из Труа-Фонтен, Ришара Сен-Жерменского, Матвея Парижского, Годфруа-Монаха; не следует забывать и письма пап Иннокентия III, Гонория III, Григория IX — подлинные исторические памятники, драгоценные архивы, в которых мы находим факты, которых тщетно искали бы в других местах. Филипп де Муск, епископ Турне, составил историю французскими стихами, начинающуюся с похищения Елены Парисом и продолжающуюся до 1210 года; Дюканж извлёк из этой старой поэмы всё, что имеет хоть какое-то отношение к Французской империи Константинополя. Хроника Филиппа де Муска не имеет никакого значения как историческое произведение; это одно из первых сочинений, написанных французскими стихами, что делает его литературной редкостью и ничем более. Поэтому мы сочли бесполезным помещать Филиппа де Муска вслед за Виллардуэном. Совсем иное, несравненно более интересное и историческое произведение — «Хроника Мореи» греческими стихами, впервые переведённая и изданная господином Бюшоном; безымянный автор этой хроники является лучшим проводником во всём, что касается утверждения французов в Морее. Материалов не недоставало бы тому, кто пожелал бы восстановить историю Французской империи Востока, и эта история была бы героической и удивительной; пока многочисленные документы, указанные выше, не будут собраны и слиты в единое повествование пером писателя, достойного столь благородной задачи, придётся довольствоваться трудом Дюканжа; «История Константинопольской империи при французских императорах», труд критический и учёный, всегда будет цитироваться с похвалой, хотя ему можно поставить в упрёк недостаток метода и большую сухость.

Нам остаётся сказать несколько слов об Анри де Валансьенне, мемуары которого следуют далее; неизвестно, почему дом Бриаль мог сказать, что эти мемуары, по-видимому, не принадлежат современнику событий. Анри де Валансьенн часто говорит как очевидец, и сам в прологе сообщает, что «видел собственными глазами все совершившиеся там деяния и знал все советы знатных людей и баронов». Нравы, страсти, благочестивые обычаи, все современные идеи снова появляются в его рассказе, а впечатления и чувства автора очевидно принадлежат очевидцу. Вероятно, этот Анри был рыцарем из свиты императора Анри и, как он, родился в Валансьенне; однако он нигде не говорит о собственных поступках, и его скромное молчание скрыло от нас ту роль, какую он играл в войне. Следует заметить живую и оригинальную манеру хрониста Анри; его повествование ясно и красочно; в описаниях и картинах этого рыцаря больше литературного умения, чем обычно встречается у добрых рыцарей той эпохи. Особенно поразит читателя рассказ о победе, одержанной французским императором над Бурилем, или

Борилом, царём болгар. Важность и новизна фактов, многочисленные черты нравов делают чтение «Мемуаров Анри де Валансьенна» весьма увлекательным.

Хронист всегда говорит об императоре Анри словами любви; всё, вплоть до его благородной осанки и вооружения, вызывает восхищение историка; чувствуется, что он не без гордости видел государя из своей страны во главе новой империи. Патриотизм заставил его взяться за перо, и кажется, что на каждой странице хронист говорит: радуйся, Валансьенн, ибо твои дети совершили великие дела! Хрониста Анри можно считать продолжателем Жоффруа де Виллардуэна; несколько раз он говорит о маршале, и то, что сообщает, дополняет наши сведения об этом прославленном шампанце. Имя Конона де Бетюна также принадлежит к именам, часто появляющимся в «Мемуарах Анри де Валансьенна»; здесь, как и в других современных рассказах, Конон является красноречивым человеком французского войска; он говорит от имени армии в великих переговорах, и почти всегда его благородная и прекрасная речь покоряет самые непокорные умы, как Улисс и Нестор в греческом войске. Конец мемуаров Анри до нас не дошёл; можно думать, что его рассказ продолжался до смерти императора Анри в 1216 году.

Мы не станем сравнивать между собой Анри де Валансьенна и Жоффруа де Виллардуэна; их манера рассказа настолько различна, их облик настолько несхож, что это может почувствовать и самый обычный читатель. Наивная простота, благородная добродушность, краткость, точность — вот характер Виллардуэна; у Анри де Валансьенна нет ничего подобного. Историк, или скорее панегирист императора Анри, пишет с восторгом, охотно останавливается на самых малых фактах и наслаждается рассказом о победах своих соотечественников; о религии он говорит как благочестивый паломник, о войне как рыцарь; в его описаниях и картинах есть известное воображение. Произведение, продиктованное Виллардуэном, целиком военное и рыцарское; повествование Анри де Валансьенна, сохраняя верность исторической точности, движется свободно и поэтично, как средневековый роман. Мы сочли необходимым перевести этот рассказ, потому что иначе он был бы непонятен всем читателям. Однако мы старались, насколько могли, сохранить старые обороты оригинала.

«Мемуары Анри де Валансьенна» отсутствуют в собраниях наших предшественников.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЛЛАРДУЭНА ПО МЕМУАРАМ АНРИ ДЕ ВАЛАНСЬЕННА.

ОБ АНРИ, БРАТЕ ИМПЕРАТОРА БАЛДУИНА, И О ТОМ, КАК ОН СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПОСЛЕ ТОГО, КАК БАЛДУИН ПОГИБ ПОД АДРИАНОПОЛЕМ.

1. Я, Анри де Валансьенн, полагаю, что тот, кто берётся хорошо говорить и повествовать и обладает для этого необходимыми способностями и достоинствами, должен прежде всего трудиться над тем, чтобы следовать полной истине; поэтому я хочу рассказать о том, чему сам был свидетелем и что могу удостоверить относительно добрых людей, находившихся при разгроме Буриля императором Константинополя Анри, и хочу, чтобы почести, оказанные там Господом императору и людям империи, стали известны всем, ибо я, Анри, собственными глазами видел всё, что там происходило, и знал все советы знатных людей и баронов. В самом начале скажу, что, когда Господь видит мужчину или женщину во грехе и они обращаются к раскаянию, затем очищаются исповедью, плача и вздыхая в истинном сокрушении сердца, Он простирает над ними щедрость Своей благодати и величия; когда же Он видит, что они обращаются к злобе и с каждым днём всё более упорствуют в своём заблуждении, тогда Он совер-

шает над ними суровую месть, как мы находим в божественных страницах Святого Писания. Однако всё зло не заключается в играх, смехе и развлечениях, равно как всё добро не заключается в плаче или в ношении простой одежды, но то и другое находится в сердце каждого; и Бог, Который знает и ясно видит самые сокровенные движения сердец, воздаёт каждому по заслугам согласно Своему божественному суду. Но, поскольку я не хочу причинять кому-либо досаду слишком долгим вступлением, мне следует вернуться к этому труду, и да даст мне Бог по Своей воле разум, силу и рассудительность, чтобы довести его до конца.

2. Однажды на Пятидесятницу император находился в Константинополе, когда ему пришла весть, что куманы и болгары вступили в его земли и жестоко обращаются с его народом. Император тотчас приказал собрать войска, а когда они собрались, повелел всем выступить вслед за ним, и они исполнили приказ. Император со всем войском дошёл до лугов за Силиврией, приказал расположиться там и ждал, пока соберутся почти все. Затем он выступил из Силиврии и всё время шёл прямо навстречу куманам и болгарам, а войско его день ото дня возрастало. Наконец он пришёл на равнину за Адрианополем; когда вся его армия собралась, люди расположились лагерем. Тогда на совете решили идти к болгарам и просить помощи у одного могущественного человека по имени Эсклас, который воевал с Бурилем, своим двоюродным братом, потому что Буриль предательски отнял у него землю; если бы они получили помощь Эскласа, то могли бы увереннее напасть на Буриля. Император приказал войску выступить, ибо очень желал встретиться со своим врагом Бурилем: дядя того, Иоанн, убил его брата императора Балдуина, что было великим несчастьем для людей Фландрии и Эно. Император дошёл до Берны, где они переночевали; на следующий день, когда взошло солнце, Буриль внезапно напал на них, а из всего нашего войска вооружены были лишь авангард и арьергард. Тогда можно было видеть, как люди жестоко сражались друг с другом и поражали друг друга стрелами; поскольку наши люди ещё не успели исповедаться, они были несколько уstraшены, и это неудивительно, ибо, даже если бы все люди Романии были против Буриля и он привёл все свои силы, а император имел бы в помощь всех людей Франции, Фландрии и Нормандии, находившихся в той стране, они всё равно ничего не смогли бы совершить, если бы Сам Бог им не помог.⁸⁹

3. Один рыцарь из Элема по имени Лиенар, весьма добрый человек и воин большой силы, первым заметил гордость и самоуверенность противника и то, как жестоко они осыпают наших людей стрелами; отбросив всякую трусость, он с обнажённым мечом бросился на них. Но, поскольку он сделал это без приказа, добрые люди войска говорили, что это была безумная отвага и что никто не должен будет жалеть его, если из-за такого предприятия с ним случится несчастье. У него не было поддержки, и он непременно был бы взят в плен, если бы не император, который по великодушию своего сердца и по своей отваге решил выручить своего человека.

4. Когда император увидел, что Лиенар не сможет избежать смерти или плена, он вскочил на своего вороного коня, ударил его шпорами и направился на одного болгарина; приблизившись, он ударил того копьём в бок так, что железо вышло с другой стороны, а болгарин, не выдержав удара, упал на землю, как человек, которому пришёл конец. Вороной конь был ранен в двух местах. Когда те, кто держал Лиенара, увидели приближающегося императора, пылавшего гневом и яростью, они не стали его ждать, оставили Лиенара и разбежались кто куда. Лиенар всё же был ранен в руку, но я не знаю, стрелой или мечом. Тогда император сердито

⁸⁹ Мы видели эти луга к северо-западу от Силиврии; их пересекает река, через которую перекинут мост в тридцать две арки. См. «Correspondance d'Orient», том II.

сказал ему: «Лиенар! Лиенар! Бог мне свидетель: кто бы ни считал вас мудрым, я считаю вас безумцем, и хорошо знаю, что меня самого будут порицать из-за вашего дела». Так Лиенар был спасён рукой императора; сам же император отправился туда почти без доспехов, ибо на теле у него был только один стёганный гамбезон, и всё же он рассеял всех болгар, которых настиг. Опасаясь, что его конь убит или искалечен, он медленно повернул назад; древко копья у него было в крови, а по коню было видно, что его сильно прищипоривали, ибо кровь текла по обоим бокам, и кроме того он был ранен в двух местах. Люди из свиты императора ещё не знали, куда он уехал, и сильно тревожились; чтобы успокоить их, он сказал, чтобы они ничего не боялись.

5. Когда Пьер де Дуэ увидел его, он прямо подошёл к нему и сказал: «Сир, сир, такой человек, как вы, имеющий столько добрых людей, которых надлежит хранить и которыми надлежит управлять, не должен столь безрассудно отделяться от своих, как вы сделали сейчас; подумайте, сир, если бы по несчастью вас там убили или взяли в плен, разве не были бы мы все тогда либо убиты, либо обесчещены? Бог мне свидетель, у нас нет здесь никакой другой опоры и никакого другого знамени, кроме Бога и вас; поэтому скажу вам одну вещь, которую хочу, чтобы вы знали: если ещё раз вы подвергнете себя подобной опасности, от которой да сохранит Бог и вас и нас, мы немедленно возвратим вам всё, что держим от вас».

6. Император, поняв, что Пьер де Дуэ упрекает его ради его же чести, весьма кротко ответил: «Пьер, Пьер, я хорошо знаю, что поступил слишком безрассудно; прошу простить меня, и в другой раз я буду остерегаться. Но причиной был Лиенар, который так безумно бросился вперёд; я уже слишком сурово его бранил и сказал ему больше постыдных слов, чем следовало, однако, если бы он там остался, для нас это было бы большим позором, ибо потеря такого доброго человека была бы невозполнимой и нас стали бы меньше бояться. Возвращайтесь теперь в свой строй, оставим пока болгар и повернём к Филиппополю».

7. Когда император приказал, никто не стал возражать. Они пришли к Филиппополю и поспешно расположились лагерем. Когда императорский шатёр был поставлен, он велел снять с себя доспехи и немного поел сухого хлеба и выпил вина; так же поступили те, у кого были припасы, а у кого их не было, тем пришлось терпеть, ибо знайте, что на протяжении двенадцати больших дневных переходов там не росли ни пшеница, ни ячмень, ни виноград, ни овёс. Когда наши люди увидели, в какую землю они вошли, многие испугались и пришли в уныние. Пьер де Дуэ, Ренье де Трит, Ансо де Кайё и многие другие рыцари вышли перед Филиппополем, чтобы охранять фуражиров. Они заметили болгар, которые искали случая причинить им вред; болгары уже задержали наших фуражиров перед Филиппополем и отрезали их от своих. Тогда к императору прибыл гонец и сказал, чтобы тот немедленно садился на коня и шёл выручать фуражиров, потому что на них напали куманы и болгары. Услышав это, император тотчас вооружился, как и все его люди, и сказал им, чтобы каждый думал о том, как хорошо исполнить свой долг, и не думал, будто Господь, создавший их по Своему подобию и образу, забыл их из-за такой своры. «Если вы, — сказал он, — всю свою веру и надежду возложите на Бога, не бойтесь и не сомневайтесь, что они смогут долго противостоять вам». Император так долго говорил им о Господе, приводил столь хорошие слова и столь прекрасные наставления, что не осталось ни одного трусливого человека, который не обрёл бы мужества и не пожелал бы совершить доблестный поступок, если представится возможность; так император своей поведью ободрил всех.

8. Пьер де Дуэ, Ансо де Кайё и Ренье де Трит находились перед Филиппополем, как вы слышали, охраняя фуражиров, когда на них двинулись болгары и куманы, поставив впереди лучников, которые кричали и шумели так сильно, что казалось, будто дрожит вся дорога. День

был прекрасным, а равнина такой ровной, что там не было ни рва, ни холма, ни долины; если бы сражение не отменилось по воле болгар и куманов, то с нашей стороны оно, конечно, не было бы отменено. Император ехал на гнедом коне, потому что его вороной был ранен, и сказал своим: «Сеньоры, каждый из вас здесь добрый и верный человек; пусть сегодня каждый будет соколом, а наши противники — птицей ему на добычу». Когда болгары увидели императорское знамя и людей, число которых было около двух тысяч, они начали отходить, а затем обратились в бегство. Наши не стали преследовать их далеко, потому что были утомлены и потому что император не позволил нарушать порядок.

9. Ночью войско было разделено на отряды, и Пьер де Браекель с Никола де Майи были назначены теми, кто должен будет атаковать первыми. Тогда капеллан Филипп произнёс перед войском проповедь и сказал: «Сеньоры, ради Господа вы собрались в этой земле; не погубите теперь ваших трудов. Вы находитесь в чужой стране, и у вас нет ни крепости, ни убежища, кроме ваших щитов, копий, мечей и коней и, прежде всего, Божией помощи. Исповедь приносит сокрушение и очищение грехов; поэтому пусть каждый исповедуется». Наутро лагерь поднялся, все вооружились, капелланы отслужили мессу Святого Духа, а люди исповедались и с большим благоговением приняли Тело Господне, насколько это было возможно. Затем взяли крест нашего искупления и поручили капеллану Филиппу нести его. После этого отряды выступили в прекрасном порядке, каждый был готов защищаться или нападать, если потребуется; это было в день святого Петра, первого августа.

10. Кто находился там в тот час, мог видеть множество знамён и щитов разных цветов, а прежде всего императорское знамя и самого императора, который с одной стороны строил и выравнивал отряды, тогда как с другой этим занимались Пьер де Браекель и Никола де Майи. День был прекрасным и ясным, а равнина столь ровной, что не было ни дурного места, ни препятствия, которое могло бы расстроить строй. Теперь они ясно видели, что без битвы дело не обойдётся, ибо враги находились совсем близко на пустоши.

11. Буриль со своей стороны построил и расположил свои отряды, и противники приблизились настолько, что могли различать друг друга. Шум со всех сторон, смятение и ржание коней были так сильны, что не слышали бы грома. Император Анри ездил от одного отряда к другому и говорил: «Сеньоры, прошу вас всех, будьте сегодня друг другу как братья; если между кем-либо из вас есть гнев или ненависть, пусть всё будет прощено. Не смущайтесь, будьте смелы и твёрды, ибо сегодня, если Богу угодно, мы победим их». Они ответили, что уже решили именно так и что теперь у них нет ни слов, ни мыслей о трусости. Благодаря проповеди доброго императора Анри и потому, что каждый, насколько мог, исповедался и причастился, все желали сразиться с врагом.

12. Пока он так говорил, маршал нашего войска посмотрел в сторону одного холма и увидел людей Буриля, шедших с криком и воем и производивших огромный шум, ибо они думали напасть на наших фуражиров. Жоффруа, маршал нашего войска, послал к императору сказать, что теперь будет битва с предателем Бурилем, который против Бога и разума именует себя императором, и чтобы он выступал. Услышав это, император очень обрадовался, потому что давно желал сражения. «Добрый Господи Боже, — сказал он, — да будет Тебе угодно, чтобы сегодня мы могли отомстить болгарам и куманам». Затем он позвал Пьера де Дуэ, сказал, что очень ему доверяет, и просил ради Бога не отходить от него и всё время быть рядом, чтобы охранять его в этом деле. «Я очень рад, — сказал он, — что вижу их стоящими и ожидающими, ибо, если бы они сделали вид, будто бегут, а Буриль захотел бы жечь свою землю за собой, я вовсе не был бы уверен в нашем возвращении: все мы погибли бы от голода и недостатка

пищи». Затем он подозвал Гозье ле Муаня, Никола де Бьетра, Гадуля, Алара и ещё нескольких и сказал: «Сеньоры, смотрите, чтобы никто не покидал строя, пока я не прикажу. Вы сами видите, что это не детская игра и не забава, а столь жестокая и смертельная битва, что если один из нас захватит другого, не думаю, что он отдаст его и за сто тысяч золотых безантов, вместо того чтобы убить». Пьер де Дуэ ответил: «Сир, зачем вы всё это говорите? Смело идите вперёд и знайте: если только смерть не помешает мне, сегодня вы не окажетесь впереди меня и на четыре шага». Услышав это, император замолчал и больше ничего не сказал, а двинулся против людей Буриля, битвы с которыми так желал. И знайте, тем утром от мягкости погоды птицы пели очень сладко, каждая по-своему, и веселились; я, Анри де Валансьенн, говорю и утверждаю, что никогда в жизни не видел более прекрасного дня.

13. К чему затягивать рассказ? Отряды приблизились друг к другу с великой гордостью и яростью. Буриль пришёл с тридцатью тремя тысячами людей, которых разделил на тридцать шесть отрядов; одни несли длинные копья с острыми режущими наконечниками, и шли они с великой самоуверенностью, не цenia ни нашего императора, ни его силы и думая захватить его самого и всех находившихся с ним. Император приказал своим двигаться вперёд и сказал, чтобы теперь каждый держался как добрый человек, ибо час нужды настал. Он велел держать рядом с собой Байяра, надел шлем и приказал нести перед собой императорское знамя. Отряды сближались; Пьер де Браекель и Никола де Майи вышли в авангард вместе с Жоффруа маршалом и сказали, что атакуют первыми, затем должен идти Милон Брабантский, после него Гийом дю Першуа и Лиенар де Элем, а император будет поддерживать тех, кто пойдёт в удар. Жоффруа сказал: «Сеньоры, ради Бога, смотрите, чтобы эта атака была совершена так хорошо и так прямо, чтобы враги не могли ни порицать нас, ни смеяться над нами, ибо тот, кто покажет себя дурно, по праву должен быть изгнан из славы Рая».

14. Затем началась атака. Первый удар был велик и суров: копья ломались, люди и кони падали, шум был так силён, что один не слышал другого. Передовые отряды наших глубоко вошли в строй противника, а император, удерживавший войско в порядке, посылал помощь туда, где видел наибольшую нужду. Буриль и его люди некоторое время держались, но, увидев, что французские отряды после первого столкновения не расстроились и один за другим продолжают наступать, начали отходить. Тогда император приказал сильнее теснить их и не давать им времени снова построиться. Болгары обратились в бегство. Наши преследовали их и многих убили; однако император не позволял людям слишком далеко отходить от знамени, опасаясь куманских засад. Так победа осталась за императором.

15. Когда преследование окончилось, люди стали возвращаться к знамёнам. Были раненые и убитые, но у противника потери оказались значительно тяжелее. Император прежде всего велел благодарить Бога, ибо не людям, а Ему приписывал победу. Войско расположилось лагерь; были собраны захваченные кони, оружие и прочая добыча. Император вновь напомнил баронам, что никто не должен приписывать себе честь, принадлежащую Господу, ибо утром они были столь малочисленны против такого множества, что без помощи Божией не могли надеяться на победу.

16. После этого к императору явились послы Эскласа, врага Буриля, и выразили большую радость по поводу поражения последнего. Вскоре пришёл и сам Эсклас, которого приняли с великой честью. Он говорил, что желает служить императору против Буриля и что, если между ними будет заключён добрый союз, они смогут вместе причинить ему большой вред. Император и бароны долго советовались с ним и договорились о взаимной помощи.

17. Маршал Жоффруа отдельно поговорил с Эскласом и посоветовал ему ещё крепче связать себя с императором браком. Он сказал, что у императора есть дочь и что Эскласу следует попросить её себе в жёны. Эсклас снова стал перед императором на колени и сказал: «Сир, мне сказали, что у вас есть дочь; прошу вас, если вам угодно, дать её мне в жёны. Я достаточно богат землями и сокровищами, и в моей стране меня считают человеком знатного рода; поэтому прошу вас дать её мне». Знатные люди, присутствовавшие там, советовали императору согласиться, потому что тогда Эсклас будет служить ему ещё сердечнее и охотнее. Император сказал: «Сеньоры, раз вы одобряете это и советуете мне, я согласен». Затем он улыбнулся, подозвал Эскласа и сказал: «Эсклас, я даю вам мою дочь, да позволит Бог вам жить с ней; я также отдаю вам все земли, которые мы здесь завоевали, с тем чтобы вы стали моим человеком и служили мне за них, и кроме того отдаю вам Великую Влахию, господином которой, если Богу угодно, я вас сделаю». Эсклас пал ему к ногам и горячо поблагодарил.

18. После этого Эсклас удалился, а наши люди пришли к замку, называемому Стенимаком; там Эсклас вновь присоединился к ним. Он и бароны стали обсуждать, где и когда состоится свадьба. Император подарил ему коня, которого очень любил, и поручил своему брату Эташу два отряда своих людей, один из которых состоял из греков Адрианополя, а другой из наших французов. Затем наше войско без препятствий вернулось в Адрианополь и оттуда пришло в Памфилу. Император велел поставить шатры и осмотрел замок, который был сильно разрушен и повреждён; он поклялся, что никто не уйдёт оттуда, пока стены не будут восстановлены и подняты. Маршал сказал, что полностью с этим согласен. Тогда повсюду, где только могли найти работников, их вызвали, и все должны были носить известь и раствор, никого не освобождали. Император оставался там довольно долго, пока ему не сообщили, что Ласкарис напал на Давида и, если не прийти быстро на помощь, Давид и его земля будут потеряны. Император очень огорчился, потому что Давид всегда держался по отношению к нему верно. Он позвал маршала и приказал ему не уходить из Памфилы, пока замок не будет восстановлен таким, каким был прежде; маршал поручил императора Господу и сказал, что исполнит приказ.

19. Император отправился в Константинополь, потому что не хотел, чтобы Давид заключил дурное соглашение с Ласкарисом; он намеревался перейти пролив Святого Георгия и выступить против Ласкариса и всех, кто будет держаться его стороны. Так и было сделано: он переправился через пролив и приказал, чтобы никто не отставал, а все держались рядом. Когда Ласкарис узнал, что император идёт на него, он сильно встревожился, снял осаду Гераклеи и бежал; знайте, что при переправах в реках утонуло до тысячи его людей или больше. Ласкарис не останавливался, пока не достиг Великой Никеи; там он сошёл с коня и возблагодарил Господа за своё спасение. Если бы Бог позволил нашему войску прийти на четыре дня раньше, всё находившееся по ту сторону пролива было бы захвачено, вместе с самим Ласкарисом; но Господу, видимо, было угодно иначе. Император был весьма огорчён и разгневан, что не смог настичь Ласкариса, однако не мог преследовать его дальше из-за больших вод, сильных дождей и чрезвычайно сурового зимнего холода; поэтому он со всеми людьми и обозом вернулся в Константинополь. Там император довольно долго оставался в своей земле в мире, а маршал Жоффруа, восстановив замок Памфилы и снабдив его французским гарнизоном, также возвратился в Константинополь.

20. Когда маршал возвращался из Памфилы, он встретил Эскласа и спросил, куда тот идёт. Эсклас ответил, что направляется к императору ради своей свадьбы, желая исполнить клятву. «Поистине, сир, — сказал маршал, — я очень этому рад; знайте, в моём государе императоре у вас будет хороший отец, если вы постараетесь сохранить его любовь. О вашей будущей жене скажу, что она прекрасна, мудра, учтива, приятна и наделена всеми хорошими

качествами; мне говорили, что она находится в Силиврии». Услышав это, Эсклас очень обрадовался. Он пошёл прямо в Силиврию к своей невесте, взял её за руку и сказал, что хочет, чтобы она отправилась с ним в Константинополь; она ответила, что готова. Эсклас, весь охваченный любовью к девушке, сделал всё, чтобы привезти её в Константинополь, и очень ожидал дня свадьбы, ибо ему казалось, что один день длится сорок.

21. Когда император услышал, что Эсклас приближается, он вышел ему навстречу; вместе они вошли в Константинополь, и император устроил его брак со своей дочерью. Нужно ли спрашивать, было ли там много праздника, радости и веселья? Всех благ имелось в таком изобилии, словно их черпали из источника.

22. Эсклас оставался в Константинополе всю неделю, а затем покинул императора и увёз с собой жену. Император оказал ему все почести, какие мог, и со всеми людьми проводил его довольно далеко. Перед расставанием он поговорил с дочерью наедине и сказал: «Прекрасная дочь, вы взяли здесь мужа, с которым теперь уходите; он для вас почти как чужеземец, потому что вы не понимаете его языка, а он почти не понимает вашего, но ради Бога не будьте из-за этого с ним подозрительной или грубой, ибо великий стыд для знатной женщины презирать своего мужа, и за это её сурово осуждают и Бог, и люди. Более всего остерегайтесь оставлять ваши хорошие обычаи ради чужих дурных; будьте кроткой, приятной и терпеливой столько, сколько пожелает ваш муж, и почитайте ради него всех его людей. Но особенно смотрите, чтобы из-за любви к ним или их любви к вам вы никогда не отвращали сердца от нашего народа, из которого вышли». Она ответила: «Сир, знайте наверное: если Богу угодно, вы никогда не услышите обо мне дурных вестей. Но, мой добрый и дорогой отец, кажется, настало время расставаться; я буду молить Бога, чтобы Он дал вам силу победить врагов и умножил вашу честь». Они поцеловались и расстались.

23. Император вернулся в Константинополь, созвал всех баронов и попросил совета, следует ли ему оставаться на месте или совершать походы всю эту зиму. Бароны посоветовали идти в Фессалонику, чтобы привести страну в порядок и оказать ей помощь, а также чтобы ломбардцы, державшие её, принесли ему оммаж и клятву верности за сына маркиза, дабы тот не был лишён своих прав из-за отсутствия государя и чтобы бароны, знавшие установления страны и порядок её управления, обеспечили права как императора, так и ребёнка. Император сказал, что принимает этот совет. «Но, — добавил он, — надо решить, кто из наших баронов останется здесь охранять землю, потому что я хочу оставить её так, чтобы не тревожиться». Решили, что останутся маршал, Пайен д'Орлеан и Милон Брабантский, и при них оставили рыцарей и сержантов, чтобы они могли защищаться, если кто-либо попытается причинить им вред. Затем император снабдил Силиврию рыцарями и сержантами, как и другие замки; Лиенара отправил в Вериссу, а Эрбера — в Визои.

24. После этого император выехал из Константинополя в Фессалонику, желая узнать, намерены ли ломбардцы исполнить перед ним свои обязанности. Но он нашёл их вовсе не в таком расположении, как ожидал, ибо они говорили, что сами завоевали землю и хотят хранить её вместе с ребёнком маркиза. Если бы они поступали так действительно ради ребёнка, это ещё было бы близко к разумному, но их целью было иное: они хотели держать страну исключительно для себя, как вы услышите далее.

25. Император пришёл в Родосто и собрал там множество людей. Знайте, в то время, когда он вышел из города, стоял такой сильный мороз и шёл такой снег, что у людей чуть не замерзал язык во рту; у одного отмерзали ноги, у другого руки, у третьего пальцы, у четвёр-

того нос, у пятого от холода трескались губы. Многие умерли. Да позволит Бог, чтобы труды императора и его людей были вознаграждены так, как Он знает, что им необходимо, и чтобы император получил причитающуюся ему честь; но прежде ему и его людям предстояло вынести ещё много тяжёлых трудов, ибо реки были столь быстры, велики, глубоки и трудны для перехода, что без Божьего чуда человек не смог бы через них пройти. Поэтому все, кто видел, как император путешествует в такую погоду, удивлялись, куда он идёт, чего ищет и что намерен делать, ибо никто этого не знал, кроме членов его совета.⁹⁰

К чему перечислять все ночлеги до Фессалоники? Это было бы слишком долго. В ту ночь, когда стоял такой мороз, как я сказал, он ночевал в Наполи; на следующее утро выехал оттуда. Люди, которым поручено было занимать квартиры, отправились вперёд, но несколько оруженосцев поднялись раньше и поехали совершенно безоружными, не предполагая никакой опасности. В старой колее они увидели около трёхсот болгар, которые окружили их со всех сторон. Одного нашего человека они взяли в плен, другого убили, но некоторые убежали к императору и рассказали о случившемся. Император очень разгневался и сказал, что отомстит, если сможет. Он вооружился, сел на коня и бросился в погоню, но болгары не захотели его ждать и стремительно бежали по оврагу. Видя, что никого не может настичь, император всё же велел преследовать их по следам до вечера, однако в конце концов никого не поймали.

26. В ту ночь он расположился в Русионе и оставался там весь следующий день, ожидая отставших. На третий день император вышел из Русиона и пришёл в Кипселу, где расположил людей. Затем он послал узнать, можно ли без опасности перейти находившуюся там реку, и Господь ясно показал, что хочет помочь нашим людям: вода замёрзла настолько, что по льду могли идти даже повозки. Они перешли без всякого вреда. Некоторые греки очень огорчились этому, потому что у них было предсказание: тот, кто перейдёт эту реку, не намочившись, будет тридцать два года господином страны; они были убеждены, что это истинно. К тому же никогда прежде не слышали, чтобы эта большая река замерзала хотя бы на толщину одного денье, ибо она была чрезвычайно широкой, глубокой и быстрой, шириной почти в большой выстрел из лука. Поэтому греки говорили между собой, что Господь так любит этого императора, что изгнать его из страны будет нелегко, и что им следует служить ему, потому что он не делает им ничего дурного.⁹¹

27. Император продолжал путь, пришёл в Макру, затем в Траянополь, оттуда в Мессинополь и наконец, переход за переходом, в Христополь. Он думал войти в замок по праву, как человек, не ожидавший зла, но каштелян заявил, что он не ступит туда ногой, и приказал своим людям не приносить в войско ничего, чем могли бы питаться люди или животные. Вот начало измены. Увидев, что замок держат против него, император сильно огорчился и разгневался, однако запретил штурмовать его, сказав, что ещё хорошо отомстит. Ту ночь он провёл вне Христополя в великой нужде; не от каштеляна и людей замка зависело, что он не умер от холода, голода и прочих лишений, тогда как они всю ночь предавались внутри крепости празднествам и веселью. Утром император ушёл от Христополя и прямо направился к Фессалонике через долину Филиппа; там находилась Македония, которой царствовал Филипп, там родился, как рассказывают, Александр; царь Филипп называл долину своим именем, а город Македония стоял над ней. В той же долине Помпей Римский сражался с Юлием Цезарем, и там Юлий Цезарь был разбит. Император, направляясь к Фессалонике, полагал, что без возражений войдёт в города и крепости, которые должны были держать от него.

⁹⁰ Мы не знаем, о какой реке здесь говорит автор; возможно, речь идёт о реке Амариджик.

⁹¹ Здесь речь идёт о Гебре.

28. Когда император приблизился к Фессалонике, ломбардцы, управлявшие землёй, начали совещаться между собой. Главными среди них были граф де Бландра, коннетабль и другие их сторонники. Они решили не впускать императора в город, пока тот не даст им того, чего они потребуют. Императрица, вдова маркиза Бонифация, находилась внутри вместе со своим малолетним сыном. Ломбардцы утверждали, что действуют от её имени и ради прав ребёнка, но в действительности намерения их были иными.

29. Император послал к ним людей спросить, почему они не открывают перед ним город, который держат от него, и почему поступают вопреки оммажу и верности. Они отвечали уклончиво и требовали прежде заключить новые соглашения. Император не хотел начинать войну против города, где находились вдова его тестя и малолетний наследник, и потому терпел их речи дольше, чем терпел бы в другом месте.

30. Переговоры становились всё тяжелее. Ломбардцы требовали, чтобы император признал за ними такие права и земли, каких они прежде не имели, и старались воспользоваться тем, что он находился в суровой зимней стране с войском, страдавшим от недостатка продовольствия. Сам император хорошо понимал, что перед ним уже не просто спор о праве ребёнка, но намеренная попытка поставить его в зависимость.

31. Наконец император расположился со своими людьми у Кортияка близ Фессалоники. Положение войска было тяжёлым, и ломбардцы надеялись нуждой заставить его принять их требования. Послы ездили между лагерем и городом, однако каждый новый разговор обнаруживал всё больше недоверия. Император всё же старался не давать повода говорить, будто он нарушил договор или причинил вред законным правам императрицы и её сына.

32. На совете бароны сказали ему, что клятва, вырванная у человека, находящегося во власти противника и лишённого свободного выбора, не связывает его так же, как добровольное соглашение. Они советовали уступить необходимое, если другого выхода не будет, чтобы спасти себя и войско, а затем, когда он снова окажется свободен, потребовать своего права.

33. Император возражал, что слово государя должно оставаться твёрдым и что он боится совершить несправедливость, даже находясь в такой нужде. Тогда архиепископы, епископы и другие духовные люди сказали ему, что, если он вынужден поклясться ради освобождения из такого положения и ради спасения своей жизни и войска, они отпустят ему вину и примут грех на себя, потому что другая сторона действует обманом и принуждением. Бароны также уверяли его, что никто не сочтёт его неверным за то, что позднее он станет требовать права, которого сейчас лишается под насилием.

34. После всего этого император, чрезвычайно опечаленный и разгневанный, плача сказал: «Добрые сеньоры, у меня есть причина быть в великом горе и великом негодовании, ибо ломбардцы, как вы сами видите, держат меня словно в тюрьме и требуют, чтобы я полностью оставил им Эстины, Негропонт и всю землю от Дураццо до Макры. Всё, чего они требуют, составляет двадцать больших дневных переходов пути или больше, и поскольку теперь они держат меня в своей власти, мне придётся по необходимости и из-за нужды уступить им всю их волю. Что ещё сказать? Я уступаю им только потому, что нахожусь у них словно в плену; но, если Бог позволит, они недолго будут владеть этим на таком основании». Архиепископы и епископы войска ответили: «Сир, мы отпустим вам всю вину за это дело и примем весь грех на себя».

35. Тогда император позвал Конона де Бетюна и Ансо де Кайё, поручил им передать условия точно так, как он хотел, и сказал: «Сеньоры, я поклянусь первым, а затем после меня поклянутся все бароны, что мы без всякого нарушения исполним все соглашения именно так, как они их изложили, с единственным условием: чтобы на это согласилась императрица». Вот то условие, на котором все расчёты ломбардцев потерпели крушение. Послы отправились прямо в Фессалонику и добились от графа де Бландра, что тот поехал с ними в Кортияк. Император поцеловал его, простил ему всю враждебность и гнев, и они поклялись поддерживать права дамы и также права ребёнка. После еды граф вернулся в Фессалонику, а император провёл ночь в Кортияке. На следующее утро император приказал сорока рыцарям приготовиться ехать с ним; к ним присоединилось ещё около шестидесяти, которые прошли вместе с первыми сорока, несмотря на тех, кто охранял ворота, так что люди, поставленные считать вошедших, сбились со счёта. Когда император оказался внутри Фессалоники, граф де Бландра сошёл с коня и, ведя его коня за повод, проводил императора до монастыря Святого Димитрия. У ворот была такая теснота, что людей били по голове палками и жезлами, но наши клялись Богом и всей Его силой, что войдут все, несмотря на ломбардцев. Те не смогли им помешать и пропустили всех; на третий день вся армия императора, остававшаяся в Кортияке, вошла в город Фессалонику. Когда люди получили удобства и отдых, они быстро забыли все великие страдания и труды, которые прежде вынесли.

36. Ломбардцы говорили, что требуют землю для императрицы и ребёнка, но дело было совсем в другом: они хотели держать её для маркиза Гийома Монферратского, за которым посылали столько гонцов, что почти лишались рассудка из-за его промедления. И раз они столь дурно поступали с императрицей и её сыном, не было бы удивительно, если бы Бог позволил им получить заслуженное воздаяние. После того как император пробыл в Фессалонике три или четыре дня, ломбардцы каждый день посылали требовать, чтобы он исполнил то, что обещал им под клятвой; наконец им надоело посылать, и они сами сказали ему об этом. Император ответил, что полностью готов, и велел графу в присутствии всех повторить требования. «Сир, — сказал граф, — я повторяю их, раз вам угодно. Прежде всего я требую для сына маркиза всю землю от Модона до Макры и все владения, находящиеся между ними и принадлежащие к этой земле; этого, сир, я требую для ребёнка».

37. Тогда император назвал по имени князей и баронов, находившихся там: прежде всего архиепископа Фессалоники, сидевшего рядом с ним, графа Бертоля и сеньора Китры, а затем всех остальных, и спросил, согласны ли они с требованием, предъявленным графом.

38. Из всех присутствовавших никто не захотел согласиться на это, кроме Альбертина, сеньора Эстин, канцлера и Пьера Венса; только эти трое предателей встали на сторону графа. Тогда император сказал графу: «Сир граф, послушайте меня немного, если вам угодно. Я не хочу, чтобы вы или кто-либо другой могли справедливо сказать, будто я нарушаю соглашение. Верно, что я обещал предоставить вам всю землю, которую вы сейчас перечислили, если императрица согласится; это я признаю и теперь и исполню, если она согласится. Но я хочу, чтобы весь мир знал: никогда прежде ни от одного государя не требовали, чтобы он силой отдавал собственную честь и владение. Я хорошо знаю, что тот, кто предъявляет мне такое требование, не желает умножить мою честь или мою пользу и любит меня едва ли больше, чем болгары или куманы».

39. Затем император позвал Конона де Бетюна и приказал ему пойти к императрице и спросить, от её ли имени граф де Бландра предъявляет такое требование и одобряет ли она

его. Конон пошёл к императрице и спросил её; она сказала, что посоветуется и ответит на следующий день, и Конон согласился. Вернувшись к своему государю, он рассказал, что услышал. Тогда сам император отправился говорить с дамой и сказал: «Дама, ради Бога, не выступайте против моего права, ибо это было бы великой неверностью и ко мне, и к самой себе. И никогда не бойтесь меня, ибо, Бог мне свидетель, я никогда не причиню вам бесчестия, если вы первой не поступите так со мной». Дама ответила: «Сир, если бы я смела довериться вам, я хорошо сказала бы, почему во всём повиновалась им: они уже обращались со мной столь сурово, что я не осмеливалась говорить против них. Они приносили мне клятвы ради моего сына, но это не помешало им два или три раза посылать за маркизом Гийомом Монферратским, чтобы он приехал к ним, потому что они хотят лишить меня и моего ребёнка всей нашей земли и поставить на наше место маркиза. Теперь, когда я ясно вижу всю их злобу и знаю, что они стремятся лишить меня наследства, я во всём хочу держаться вашей воли и никогда, что бы они ни говорили, ни делали и ни обещали мне, не соглашусь ни с ними, ни с их советом».

40. Так император и императрица уладили между собой дело. Когда ломбардцы узнали, что дама отказалась им доверять, они были очень удивлены и огорчены. Тогда они придумали другую хитрость и сказали, что, если мир не может быть достигнут таким способом, они выберут двух человек, император — ещё двух, а эти четверо выберут пятого, и всё, что эти пятеро решат сообща, будет считаться законным судебным решением. Но говорили они это лишь для того, чтобы затянуть дело. Когда император услышал это, он сказал, что согласен, если только заранее узнает, кто будет пятым; ломбардцы ответили, что этого он не узнает, но охотно назвали двоих своих: одним был коннетабль, другим сеньор Негропонта. Так дело снова осталось спорным. Тогда императрица пришла к императору и просила его ради Бога, если ему будет угодно, короновать её сына, и император сказал, что весьма охотно коронует его.

В день Богоявления император с великой честью посвятил ребёнка в рыцари, а затем на глазах у всех короновал его; граф ещё оставался при управлении, был вновь облечён королевским гонфалоном и снова принёс оммаж и дал новые гарантии, но лишь по воле императрицы и не более.

41. Теперь наши люди думали, что имеют прочный мир и хорошее согласие, но война тотчас началась снова, потому что граф снабдил Христополь и Серры такими людьми, которые вовсе не желали умножать честь ребёнка, как впоследствии стало известно с полной достоверностью. Однажды граф пришёл на переговоры в замок Фессалоники; там находились император, Конон де Бетюн и многие другие бароны. Тогда граф начал говорить и говорил довольно безрассудно; Конон де Бетюн сказал ему, чтобы он посоветовался, если хочет говорить перед таким мудрым человеком, как император; тот ответил, что охотно это сделает, но не сделал, потому что потом сказал такие вещи, что императрица остановила его словами: «Сир граф, послушайте меня немного, если вам угодно. Мне сообщили, что вы снабдили гарнизоны мои замки, такие как Христополь и Серры, и поставили туда людей, которые вовсе не любят нашей чести и никогда не давали ни мне, ни моему сыну никаких гарантий и не приносили клятв, а принесли их вам таким образом, что, если бы маркиз Гийом Монферратский, за которым вы и ваши уже давно послали, прибыл сюда, вы должны были бы лишиться наследства меня и моего ребёнка и передать ему мои два замка. И поскольку мне сообщили это как истину, я хочу, чтобы вы вернули мне оба моих замка». Граф сказал, что сделает это весьма охотно. Дама сказала, что желает получить надёжные гарантии, и граф ответил, что даст хорошие. Но затем он говорил в свою защиту столь неразумно, что весь двор единогласно постановил: граф должен оставаться при императрице до тех пор, пока не передаст ей замки и пока она не введёт туда свои гарнизоны. Граф сказал императрице, что согласен с тем, как они постановили. «И я прошу, — сказала она, — моего государя императора, как моего законного защитника, чтобы

он обеспечил мне правосудие». «Дама, — сказал граф, — я охотно желаю, чтобы он обеспечил вам правосудие, ибо вы можете отнять у меня ваше управление за совсем малое». «А я, — сказал император, — охотно приму его обратно, если вы желаете». Тогда граф, как безумец и дурно воспитанный человек, снял с пальца кольцо и через это кольцо вернул императрице управление всем королевством Фессалоники, которым прежде владел, а затем остался при ней пленником, чтобы исполнить то, о чём вы слышали.

В день Богоявления император с великой честью посвятил ребёнка в рыцари и затем короновал его в присутствии всех. Граф ещё оставался в своей должности и был вновь облечён королевским гонфалоном; он повторно принёс оммаж и дал новые гарантии в соответствии с волей императрицы и не более.

41. Наши тогда думали, что мир прочен и согласие установлено. Но война сразу началась вновь, потому что граф снабдил Христополь и Серры людьми, которые вовсе не желали умножать честь ребёнка, как впоследствии было ясно обнаружено. Однажды граф пришёл на переговоры в замок Фессалоники. Там находились император, Конон де Бетюн и многие другие бароны. Граф начал говорить и говорил безрассудно; Конон де Бетюн сказал ему, чтобы он прежде посоветовался, если хочет говорить перед столь мудрым человеком, как император. Тот ответил, что охотно сделает это, однако не сделал; затем он сказал такие вещи, что императрица остановила его: «Сир граф, послушайте меня немного, если вам угодно. Мне сообщили, что вы снабдили мои замки, такие как Христополь и Серры, людьми, которые вовсе не любят нашей чести и никогда не давали мне и моему сыну ни гарантий, ни клятв; напротив, они дали их вам так, что, если бы маркиз Гийом Монферратский, которого вы и ваши давно призвали, прибыл сюда, вы лишили бы наследства меня и моего ребёнка и передали ему мои два замка. Поскольку мне сообщили это как истину, я хочу, чтобы вы вернули мне оба моих замка». Граф ответил, что сделает это охотно. Дама сказала, что хочет получить надёжные гарантии, а граф ответил, что даст хорошие. Но затем он настолько безрассудно говорил в свою защиту, что весь двор единогласно постановил: граф должен оставаться при императрице, пока не передаст ей замки и пока она не введёт туда свои гарнизоны. Граф сказал, что принимает это решение. «Я прошу моего государя императора, — сказала дама, — как моего законного защитника, обеспечить мне правосудие». «Дама, — ответил граф, — я охотно желаю, чтобы император оказал вам правосудие, потому что вы можете вернуть у меня ваше управление за весьма малое». «И я, — сказала императрица, — охотно его приму, если вы желаете». Тогда граф, как безумец и дурно воспитанный человек, снял с пальца маленькое кольцо и через него вернул императрице управление всем королевством Фессалоники, которым до тех пор владел, и остался пленником, чтобы исполнить то, о чём вы слышали.

42. Тогда императрица распорядилась приготовить рыцарей, каждый из которых был её непосредственным вассалом и держал фьеф от её сына, и приказала им отправиться принять во владение замки. Вместе с ними от имени императора отправились Гийом де Сен, бывший тогда маршалом нашего войска, Гийом де Блендюэль, Эрвен де Гаре, Ги де Дантрюэль и многие другие рыцари. Все они отправились к Серрам. Между тем граф призвал Вивьена, который был кастеляном Фессалоники, Рюба, одного предателя, и Ангелье, другого предателя. «Ступайте, — сказал граф, — как можно скорее к Серрам и скажите кастеляну от моего имени, чтобы он ни по какому моему знаку, ни по какой моей грамоте никогда не сдавал замок». Три предателя тотчас пустились вслед за нашими рыцарями и настигли их. «Сеньоры, — сказали три предателя нашим рыцарям, — подождите нас немного здесь, а мы пойдём внутрь и скажем кастеляну, зачем вы приехали». Они вошли внутрь и передали своё сообщение кастеляну; кастелян Гуго сказал им, что они никогда не должны были сомневаться в нём и что рыцари

никогда не ступят туда ногой. Тогда они сообщили ему, что граф находится в плену. Так была устроена измена, как вы слышите.

43. Затем трое предателей поднялись на башню и сказали нашим посланцам, чтобы они шли в Христополь, и что, если там им сдадут замок Христополя, им сдадут и Серры, а иначе нет. Наши посланцы сказали, что охотно туда пойдут. Они прибыли в Гигу и там нашли гонца, которого отправили к императору; через него сообщили ему обо всём деле и о том, что трое предателей остались в замке.

44. Когда император услышал эти новости, он был чрезвычайно огорчён и разгневан. Он сказал императрице, чтобы она была совершенно спокойна, потому что он сам скоро отправится к ним и они уже не смогут его обмануть. «Дама, — сказал император, — и вы сами поедете туда; если они не впустят вас, мне покажется, что они слишком далеко зашли». «Сир, — сказала дама, — я исполню всё, что вы прикажете, и прошу вас ради Бога помочь мне добиться моего права, ибо я хорошо знаю, что они сделают всё возможное, чтобы меня опозорить».

45. Граф, услышав эти слова, очень обрадовался в сердце, потому что думал, что всё же освободится и сумеет удержать замки. Когда император увидел, что никакие посланцы не могут получить замки, он сильно разгневался. Тогда он сказал, что сам поедет узнать, в чём дело, и возьмёт с собой королеву, чтобы посмотреть, позволят ли ей войти в собственный замок; и приведёт столько людей, что, если их не впустят по доброй воле, они войдут силой. «Сир, — сказал граф, — не беспокойтесь об этом. Я не хочу, чтобы из-за этого двигались ни вы, ни дама; я сам поеду туда, если вы хотите, и узнаю, почему они так поступили. Если вам угодно вернуть мне мою землю и простить ваш гнев и недовольство, я непременно отдам вам оба замка, потому что возьму с собой Пьера Венса, через которого, как я думаю, легко получу их обратно. Дама, — сказал граф, — не бойтесь, что не получите ваши два замка. Позвольте мне поехать туда, а вы вместе с моим государем императором пошлите со мной людей для моей охраны, чтобы не осталось никакого подозрения; только пусть мне вернут мою землю, а вы простите мне ваше недовольство». «Я охотно желаю, — сказал император, — чтобы вы и все остальные получили обратно всё, что вам причитается, при условии, что вы возвратите императрице её замки».

46. Тогда дело было устроено так: сам граф должен был идти к Серрам, чтобы исполнить то, о чём вы слышали. Конону де Бетюну, Ансо де Кайё, Балдуину де Сорелю и Матъё Блио приказали сопровождать графа и охранять его; они отправились вместе с ним и взяли столько рыцарей, что всего их было около тридцати.

47. Между тем к императору прибыл гонец от посланцев, прежде отправленных к Серрам, приветствовал его от их имени и сообщил, что замок был так хорошо защищён против них, что они никак не могли войти; поэтому они отошли в Гигу и там разместились и отдыхали как могли. Люди замка отправили послов к правителю Бурилю, который был очень жесток и жил в Менелите, и сказали ему, что, если он приведёт значительные силы, замок будет передан и сдан ему, «потому что кастелян предпочитает, чтобы вы получили его, а не император». «Но послушайте, сир, как удачно повернулось дело. Когда Буриль должен был входить в замок со всеми своими людьми и они уже вплотную приближались к крепости, греки среди бела дня по общему согласию отправили к вашим посланцам в Гигу известие, чтобы те пришли к Серрам, как только стемнеет, и что они впустят их в город. Что вам сказать? Наши посланцы пришли, и греки без шумапустили их в город. Там было захвачено много ломбардцев и коней. Тогда поднялся шум. Ломбардцы, находившиеся в верхнем замке, были осаждены нашими послан-

цами, которые сожгли главные ворота. Сир, наши оставались там три дня, а на четвёртый ломбардцы сдались с условием сохранения жизни, тел и имущества. После сдачи наши заставили их поклясться на святынях, что они никогда более не выступят против вас ни в замке, ни где-либо ещё. Сир, всё произошло именно так, как я вам рассказал».

48. Император очень обрадовался этой новости; тем не менее Конон де Бетюн и другие названные люди отправились с графом сначала в Серры, а затем в Христополь. В Серрах они провели ночь и были с великой честью приняты всеми находившимися там. Утром снова отправились к Христополю и дошли до Драгины. Когда граф должен был приказать замку выслать ключи, он призвал Пьера Венса, великого предателя, и тайно посоветовал ему сказать кастеляну от его имени, чтобы тот, какие бы слова, действия или приказ графа ни услышал, никогда не сдавал замок, потому что граф надеялся быть освобождённым и без сдачи крепости. Пьер Венс сказал, что всё будет хорошо и что своей хитростью и дурным обманом сумеет добиться освобождения графа. Но давно сказано: тот, кто думает обмануть другого, нередко сам бывает пойман той же или подобной хитростью. Пьер Венс отправился в Христополь и передал кастеляну приказ графа. Кастелян и все ломбардцы с этим согласились; затем они заключили с нашими перемирие, утверждённое обеими сторонами, пока дело не будет окончательно решено. Ломбардцы подготовили великую измену против наших людей; наши же, ничего не подозревая и считая себя совершенно в безопасности, разошлись по селениям.

49. Когда Конон де Бетюн узнал об этой измене, он сильно разгневался и тотчас предупредил своих людей. Ночью ломбардцы попытались напасть на них, но наши оказались готовы. Началась жестокая схватка. Французы удержались и захватили нескольких противников, а остальные отступили к замку. Так открылось всё предательство.

50. Пока наши рыцари находились в тех местах, граф и его люди всеми способами старались вырваться из их рук. Ломбардцы в замке говорили, что, если на них нападут, они сумеют хорошо и достойно защищаться.

51. Тогда французы устремились на них с опущенными копьями. Обе стороны сошлись с великой яростью, и многие были сбиты с коней. Люди графа пытались пробиться, а наши теснили их к укреплению.

52. Так началась битва между обеими сторонами. Они долго сражались, и каждый старался показать себя добрым рыцарем. Наконец французам удалось одержать верх и захватить тех, кого они преследовали.

53. Когда граф Бертоль узнал, что ломбардцы потерпели неудачу, он собрал своих людей и начал советовать, что делать. Одни хотели продолжать сопротивление, другие советовали искать соглашения.

54. Когда наши французы слышали их ответ, они отошли и направились в Фессалонику вместе со своими пленниками. Прибыв туда, император позвал Рауля и сказал ему: «Рауль, Рауль! Разве теперь не справедливо, чтобы мы дорого отомстили за позор, страдание и лишения, которые вы заставили нас перенести перед Христополем, когда уложили нас ночевать в поле на морозе и снегу, без жилья и без шатров? Люди, пришедшие со мной, терпели ещё больше меня, потому что я никогда не чувствую себя хорошо, если не нахожусь рядом с ними, тогда как вы в своём замке предавались удовольствиям и радости. Клянусь головой, сир кастелян, человек, который так поступает со своим государем, не показывает, что любит его сер-

дечно. Знайте же, я ещё не забыл той измены, которую вы совершили против меня, и говорю вам, что невозможно, чтобы вы не получили за неё той награды, которую заслужили».

55. Так император угрожал кастеляну, Пьеру Венсу и Вивьену. Что ещё сказать? Император отправился укреплять замок и башню епископа Саблата. Пока он устраивал и приводил в порядок гарнизон, прибыл гонец от Ролана Писа и передал императору письмо, в котором тот просил прислать ему тридцать рыцарей, потому что ломбардцы, как утверждалось в письме, поспешили выступить против него и хотели отнять его владения. Император сказал, что раз Ролан является его вассалом, то несправедливо было бы оставить его без помощи в такой нужде. Тогда император вызвал Ансо де Кайё и Гийома де Сена и сказал им, что они должны отправиться в этот поход; вместе с ними пошёл Гийом де Блендюэль. Что вам рассказать? Нашлось тридцать человек, которые сказали, что охотно исполняют приказ своего государя и охотно отправятся. Они пустились в путь. Но предатель, на помощь которому они шли, уже вступил в союз с ломбардцами за деньги и дорогие золотые ткани, полученные от них, и договорился, что будет теснить нас из своего замка и вести против нас войну. Так этот предатель заключил сделку с ломбардцами.

56. Ансо де Кайё со своими товарищами отправился к Пласмону на помощь человеку, который заманивал их в свою власть и непременно обманул бы, если бы Сам Бог не послал им добрый совет. Они доехали до Пласмона, но не вошли в город. Мессир Ансо послал к Ролану Пису, но того тогда в замке не было: он отправился к ломбардцам, чтобы устроить захват наших людей ночью. Такую измену Ролан Пис задумал против наших. Но Господь не пожелал допустить этого: Он вложил желание в одного сержанта, который сообщил нашим и ради Бога велел им немедленно возвращаться, потому что, если Ролан сумеет захватить кого-нибудь из них, они почувствуют это на собственной коже. Когда наши люди узнали об измене, они повернули обратно к Гиге и сообщили императору всё так, как вы слышали.

57. Услышав это, император был сильно огорчён и сказал, что предатель думает, будто обманул его, но пусть знает: прежде всего он обманул самого себя и после себя весь свой род. Тем не менее император ничем не смутился, а привёл в порядок дела в Фессалонике и сделал так, что все его наёмные воины остались вполне довольны платой. Затем он простился с императрицей, и она горячо поблагодарила его за оказанную ей честь. Он вышел из города, а его люди двинулись одни морем, другие сушей, одни пешком, другие верхом, и пришли к Китре. Сам император прибыл морем лишь с девятью рыцарями и не позволил большему числу войти вместе с ним. Шли столь сильные дожди и снег, что реки поднялись и разлились, луга и земля были совершенно покрыты водой; выюнные животные едва не тонули, а люди промокли до такой степени и так страдали от воды и холода, что казались полумёртвыми. В этом походе был Конон де Бетюн, который жестоко проклинал тех, кто завёл его туда, и говорил, что человек, перенёсший ради Господа такие великие мучения, когда каждый изрезан холодом и болью, вполне заслужил рай: «И если они получают великую награду, — говорил он, — то хорошо её заслужили». Одну ночь они расположились перед Верией, а оттуда пошли к Китре.

58. Когда наши люди прибыли в Китру, они нашли там своего государя императора и всё войско. Мессир Урис де Китр оказал им все почести, какие только мог, и сделал это настолько хорошо, что прежде всего император, а затем все люди войска очень его хвалили. Император устроил свои дела, а вечером отправился в Фессалонику вместе с Кононом де Бетюном, потому что ему сообщили, будто все его люди там готовы восстать против него. Он привёл в порядок гарнизон башни, стоявшей над морем, оставил там Гуго Блио и других рыцарей, имён которых я не знаю, а затем вернулся в Китру. Там он позвал своего брата Эсташа и Ансо де Кайё и

сказал им: «Сеньоры, выберите до тридцати самых достойных людей, каких только сможете найти во всём войске, затем идите в долину Вериссы и пройдите через проход». Между тем ломбардцы предложили императору мир на условиях, о которых я сейчас расскажу.

59. Их послом к императору был Робер де Маншикур. Он сказал, чтобы император освободил графа Бландраса, вернул ему управление королевством Фессалоники, которого лишил, затем удалился в Кортиак, а они придут туда и предоставят ему правосудие. «Друг мой, — ответил император, — вы сами хорошо можете понять, разумно ли это требование и есть ли в нём справедливость. Да даст мне Бог прожить достаточно долго, если Ему угодно, чтобы я мог открыть им своё сердце».

60. Это требование было передано императору в Великий четверг. В день Пасхи после еды император вышел из Китры со всем своим войском и сказал, что не вернётся назад, пока не исполнит в какой-то мере свою волю против ломбардцев, причинивших ему столько неприятностей. Он спокойно прошёл через проход и дошёл до Вериссы, где нашёл своих людей в великой радости; там ломбардцы снова прислали ему послов с теми же словами, которые вы уже слышали.

61. Император хорошо понял, что ломбардцы хотят лишь обмануть его. Он направился к мосту через Арсу и расположился примерно в двенадцати милях от него, потому что всё же охотно согласился бы на их отказ от сопротивления. Он послал к ним епископа и недавно посвящённого рыцаря и сообщил, что охотно заключит мир, если они предложат разумные условия: пусть остаются в стране, а он ещё даст им из своих владений, чтобы увеличить их собственные, только пусть станут его вассалами, принесут ему оммаж и клятву верности. Ломбардцы ответили, что никогда этого не сделают, потому что у них есть коннетабль, на которого они возлагают всю надежду.

62. Послы императора возвратились и сказали ему: «Сир, если вы хотите мира с ломбардцами, прежде всего следует освободить графа Бландраса, затем вернуть его в управление, после чего удалиться в Кортиак; там они придут к вам и исполнят перед вами всё, что должны. Если вам не угодно оставаться в Кортиаке, возвратитесь в Константинополь, и там они сделают то же самое по совету ломбардцев и французов. Через нас они ясно говорят вам, что ничего другого делать не станут».

63. Когда император услышал ответ ломбардцев и узнал об их великой гордости, он так разгневался, что не произнёс ни единого слова, и это было для него необычно. В то время он сидел за столом; но вскочил с такой яростью, что опрокинул наземь сиденье, на котором сидел, и поклялся, что раз ломбардцы не хотят ни мира, ни согласия, он узнает, хватит ли у них силы против него. Он приказал снять шатры, потому что, как сказал, хочет ночевать у моста, и велел объявить всему войску, чтобы каждый вооружился и был готов. Затем они поехали прямо к мосту через Арсу; император построил и расположил свои отряды и перед всеми рыцарями сильно жаловался на ломбардцев. Потом он послал рыцарей вперёд узнать, разрушили ли ломбардцы мост или он ещё цел. Были отправлены Гийом де Сен, Гийом де Белин, Госьян Монах, Эрну де Виллер, Готье де ла Ривьер, Робер де Бов — именно он первым перешёл мост, — а вместе с ними Алар де Кьери, Гийом д'Арондель, Рауль, его товарищ, рыцарь по имени Пьер из свиты Гийома де Белина, Каду де Кьери, Жиль де Бребьер и Жиро де Лемикур.

64. Наши люди и рыцари подошли к мосту; с ними были арбалетчики, посланные императором. Господь помог им так, что они нашли мост совершенно целым. Робер де Бов первым

вступил на него, а остальные двинулись следом. Они посмотрели вперёд и увидели спускавшихся ломбардцев, шедших им навстречу; наши, как храбрые и смелые люди, яростно встретили их копьями. Госьян Монах вовсе не оказался трусом, но проявил себя доблестным, сильным и искусным рыцарем, и товарищи часто собирались вокруг него. Знайте также, что многие другие хорошо показали себя в этом деле, в том числе Гийом де Сен, Эрну де Виллер, Готье де ла Ривьер и Алар де Кьери. Своей доблестью они удержали мост до прибытия оставшихся позади. Наши люди перешли мост как те, кто своей отвагой завоевал проход. Был там маленький сержант по имени Капитель, и все наши говорили, что он был одним из тех, кто действовал лучше всех. Наши так тесно преследовали ломбардцев, что силой загнали их обратно в замок, захватили пространство вплоть до главных ворот, сбили с коней многих их рыцарей и взяли их в плен. За мост произошла очень тяжёлая схватка. Хорошо проявили себя Госьян Монах, Эрну д'Армантьер и Готье д'Алло; они не остановились, пока не дошли до самых ворот, и там снова напали. Готье сбил ломбардца и захватил его коня, а Эрну д'Армантьер взял самого ломбардца без сопротивления и приказал держать его как пленника. Было бы утомительно рассказывать, что именно каждый там захватил; достаточно сказать, что все проявили себя достойными людьми и хорошими рыцарями и никогда ещё столь малое число людей не держалось столь хорошо и столь мужественно.

65. Затем к ним на помощь подошли два отряда наших людей. Если бы они немного поспешили к мосту, то пленили бы большую часть ломбардцев, но они не знали, что наши уже вступили с ними в бой. Когда Конон прибыл к мосту, он увидел, что наши люди уже так сражались с ломбардцами, что заставили их оставить место; после того как Конон перешёл мост, ломбардцы все убежали в свою крепость, оставив на равнине шатры, павильоны и всё прочее снаряжение. Только тогда император получил известие, что мост взят, и так обрадовался, что едва мог поверить. «Сир, — сказал Пьер де Дуэ, — поспешите немного быстрее вслед за двумя нашими отрядами, потому что я ни за что не хотел бы, чтобы наши люди потерпели поражение от ломбардцев».

66. После отряда Конона де Бетюна прошёл отряд Ансо де Кайё. Когда ломбардцы увидели их, самые быстрые уже не надеялись успеть укрыться в замке. Теперь у них совершенно пропало желание сражаться с нашими. Император, очень довольный и радостный случившемуся, пришёл к мосту. Кто хотел добычи, мог получить её здесь: мулов и мулиц, верховых и боевых коней, одежды и покрывала, золото, серебро и многое другое. Что ещё сказать? Из-за своей глупости и гордости ломбардцы потеряли в тот раз добра не менее чем на тысячу пятьсот марок чистого серебра, а то и больше.

67. Император вооружился и перешёл мост, сложенный из длинных узких досок; вода под ним была столь глубока и текла столь стремительно, что всякий, кто находился на мосту и смотрел вниз, приходил в страх. Перейдя, император сел на своего серого коня, велел закрепить шлем и взял щит такого вида, какой прежде носил граф Фландрский. Когда ломбардцы его увидели, они стали жестоко угрожать ему между собой и говорили, что щит, который он носит, должен быть очень крепок, потому что среди них он не найдёт ни верных, ни преданных друзей.

68. Император подошёл к воротам и осадил ломбардцев, чему они вовсе не радовались; самые храбрые из них предпочли бы находиться где угодно, только не там. Тогда Робер де Маншикур и Гийом де л'Арс пришли к императору и ради Бога просили позволить ломбардцам уйти, сохранив жизнь, тела, имущество и друзей, потому что они хорошо знают, что у них нет силы против него. Все достойные люди войска также просили императора ради Бога и

из милосердия отпустить их свободно. Внутри находилось около семисот человек, достаточно безумных и опасных, если бы они имели возможность. Там находился и брат маркиза, который вместе с коннетаблем Альбертином ходил к берегу реки узнать, смогут ли они при необходимости бежать по воде. Что вам сказать? По просьбе достойных людей и баронов император отпустил всех свободными, и ломбардцы поспешили к Флагре, не желая оставаться там долго. Так закончилось дело с ломбардцами. Когда утром наши подошли к мосту, Робер де Маншикур бежал в Пласмон; если судить его по прежним и нынешним поступкам, он вполне заслуживал быть повешенным выше всякого другого разбойника. Он не осмелился явиться к своему государю, а убежал и спрятался. Но Ролан не стоит того, чтобы я больше о нём рассказывал.

69. Император со своими людьми отправился в Амиро. Греки вышли ему навстречу как люди, чрезвычайно желавшие его прихода, принесли святые иконы и приветствовали его многими возгласами. Наши люди оставались в городе, никому не причиняя никакого вреда, так что греки говорили, что получили хорошего государя взамен прежнего, и молили Бога, чтобы ломбардцы никогда более не имели над ними ни власти, ни господства.

70. Так наши люди оставались там довольно долго, не причиняя никому вреда. Император принимал оммаж и клятвы тех, кто приходил к нему, и каждый день приводил дела страны в лучший порядок.

71. Затем рыцари вооружились и выступили дальше. Жители мест, через которые они проходили, принимали их, а тех, кто противился, они принуждали к повиновению.

72. Пока они находились там, прибыл Анри де Виллардуэн и привёз императору известия от других людей империи. Император выслушал его и созвал совет.

73. Конон де Бетюн и Ансо де Кайё посоветовали ему заключить перемирие там, где это возможно, чтобы успокоить страну и не рассеивать силы.

74. Тогда между сторонами было заключено перемирие и даны взаимные гарантии.

75. Как я уже сказал, соглашение было устроено так, чтобы сохранялись права императора и тех, кто принесёт ему оммаж и верность.

76. На следующий день прибыл Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии и Шампани, вместе с другими баронами. Они долго советовались с императором о том, как привести страну в повиновение.

77. Увидев, что ломбардцы более не способны сопротивляться ему в открытом поле и что часть их уже ищет мира, император продолжил поход.

78. Он ехал до тех пор, пока не подошёл к Фивам. Город и окрестные греки вышли ему навстречу и приняли его как государя.

79. Император вошёл в Фивы и был принят с большой честью. Однако часть людей укрылась в крепости и не хотела сдавать её.

80. На следующий день сержанты и рыцари вместе пошли на приступ, приставили лестницы к стенам и попытались ворваться в замок; защитники отвечали камнями, кольями и другим метательным оружием.

81. Велики были атаки, которые оруженосцы в тот день вели на крепость, и они много трудились, чтобы приставить лестницы к стене; но находившиеся внутри защищались каждый изо всех сил. Гийом дю Шенуа прокладывал себе путь мечом во рву, как я уже рассказывал, а защитники бросали в него огромные камни, желая раздавить, если смогут. Наши лучники и арбалетчики посылали внутрь стрелы и болты, но это мало помогало, потому что осаждённые защищались слишком мужественно и бросали слишком много камней и заострённых кольев. Были внутри и простолюдины, которые пращами бросали в наших большие острые камни и причиняли им удивительно большой вред. Шум и крики были велики. Что вам сказать? Если бы люди снаружи штурмовали столь же решительно, как люди внутри защищались, крепость была бы взята; но они нападали медленно и небрежно.

82. Когда император увидел, что приступом крепость не взять, он велел трубить отступление, а затем повсюду искать плотников, чтобы сделать лестницы, осадные башни и большие плетёные щиты. Защитники сражались каждый изо всех сил, но, как я думаю, эта оборона им уже не могла помочь, потому что лестницы были изготовлены высокими, большими и очень крепкими. Когда ломбардцы увидели их, они сильно испугались, и это неудивительно. Что вам сказать? Они заговорили о мире. Альбертин и Раван попросили перемирия на три дня, а находившиеся внутри отказались в пользу императора от всех своих фьефов и земель, сделали ему большие подарки и сдали крепость; император получил ключи.

83. Так обе стороны пришли к соглашению, и граф Бландрас был освобождён; но позднее он совершил столько дурных дел, что уже никогда не смог восстановить свою честь. Для его освобождения послали Пуэна де Лиона. Тот нашёл графа в Фессалонике и сказал, что поведёт его прямо к императору, чтобы тот выслушал решение суда. Граф отправился в путь, но по дурному совету миновал Фивы, чтобы избежать императора, и повернул к Негропонту. Пуэн де Лион вернулся к императору и рассказал, что граф, послушав дурного совета, едет в Негропонт. Император был сильно этим огорчён. «Как, — сказал он, — он не придёт сюда?» «Нет, сир, — ответил Пуэн де Лион, — напротив, он говорит, что отомстит вам». Что вам сказать? Крепости были сданы, и все заключили мир с императором, кроме графа Бландраса; но тот поступал настолько безумно, как будет рассказано далее, если найдётся тот, кто продолжит этот рассказ.

84. Император пошёл молиться в главную церковь Фив, церковь Богоматери. Её сеньором был Оттон де ла Рош, которому эту землю дал маркиз. Он оказал императору все почести, какие только мог. Император пробыл там два дня, а на третий отправился к Негропонту. Ночь он провёл в одном селении и оставался там до утра, когда Балдуин де Па сказал ему, что граф Бландрас находится в Негропонте. «Знайте, сир, — сказал он, — я ночевал там и услышал, что, если вы приедете, он вас схватит».

85. Услышав это, император очень огорчился, но всё же сказал, что непременно поедет. Он позвал Равана, коннетабля, находившегося с ним, Оттона де ла Роша и Ансо де Кайё и сообщил им, что граф хвалится: если император прибудет в Негропонт, он велит его схватить. Раван ответил: «Сир, не бойтесь; вы знаете, что город принадлежит мне, и я ручаюсь за вашу безопасность собственной головой». «Я не знаю, — сказал император, — что из этого выйдет, но я поеду». На следующий день он отправился на галере вместе с Раваном в Негропонт. Но

едва он туда вошёл, как уже можно было опасаться, что ему не дадут выйти, потому что измена была заранее полностью устроена.

86. Император Анри вошёл в Негропонт при великой радости. Греки города и всей округи встретили его чрезвычайно торжественно, с барабанами, трубами и другими инструментами, и отвели в церковь Богоматери молиться. Когда он помолился столько, сколько пожелал, то вышел из церкви. Граф Бландрас уже распорядился, как император должен быть убит, и хорошо знал, что тот прибыл без осторожности и с малым числом людей, потому что привёл лишь тридцать рыцарей. «Мы схватим его, — говорили заговорщики, — когда он будет спать в постели, и тогда отомстим ему так, как задумали».

87. Так император пробыл среди них три дня. В Фивы пришла весть, что император захвачен в Негропонте. Тогда можно было видеть рыцарей необычайно поражёнными, разгневанными и не знавшими, что делать; эта новость разошлась по всей стране.

88. Император пробыл в Негропонте три дня, и никто не сделал и не сказал ему ничего неприятного. Между тем Раван узнал всю подготовленную измену. Он пришёл к графу и сказал: «Граф Бландрас, граф Бландрас, что ты хочешь сделать? Как, ради Бога, твоё сердце может согласиться на такую великую неверность — убить императора? Ты не сможешь довести это до конца, не покрыв себя позором и не поплатившись телом. Кроме того, ты хорошо знаешь, что он прибыл в Негропонт под мою гарантию и что я его непосредственный вассал. Как ты думаешь, могу ли я согласиться, чтобы ему причинили какой-либо вред или помеху? Граф Бландрас! Граф Бландрас! Да поможет мне Бог, вы ничего этого не сделаете, потому что я не смог бы это терпеть и никогда не дам согласия».

89. Что вам сказать? Если бы не Раван, император не вышел бы из Негропонта без великих неприятностей и телесного вреда. Затем император сказал, что хочет вернуться в Фивы, чтобы увидеть своих людей, которые, как ему сообщили, тревожатся о нём. Он покинул Негропонт и отправился к Фивам; его люди вышли навстречу, и нет нужды спрашивать, с какой радостью они его приняли: они встретили его как своего государя. Но теперь рассказ оставит это дело и вернётся к Бурилю, который усердно готовился вторгнуться с огромным войском во владения императора Анри.

90. Когда император услышал эту новость, он был чрезвычайно огорчён, но сказал, что непременно пойдёт ему навстречу. Он приказал собрать рыцарей, сержантов и арбалетчиков и всеми силами увещевал и ободрял их. Тогда дурной предатель, граф Бландрас, послал сказать императору, что готов поклясться на святынях никогда более не выступать против него. Что вам сказать? Он добился того, что император принял его клятву. Так граф Бландрас заключил мир и остался при императоре как его вассал.

91. Теперь граф Бландрас примирился с императором, как вы слышали. Он громко хвалился, что поможет ему разбить владов и куманов, но измена в его сердце думала совсем о другом. Однако я здесь больше о нём говорить не стану, а расскажу о Михаиле, сеньоре Коринфа, который назначил встречу с императором Анри для заключения мира и доброго согласия.

92. Михаил назначил переговоры с императором; место встречи было определено ниже Фессалоники. Император прибыл туда и расположился под оливами; затем позвал Конона де Бетюна и Пьера де Дуэ и сказал: «Сеньоры, мне сообщили, что Михаил, с которым мы пришли сюда на переговоры, чрезвычайно коварен, лжив и остёр в речах. Я не должен желать его

даров и никогда их не желал, потому что ни один достойный человек не должен стремиться к подаркам, которые могут обернуться для него позором или бесчестьем. Скажу, что вам следует сделать: отправляйтесь к нему и скажите от меня, что, если он хочет стать моим вассалом так, чтобы держать от меня всю свою землю и все владения, я окажу ему столько же чести, сколько оказал бы родному брату; если он этого не хочет, пусть знает совершенно точно: я пойду на него со всей своей силой. Идите к нему и скажите то, что я вам сказал, потому что он также вызвал вас обоих».

93. Послы сели на коней и ехали до тех пор, пока не нашли Михаила, расположившегося в одном аббатстве. Они сошли с коней, приветствовали его от имени императора и передали письмо, как им было приказано. В письме говорилось, что обоим послам следует верить во всё, что они скажут от имени императора.

94. Михаил приказал прочитать письмо; когда его прочли, он велел послам изложить свою волю. Конон де Бетюн и Пьер де Дуэ начали говорить красивыми и учтивыми словами, столь умеренно изложили дело своего государя и столь сдержанно защищали свою сторону в ответах, что их противники были поражены; при этом они вовсе не относились к ним с презрением, но приводили столько хороших доводов и столько прекрасных оснований права, что все люди Михаила и сам Михаил начали желать мира. Что вам сказать? Послы настолько учтиво изложили волю императора и ответили на всё, что сердце Михаила несколько смягчилось, и он с улыбкой сказал им: «Сеньоры, у меня есть дочь, а у императора есть брат по имени Эсташ; если бы мы могли соединить их браком, мир между нами сразу стало бы легко заключить. Я дал бы Эсташу вместе с дочерью треть всей своей земли. И хочу, чтобы вы знали: я могу служить императору на море и на суше лучше любого человека во всей Романии».

95. Когда Конон де Бетюн услышал эти слова, он понял, что из этого может произойти великое благо. Он сказал Михаилу, что сообщит дело императору, легко получит его согласие и даст ответ как можно скорее.

96. Послы покинули Михаила и вернулись к императору. Они рассказали обо всём, что нашли, и о предложенном браке Эсташа с дочерью Михаила: «Он даст вашему брату Эсташу вместе с дочерью треть всей своей земли как фьеф и отныне будет держать от вас все свои владения».

КОНЕЦ МЕМУАРОВ АНРИ ДЕ ВАЛАНСЬЕННА.

МЕМУАРЫ СИРА ДЕ ЖУАНВИЛЯ.

ИСТОРИЯ СВЯТОГО ЛЮДОВИКА.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ О ЖУАНВИЛЕ.

Жан, сир де Жуанвиль, родился в 1224 году в замке Жуанвиль в Шампани; он происходил из древнего и знатного рода, представители которого с давних времён занимали должность сенешаля Шампани. Его отец Симон де Жуанвиль сопровождал графа Шампани в Святую землю и участвовал в войнах своего времени; после его смерти Тибо дал молодому Жану должность сенешаля Шампани, которую занимал его отец.

Поскольку отношения Жуанвиля с Людовиком IX составляют самую интересную сторону его жизни, мы прежде всего хотели узнать, когда могли начаться эти отношения. Сенешаль рассказывает в своей истории, что присутствовал при большом дворе, который король Людовик держал в Сомюре; на этом празднике он служил при столе перед королём Наварры, своим государем, но тогда ещё не носил хауберта и поэтому едва ли мог обратить на себя внимание Людовика IX. Следует думать, что Жуанвиль не раз сопровождал Тибо ко двору Франции; возможно также, ему поручали различные послания к Людовику, который мог оценить его характер и ум. Жаль, что мемуары молчат об этом и ничего не говорят о начале той благородной дружбы, которую время не ослабило и которая словно продолжает жить для потомства: для нас имена доброго сенешаля и святого короля неразделимы, и невозможно вспомнить святого Людовика, не вспомнив одновременно сира де Жуанвиля.

Когда Людовик IX, приняв крест, призвал французское дворянство, рыцарство Шампани и Бургундии не могло не собраться под его знамёнами. В то время среди знати этих двух провинций было великое соперничество в отношении заморских походов; Грецией, Мореей и несколькими областями Греческой империи тогда управляли бургундские и шампанские сеньоры. Хотя Жуанвиль уже четыре или пять лет был женат и ещё не получил отцовского наследства, остававшегося в руках его матери, он без колебаний взялся за оружие; скромность его владений его не остановила, и, возможно, она даже стала дополнительным побуждением, потому что надежда разбогатеть иногда заставляла рыцарей становиться под знамёна креста. Жуанвиль заложил всё своё имущество, чтобы иметь возможность отправиться в путь, и сам говорит, что у него оставалось лишь тысяча двести ливров ренты; он вёл с собой десять рыцарей, из которых трое носили знамёна. Эти расходы превосходили его возможности, но, как мы только что сказали, Восток тогда считался землёй, полной сокровищ, ожидавших новых хозяев. В таких далёких войнах при разделе добычи и завоёванных земель каждый начальник получал долю, соответствовавшую числу солдат и рыцарей, которых он привёл с собой; поэтому сир де Жуанвиль, как и многие другие, разорился в надежде приобрести за морем хорошее княжество. Следует добавить, что добрый сенешаль думал, будто поступает так угодно королю Франции и что благочестивый монарх во время бедствий крестового похода станет второй providением для тех, кто последовал за ним и посвятил тело и имущество его службе и службе Иисуса Христа.

Нет ничего более трогательного, чем рассказ Жуанвиля о приготовлениях к отъезду. У него только что родился сын, которого он назвал Жаном; около Вербного воскресенья все васалы пришли поздравить его. Несколько дней он провёл в празднествах и пирах со своим бра-

том Вокулёром и всеми знатными людьми страны. Они по очереди пели весёлые песни, и, конечно, будущие завоевания на Востоке не были забыты в этих песнях. Празднества начались в пасхальный понедельник; когда наступила пятница, Жуанвиль заговорил об отъезде и сказал всем присутствовавшим, что если кто-нибудь понёс ущерб по его вине, пусть скажет об этом, потому что он не хочет уезжать, несправедливо удержав хоть один день. Вероятно, никто не предъявил требований: обычно мало кто требует больших возмещений от тех, кто сам так идёт навстречу всякой жалобе и столь заботится о причинённом вреде. Несколько дней спустя сир де Жуанвиль исповедался аббату Шеминона, который повязал ему перевязь и дал посох паломника; затем он босой и в одной рубахе совершил паломничество в Блекур, Сен-Юрбен и другие святые места поблизости. Когда он снова прошёл перед замком Жуанвиль, где оставались его жена и дети, он не осмелился повернуть лицо к замку, опасаясь, что сердце его смягчится при мысли о том, что он оставляет детей и свой замок.

Жуанвиль не отправился вместе со святым Людовиком; через Лион он прибыл в Марсель, где нанял корабль для себя и своих рыцарей. Вид бурного моря и мысль обо всех опасностях, ожидавших его на волнах, должны были сильно волновать его. Входя на тесный корабль, которому предстояло стать его жилищем, и видя, как за ним закрывается дверь каюты, он не мог скрыть страха и не понимал, как человек может отдавать себя на волю моря и ветров в такой хрупкой лодке, особенно находясь в состоянии смертного греха. Когда пропели *Veni Creator* и подняли якорь, его мысли едва ли стали веселее, потому что вскоре он испытал все страдания морской болезни. Ветры сначала отнесли корабль к берегам Берберии, и первой увиденной землёй была большая гора, вероятно остров Пантеллерия. Больше всего рыцарей удивляло, что гора всё оставалась перед ними: после целого дня и ночи плавания они всё ещё видели её. Они очень боялись, что сарацины Африки нападут на них, а невозможность удалиться от горы казалась им почти колдовством. Один достойный человек, декан Марху, предложил устроить на палубе процессию, чтобы испросить Божью защиту; бедный Жуанвиль, хотя был болен, участвовал в ней, поддерживаемый под руки. После процессии корабль наконец смог удалиться от проклятой горы. На Кипр они прибыли 20 сентября 1249 года; вот почти всё, что Жуанвиль говорит о переходе.

Король Франции уже несколько недель находился на острове вместе с армией крестового похода. Сенешаль присоединился к нему в Никосии. После месяца пребывания у Жуанвиля осталось лишь двести сорок турецких ливров; рыцари, которым он больше не мог платить, угрожали его покинуть. Сам он говорит, что уже почти потерял мужество, когда Людовик IX пришёл ему на помощь и дал восемьсот ливров — сумму, превышавшую его нужды; за это сенешаль благодарил Бога и короля от всего сердца. Он провёл на Кипре зиму 1249–1250 годов. Можно сожалеть, что он не объехал остров и ничего не сказал о впечатлениях от страны, столь богатой воспоминаниями; но такова была неосведомлённость или благочестивая сосредоточенность крестоносцев, что прекраснейшие страны Востока едва привлекали их внимание: послушные советам пап, они шли к Иерусалиму, почти не глядя ни вправо, ни влево.

Когда пришла весна и море стало более доступным для плавания, христианская армия погрузилась на флот, состоявший более чем из полутора тысяч судов. После сильной бури в понедельник после Пасхи они подошли к берегу Дамиекты, где крестоносцы увидели большое войско, ожидавшее их на берегу, и всю силу султана, людей весьма красивых на вид. Сир де Жуанвиль был одним из первых, кто высадился. Вместе со своими рыцарями, графом Яффы и Балдуином Реймским он остановился перед многочисленным отрядом сарацин; они вонзили копья в песок остриём к неприятелю, и тот не решился приблизиться.

Я посетил место высадки, расположенное примерно в одном малом лье от устья Нила, в пяти четвертях часа пути от старой Дамьетты и в четырёх или пяти лье от озера Бурлос. Я прошёл по песчаной равнине, где сначала стоял лагерь святого Людовика и где Жуанвиль с товарищами строились к бою; вид берега убедил меня, что при спокойной погоде высадка была сравнительно лёгкой, однако при северном ветре весь флот мог разбиться о берег. Известно, что святой Людовик созвал совет, чтобы решить, следует ли высаживаться до прибытия кораблей, разнесённых ветром; история сообщает многие доводы, приводившиеся против промедления. Настоящей причиной, объединившей мнения, вероятно, был страх, что ветер переменится и станет противным. Песок на этой части побережья настолько зыбок, что коннице было трудно маневрировать, и всё преимущество было у пехоты, сохранявшей строй и прикрывавшейся оружием. К тому же войско султана долго не получало приказов, и уныние овладело воинами и начальниками. Вследствие беспорядка в сарацинской армии вся равнина и сама Дамьетта были оставлены, и сир де Жуанвиль не переставал удивляться благодати, которую Господь оказал крестоносцам, отдав им большой город без опасности для их тел.

Армия крестоносцев провела несколько месяцев в Дамiette, и всё это время Жуанвиль почти не отходил от святого Людовика, стоявшего лагерем на левом берегу Нила. Ему, как и другим рыцарям, приходилось прежде всего защищаться от постоянных налётов бедуинов; они проникали даже в христианские палатки, убивали встреченных и затем уезжали к султану, предъявляя отрубленные головы. Следует думать, что добрый сенешаль во время этого пребывания, как и на Кипре, мало интересовался памятниками и воспоминаниями древнего Египта. Единственное чудо страны, действительно занявшее его, — Нил. Он считал, что эта удивительная река вытекает из земного рая и что на её берегах растут корица и другие пряности, которые ветер сбивает с деревьев и вода уносит течением. Такое мнение Жуанвиля разделяли бароны, рыцари и даже епископы и клирики, следовавшие под знамёнами креста. Зато сенешаль довольно верно понял нравы и характер бедуинов, о которых говорит в мемуарах, и мы сами нашли их во многих чертах такими, какими он их описывает.

Когда позднее христианская армия встала у канала Ашмун, называвшегося крестоносцами рекой Рикси или Танис, Жуанвиль участвовал в нескольких боях. Однажды, в день Рождества, турки перешли канал и напали на христианский лагерь. Многие паломники разошлись по полям; сенешаль обедал со своими людьми, но ему пришлось немедленно прищипорить коня и броситься на сарацин. После отражения атаки граф Анжуйский и Людовик IX взяли на себя охрану лагеря со стороны Мансуры; защиту со стороны Дамьетты поручили графу Пуатье и храброму сенешалю. Турки ещё несколько раз возвращались к нападению, но, уверяет наивный историк похода, их всякий раз хорошо принимали и хорошо обслуживали.

Ашмун, или Рикси крестоносцев, перед которым остановилась христианская армия, едва шире Марны, однако русло его очень глубоко, а берега круты. Инженеры Людовика IX пытались построить дамбу, но течение уносило её по мере сооружения. Поскольку рабочие подвергались ударам камней и копий турок с противоположного берега, для их защиты построили деревянные укрепления, или «замки». Жуанвиль был среди тех, кто охранял эти сооружения, и Бог знает, какой ужас внушал ему греческий огонь, который сарацины бросали днём и ночью. Ему едва хватает слов, чтобы описать этот огонь: он был толщиной с бочку, длиной в пол-локтя и казался то молнией, падающей с неба, то драконом, летящим по воздуху. Как только огонь приближался, Жуанвиль и рыцари падали на колени, упираясь локтями в землю, и взывали к Господу, в Котором вся сила. Их положение было тем тяжелее, что, оставив пост, они покрыли бы себя бесчестьем, а оставаясь внутри деревянных укреплений, могли сгореть заживо.

Когда нашли брод, всё внимание обратилось на переход канала. Чтобы следовать рассказу Жуанвиля, полезно описать местность такой, какой мы её видели. Канал Ашмун, или Рикси, впадает в Нил недалеко от Мансуры и течёт с юго-запада на северо-восток; Мансура построена на восточном берегу Нила и господствует над равниной, уходящей за горизонт. Брод, найденный крестоносцами, находится примерно в полутора милях от города. Пространство, где стояла мусульманская армия и где произошло столько кровопролитных боёв, представляет плоскую равнину, пересечённую небольшими каналами. Я проходил по этой равнине в тот же сезон года, когда пришли крестоносцы, то есть при низком Ниле; местность имела тот же общий вид. Я смог определить место переправы, положение сарацин перед Мансурой, путь дерзкого графа Артуа и место подвигов святого Людовика. Я останавливался в той части равнины, где Жуанвиль, укрывшись среди развалин, рубил сарацин мечом и в самой гуще боя призывал монсеньора святого Иакова на помощь. Я узнал маленький мост, или мостик, который храбрый сенешаль весь день защищал от множества врагов, и вспомнил, как граф Суассонский, его двоюродный брат, сказал ему там: «Пусть эта сволочь ревёт; клянусь Божьим убором, мы ещё будем рассказывать об этом дне в покоех перед дамами».

Овладев правым берегом Рикси, христиане должны были вести ещё много боёв. Победа неизменно оставалась за их оружием, но в этих прекрасных равнинах их ожидали другие бедствия, не менее страшные, чем сражения. Был Великий пост, и крестоносцы ели главным образом бурботов, прожорливую рыбу, питающуюся трупами; кроме того, в этой стране никогда не выпадало ни капли дождя. Жуанвиль связывает с этим болезни, опустошившие войско. Самая страшная болезнь была такова, что плоть на ногах высыхала до кости, кожа становилась землистого цвета, словно старая сапожная кожа, долго пролежавшая за сундуком, а плоть дёсен гнила. В конце мало кто избегал этой беды, и верным признаком смерти было кровотечение из носа.

«Чтобы лучше нас вылечить, — прибавляет сир де Жуанвиль, — проклятые турки, хорошо знавшие нашу болезнь, задумали уморить нас голодом». Их флот находился выше Мансуры, у селения Семанур; часть судов они перетащили сушей и каналами Дельты и устроили засаду на Ниле напротив селения Бараммун, ниже христианского лагеря. Лодки с продовольствием стали попадать в руки врага, и сообщение между Дамьеттой и армией прекратилось. Ужасный голод довершил бедствие. Бедный сенешаль страдал не меньше других: раны первой битвы ещё не зажили, у него были те же болезни ног и дёсен, насморк лил изо рта и ноздрей, и ко всему добавилась четырёхдневная лихорадка, от которой да хранит нас Бог. Его бедный священник был столь же болен. «Когда он пел передо мной мессу, — рассказывает Жуанвиль, — и дошёл до освящения, я увидел, что он падает в обморок; когда я заметил, что он хочет упасть, я, больной, выскочил из постели, подошёл сзади и обнял его, сказав, чтобы он спокойно и без спешки продолжал и набрался мужества и доверия к Тому, Кого держит в руках. Тогда он немного пришёл в себя, а я не отпускал его, пока он не закончил мессу. Больше он уже никогда не служил и вскоре умер».

Все эти бедствия не позволяли идти дальше, и был дан сигнал к отступлению. Король с армией пошёл по суше; больной Жуанвиль не мог следовать и сел на судно на Ниле. Поднялся сильный ветер, мешавший баркам спускаться по течению; корабль сенешаля, вышедший на закате, за всю ночь прошёл лишь одно лье. На рассвете он оказался прямо там, где сарацины устроили засаду и собрали флот. Увидев галеру, враги выпустили такое множество стрел и греческого огня, что казалось, будто звёзды падают с неба. Другие христианские суда уже были захвачены мусульманами, которые убивали пленников или бросали их в воду; матросы Жуанвиля, не зная, что делать, бросили якорь посреди реки. Вскоре подошли четыре судна султана.

Сенешаль, в хауберте и с мечом в руке, держал совет с рыцарями; было предложено сдаться на одну из сарацинских галер, и все согласились, кроме одного клирика, советовавшего позволить себя убить и так попасть в рай, чему остальные не захотели следовать, ибо страх смерти слишком сильно их теснил.

Жуанвиль взял маленький ларец с драгоценностями и реликвиями и бросил его в реку. Один сарацин сжалился над ним, пришёл на помощь в великой опасности и отвёл на одно из судов султана; там толпа разъярённых людей грозила убить пленника, но добрый сарацин не отходил и кричал товарищам: «Это кузен короля! Это кузен короля!» Жуанвиля привели к офицерам, которые сняли с него хауберт и, видя его больным, накинули на него собственное алое покрывало на зелёном меху, данное ему матерью перед крестовым походом; дали также белый пояс, которым он обвязался, и капюшон, который надел на голову. Тогда он начал стучать зубами и от великого страха, и от болезни. Он попросил пить, но едва поднёс воду ко рту и попытался проглотить, как она вышла через нос. Его люди заплакали и решили, что хозяин почти умер, потому что в горле у него нарыв, который вот-вот задушит его; однако один сарацин дал Жуанвилю лекарство, и с Божьей помощью нарыв прошёл за два дня.

После нескольких дней плена сенешаль на палейфруа последовал за одним из эмиров, который перевёл его по мосту и привёл туда, где находился святой Людовик. Там писец записывал имена всех взятых христиан. Жуанвиль назвал своё имя, как остальные, и, войдя в павильон, где были французские бароны и множество других пленников, был встречен с такой радостью, что ничего невозможно было расслышать. Затем его перевели в другой павильон, где множество рыцарей и иных людей содержались во дворе, окружённом земляными стенами. Сарацины выводили пленников по одному и спрашивали, хотят ли они отречься от веры; соглашавшихся отводили в сторону, отказавшихся убивали и бросали в Нил.

Жуанвиль не называет места этих трагических сцен; по арабским авторам можно думать, что святого Людовика и его товарищей привели в Мансуру. Проезжая там в 1831 году, мы видели дом, где, по местному преданию, содержался король Франции, и дом, служивший тюрьмой баронам и другим пленным христианам. Жаль, что Жуанвиль оставил столь мало подробностей о плене и страданиях крестоносцев; он ограничивается словами, что пища пленников была жалкой, и поверить этому нетрудно. После нескольких недель тревог начались переговоры о выкупе короля и войска. Всё было почти согласовано, и король с баронами уже находились на судах, которые должны были отвезти их к Дамiette, когда каирский султан был убит мамлюками. Убийцы напали на него в павильоне на берегу Нила; преследуемый до самой воды, он погиб недалеко от галеры, где находился Жуанвиль.

Тогда для крестоносцев снова начались дни отчаяния. Пленники не раз видели, как сарацинские эмиры, покрытые кровью своего султана и с мечами в руках, врывались на судатюрьмы и угрожали убить короля и всех его товарищей. Однажды, когда эмиры появились особенно грозно, Жуанвиль увидел множество баронов и рыцарей, исповедовавшихся у тринитария из дома графа Фландрского; «что до меня, — прибавляет он, — я тогда не мог вспомнить ни зла, ни греха, который когда-либо совершил». Бедный сенешаль думал лишь о смертельном ударе и стал на колени перед сарацином, подставляя шею; рядом коннетабль Кипра Ги д'Ибелен также встал на колени и исповедался Жуанвилю, который дал ему отпущение в той мере, в какой имел на это власть от Бога. Добрый сенешаль добавляет, что впоследствии никогда не мог вспомнить ни одного слова, сказанного ему тогда коннетаблем.

Пленники долго жили в величайшем страхе, каждый день слыша угрозы смерти. Однако после многих перемен, надежд и отчаяния было заключено соглашение: король и бароны получили свободу за выкуп и возвращение Дамьетты. Для полной суммы не хватало тридцати тысяч турецких ливров. Жуанвиль предложил просить их у тамплиеров; те отказали. Тогда сенешаль вызвался силой взять недостающие деньги из сундука великого магистра и действительно сделал это; тамплиеры не простили ему этого, потому что позднее, когда он положил четыреста ливров на хранение казначею Храма, ему стоило огромного труда получить деньги обратно, и он поклялся больше никогда не доверять тамплиерам денег.

Жуанвиль сопровождал короля в Сирию. Они долго рассказывали друг другу о бедствиях и опасностях и вместе благословляли Бога, столь часто избавлявшего их от смерти. Но и в Сирии страдания сенешаля не закончились. Он рассказывает некоторые из них, однако говорит о себе лишь для того, чтобы побудить слушателей иметь совершенное доверие к Богу и терпение в несчастях. Он так естествен и прост, чувства его столь благородны и чисты, что слушать его не утомляет, когда он говорит о пережитом и почувствованном. Одно из больших достоинств Жуанвиля — умение уместно говорить о себе: он делает это редко и скорее по необходимости, чем ради удовольствия.

Высидевшись в Сен-Жан-д'Акре, сенешаль был настолько слаб, что едва держался на одном из палейфруа, приведённых для короля и его свиты. Когда Людовик IX послал за ним к столу, он явился в тюремном одеянии, имея на себе лишь алое покрывало, данное ему матерью и оставленное сарацинами. Епископ Акры, родом из Провена, дал ему для жилья дом священника церкви Святого Михаила. Болезнь несколько дней держала его в постели, а поскольку все его люди тоже болели, некому было его поднять и ухаживать за ним. Смерть постоянно стояла перед глазами: весь день к монастырю приносили мёртвых, и он слышал только печальные слова *Libera me Domine*; каждый раз он начинал плакать и молил Бога освободить его и всех людей.

Через некоторое время Людовик IX созвал оставшихся баронов, чтобы решить, возвращаться ли во Францию или остаться за морем. Жуанвиль был среди тех, кто советовал продлить пребывание на Востоке, потому что бедные пленники, оставшиеся в Египте, никогда не будут освобождены, если король уедет. Эти слова тронули баронов и заставили их плакать, но желание вернуться во Францию было столь велико, что они сильно разгневались на Жуанвиля и называли его «пуленом» — обидным именем для христиан, рождённых от франка и сирийки.

Стоит проследить жизнь Жуанвиля за морем. У него было два капеллана: один служил часы и мессу на рассвете, другой ожидал, пока встанут рыцари. Выслушав мессу, сенешаль шёл к королю и сопровождал его в поездках. После развращённости нравов в Дамьетте и поражений, которые приписывали тяжким грехам паломников, святой Людовик сурово карал беспорядок. Жуанвиль хотел подать пример и устранить подозрения: его постель стояла так, чтобы всякий вошедший в шатёр видел её, и делал он это, чтобы устранить всякое подозрение относительно женщин. Около дня Святого Ремигия он запасался на зиму, потому что зимой продовольствие дорожало из-за опасного моря. Запасы состояли из зерна, свиней, баранов и кур; покупалось сто бочек вина, причём лучшее всегда выпивали первым. Для слуг вино сильно разбавляли водой, для оруженосцев меньше; перед каждым рыцарем за столом ставили кувшин воды и кувшин вина, и каждый смешивал их по своему вкусу. Король поручил сенешалю пятьдесят рыцарей; за каждым обедом десять из них сидели у него за столом, не считая собственных людей. Рыцари ели по двое, друг напротив друга, по обычаю страны, сидя на циновках на земле. Когда эти пятьдесят рыцарей выступали в поход, Жуанвиль после возвращения

размещал их у себя; кроме того, он устраивал пиры для знатных людей войска во все большие праздники.

Пока святой Людовик жил в Акре, Жуанвиль оставался с ним; он служил королю в Кесарии, Яффе, Тире и Сидоне и покидал его только для паломничества к Богородице Тортосской и похода к Белинасу, к истокам Иордана, где подвергся большой опасности.

При отплытии из Акры Жуанвиль сел на галеру, на которой находились Людовик IX и королева Маргарита. В его мемуарах интересно следить за печальными остатками крестового похода, возвращавшимися во Францию. Судно было отброшено к Кипру, и один из самых сильных морских ветров, по выражению короля, едва не погубил великого монарха со всей семьей. Сенешаль, рассказывая об опасности утонуть, вспоминает наивность своего оруженосца, который набросил ему на плечи плащ, боясь, как бы тот не простудился. После первой опасности они снова вышли в море, и вскоре поднялась страшная буря; тогда горячо молились святому Николаю, покровителю моряков и потерпевших кораблекрушение. Королева Маргарита обещала святому Николаю Варанжевильскому серебряный корабль, а Жуанвиль обязался лично отнести приношение в его церковь в епархии Шалона. После этого ветер стих, небо прояснилось, а море закрыло свои бездны. Чудеса и благочестивые приключения этого плавания, этой христианской одиссеи, лучше перечитать в самом рассказе.

Высидевшись во Франции, сир де Жуанвиль расстался с Людовиком IX и вернулся в Шампань. Нетрудно представить его радость, когда он снова увидел замок, жену Аликс и сына Жана, родившегося перед отъездом и уже достигшего пятого года. Родственники, друзья и вассалы были особенно счастливы его возвращению, потому что часто слышали о бедствиях крестового похода и не раз уже оплакивали его смерть. Народ Жуанвиля и окрестностей сильно пострадал за время отсутствия сеньора и был разорён огромными поборами; все приходили жаловаться доброму сенешालю и просили больше не покидать их. Он уехал с большим числом воинов и рыцарей, а вернулся почти один; особенно тяжело было видеть семьи в трауре, которые приходили спрашивать своих детей.

Побыв некоторое время среди семьи и вассалов, Жуанвиль не забывал навещать Людовика IX и несколько раз приезжал в Париж. Каждый раз, когда благочестивый монарх видел боевого товарища и спутника заморского паломничества, он принимал его с такой радостью, что все удивлялись. Воспоминания крестового похода ещё теснее связали их. Прекрасно видеть рядом двух людей, которых сблизил и несчастье, и любовь к добродетели; каждый выигрывал от дружбы: благочестивая серьёзность короля смягчалась весёлостью сенешалья, а последний постоянно имел перед глазами пример, делавший его лучше.

Сколько раз Жуанвиль видел дела милосердия святого короля, сопровождал его в основанные им больницы, в госпиталь Кенз-Вен и лепрозории, видел, как он собственными руками ухаживал за больными и резал хлеб бедным! Самой прекрасной добродетелью Людовика IX был дух мудрости и справедливости, благодаря которому современники дали ему славное имя короля-судьи. Жуанвиль часто присутствовал при судах святого короля под деревьями Венсенна и в летние дни слушал тяжбы и прошения в парижском саду.

Не пренебрегая мелкими подробностями нравов, скажем, что Людовик IX научил сенешалья разбавлять вино водой, несмотря на врачей, утверждавших, что у того большая голова и «холодный желудок», отчего вода ему вредна; научил также никогда не клясться дьяволом и вообще не произносить имени демона, что, к неудовольствию Бога и святых, во Франции

делали слишком часто. Мемуары сообщают, что в замке Жуанвиль за такую речь были суровые наказания.

Я не решусь утверждать, что привязанность Жуанвиля к святому Людовику была совершенно бескорыстной, потому что щедрость короля к сенешалю возбуждала зависть баронов ещё за морем; кроме того, после крестового похода Людовик IX подарил ему землю Жернзе при условии непосредственного оммажа. Но следует отметить, что Жуанвиль ничем не был обязан лести и что его привязанность намного пережила короля, чего редко бывает у придворных удачи. Сенешаль исполнял обязанности доброго христианина, но ради религиозного монарха не делался более набожным, чем был. Однажды в присутствии короля и нескольких клириков он даже сказал, что предпочёл бы совершить тридцать смертных грехов, чем стать прокажённым. Людовик мягко укорил его и просил ради любви к Богу, а затем ради любви к нему считать смертный грех большим злом, чем проказу. Когда святой король спросил, моет ли он ноги бедным в Великий четверг, сенешаль ответил, что никогда не станет мыть ноги этим простолюдинам; король был этим сильно поражён и привёл пример Господа, омывшего ноги апостолам, и английского короля, который мыл ноги прокажённым.

Жуанвиль иногда спорил и с учёнейшими клириками, особенно с знаменитым Сорбоном, капелланом Людовика и основателем Сорбонны. Короля часто выбирали судьёй, и он становился то на сторону клириков, то сенешаля. Когда аббатство Сен-Юрбен осталось без аббата из-за нескольких одновременных назначений, Жуанвиль принял лежавшее в его землях аббатство под свою защиту, за что епископ Шалона отлучил его от церкви; по этому поводу на парижском парламенте был большой спор, и Людовик IX с трудом успокоил епископов, упрекавших его в защите расхитителей церковного имущества.

Святой Людовик и Жуанвиль часто беседовали о серьёзных предметах, о религии и нравственности. «Сенешаль, — спросил однажды король, — что такое Бог?» «Сир, это столь высшее и благое существо, что лучшего быть не может». Людовик IX остался очень доволен ответом и сказал, что точно такая формула записана в маленькой книге, которую он держит в руке. Когда Жуанвиль высказывал необдуманные мнения, король добрыми словами возвращал его к истине. Среди серьёзных наставлений он учил прежде всего исполнять обещание, не считать себя освобождённым от долгов даже тогда, когда отдаёшь имущество церкви, не злословить ближнего и без явной необходимости не обвинять человека во лжи, потому что из этого часто рождаются жёсткие и грубые слова.

Король никогда не принимал Жуанвиля так хорошо, как тогда, когда тот давал ему добрый совет и указывал на ошибки. Однажды Людовик получил от аббата Клуни двух великолепных палефруа и из-за подарка долго выслушивал аббата; сенешаль заставил его признать неправоту, и с тех пор король запретил своим чиновникам принимать что-либо от людей, приходящих просить правосудия. Слава князьям, которым можно угодить, лишь напоминая правила добродетели! Честь любимцам государей, которые остаются настоящими друзьями и сохраняют влияние только благодаря прямоте и любви к общему благу!

Время, не проведённое при дворе Тибо и святого Людовика, Жуанвиль проводил среди вассалов, стараясь по возможности исправить бедствия, вызванные его долгим отсутствием. Подобно святому монарху, он утешал несчастных, навещал больных, помогал бедным, строил и ремонтировал Божьи дома. Воспоминания о заморском походе не исчезали: по его распоряжению несколько сцен крестового похода и чудес, виденных им в святом путешествии, были изображены на витражах его часовни в Жуанвиле и церкви Иллекура.

Прошло двадцать лет после его возвращения с Востока. Однажды во время Великого поста святой Людовик вызвал баронов в Париж, и верный Жуанвиль был также призван. Хотя сенешаль болел четырёхдневной лихорадкой, он уступил настойчивым просьбам. В Париже однажды он заснул на утрени, и во сне ему привиделось, будто король стоит на коленях перед алтарём, а несколько прелатов облачают его в красную казулу из реймской саржи. Проснувшись, он позвал священника Гийома и попросил объяснить сон. «Увидите, — сказал тот, — завтра король примет крест, потому что красная казула означает крест, окрашенный кровью Иисуса Христа; а реймская саржа означает, что поход будет малополезен». На следующий день король действительно принял крест вместе с тремя сыновьями и многими баронами.

Людовик и Тибо много раз убеждали Жуанвиля последовать их примеру, но он отказался, объяснив, что его бедный народ слишком много пострадал за время прежнего заморского похода и что он должен остаться, чтобы защищать и облегчать его положение. Конечно, это была не единственная причина: сенешаль на собственном опыте узнал цену войны с неверными, и жестокий опыт ослабил его энтузиазм. Потеряв первую жену Аликс, он недавно женился вторично на женщине из рода графов Жуаньи. Он заботился о воспитании и состоянии детей, и этих причин было достаточно, чтобы остаться в Шампани. К тому же объяснение сна капелланом постоянно возвращалось ему в память, и «реймская саржа», обещавшая поход малополезный, укрепляла решение не покидать замок. Эта история о сне, удержавшем Жуанвиля от похода, хорошо показывает нравы и представления времени. Сон же когда-то толкнул Людовика IX на первый поход; сколько крестоносцев отправлялись так же, принимая ночные видения за выражение Божьей воли!

Нельзя не сожалеть, что Жуанвиль не последовал за Людовиком IX в Тунис: тогда он рассказал бы о смерти святого короля так же, как рассказал о его жизни. Для сенешаля гибель монарха, за которым он столь долго следовал, должна была стать великим горем; поэтому он говорит, что те, кто посоветовал королю отправиться, смертельно согрешили. Известно, какое горе охватило Францию при вести о смерти святого Людовика: народ благословлял блага его царствования и молил его с неба защищать оставленных подданных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.